

Шириной Досова

**Моя
вечная
весна**

Светлой памяти моей матери...

Шириной Досова

**Моя
вечная
весна**

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Моя вечная весна: Автобиография. – Корнталь: «Свет на Востоке», 2001. – 160 с.

Редактор *Елена Бошман*
Корректор *Елена Пеннер*
Компьютерная верстка *Андрея Цорн*

Изд. № 01.392

ISBN 978-3-939887-39-3

© Издательство «Свет на Востоке», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

«День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. 18:3). Не только в светлые и радостные периоды жизни обретает человек Слово свыше, но и «ночью» — в часы страданий и испытаний. В это «темное» время ему открывается особое знание, ведущее к преодолению мрака и победе над злом. Может быть, к этому обретению горнего света среди окружающей жизненной тьмы и относится знаменитое пророческое обетование: *«Мрак сделаю светом пред ними»* (Ис. 42:16).

Мне представляется, что именно такое восприятие бытия — поиск и нахождение «света в ночи» — и составляет внутреннее содержание книги Шириной Досовой. Четыре поколения одной семьи предстают пред нами в ее воспоминаниях. В этих поколениях есть и люди глубоко и дивно верующие, и люди неверующие, и люди сомневающиеся. Опыт всех их, лица их и души, озаренные благодарной памятью, проступают на страницах книги. И все их утраты и обретения словно бы конденсируются в личности и деятельности автора, переплавляясь в слово проповеди, в притчу и живой пример...

Зачем, почему человек обретает жизнь, наследственность и память в данной, а не в иной семье? Как связан он в Божьем замысле со своими предками и родственниками?.. *«Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали нам, не скроем от детей их, возвещая роду грядущему славу Господа...»* (Пс. 77:3—4). Любой из нас является «плодом» родового древа, восходящего корнями к первопредкам, и к каждому приложимо указание Евангелия: *«Был... сын... Сифов, Адамов, Божий»* (Лк. 3:23—38)

Как же радостно, когда «плод достоин корня своего»! Тогда в плоде прославляется все дерево, тогда оправдываются в потомках трудные и скорбные пути прародителей. Ибо, в конечном счете, осуществляется слово псалмопевца: *«Над всею землею да будет слава Твоя!»* (Пс. 56:6). «Земля» — земные пути предков, их переживания и терзания, житейские заботы — все это озаряется хвалой Создателю, исходящей из уст потомков. *«Тогда свет твой взойдет во тьме...»* (Ис. 58:10).

...Есть такая восточная притча. Учитель, дабы утвердить в сознании учеников истинную «систему ценностей», вручил им редкий камень и послал оценить его. На базаре на камень и смотреть не хотели, в лучшем случае предлагали гроши. А затем учитель велел отнести камень великому знатоку — лучшему ювелиру. И тот схватился за голову: «Откуда у вас такая драгоценность? Она достойна украшать корону падишаха!..»

...Не всякий способен оценить алмаз. Особая прозрачность восприятия — чистота сердца и взгляда — требуется для оценки сокровища духовного. А что может быть драгоценней подлинности в изложении событий и искренности — в постижении их глубокого смысла?

Именно этими качествами и отличается книга Ширинай Досовой. Ведь сквозь каждое ее слово, сквозь каждое упомянутое в ней происшествие просвечивает лучик славы Божьей.

И, читая, мы видим, как Его незримое присутствие становится явным в повседневных помыслах, словах и делах того, кто всечасно предает себя в руки Всевышнего: *«От руки Его — лучи, и здесь тайник Его силы!»* (Авв. 3:4).

Д. В. Щедровицкий

«В начале Ты, Господи, оскобал землю, и небеса — дело Твоих рук; очи погиднут, а Ты пребудешь; и все очи, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты перемериши их, и изменятся; но Ты Тот же, и лета Твои же кончатся» (Пс. 101:26—28).

В нашем мире все непостоянно и изменчиво. Неумолимо течет время, заставляя разные события сменять друг друга. Одни поколения уходят, другие рождаются. И кажется, что нет ничего постоянного, стабильного, вечного — такого, на что можно было бы опереться, на чем можно было бы строить свою жизнь. Но есть Тот, Кто стоит над пространством и временем, — Тот, Кто неизменен. И Он не только над миром и вне мира — Он здесь и теперь. Он с каждым из нас в любой точке пространства и в любой момент времени. Он пришел на Землю. Непостижимым образом вечное соединилось в Нем со временным. «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1:14). Он пришел для того, чтобы освятить Собой нашу суетную жизнь, возвысить ее, наполнить новым содержанием, придать ей цель и смысл. И мы не только можем читать о Нем в Евангелиях. Мы можем открыть Его присутствие в нашей жизни, общаясь с Ним, видя Его дела в этом мире, Его участие в трудах, скорбях и радостях человека. «Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же» (Евр. 13:8). Чтобы подтвердить эту истину, я хочу поделиться рассказом о моей судьбе и судьбах тех людей, с которыми связала меня жизнь.

Я родилась в Узбекистане в большой мусульманской семье. У отца — таджика, и мамы — украинки, нас, детей, было десять. Родители мамы, мои бабушка и дедушка, были православными. Они ничего не говорили нам о Христе, но молящимися я их видела часто, особенно бабушку. Помню, как она горько плакала и говорила маме: «Ты родила десять детей, и все они будут нехристи — какое это горе».

Бабушка и дедушка приехали в Узбекистан в 1941 году с Украины вместе с моей мамой и другими детьми по так называемому спецпереселению ЧСИР (члены семьи изменника родины): мамин брат Александр был «врагом народа» и погиб, как и миллионы несчастных, загубленных душ, во время сталинского режима.

С Украины тогда люди бежали в Америку и Канаду, дед тоже хотел уехать туда со своей семьей, но надо было плыть на пароходе, а бабушка была очень больна, и ей все казалось, что она по дороге умрет, ее выбросят в море, а там ее съедят рыбы. Но, приехав в Узбекистан, она часто повторяла: «Ох, лучше бы меня рыба съела...» В Узбекистан они ехали целый месяц в телячьих вагонах. Наконец их выгрузили в степи под палящим солнцем и поселили в бараках, похожих на хлев для скотины. Люди пухли с голоду, умирали, как мухи, в основном от брюшного тифа. Первое время спасением были черепахи в степи, но скоро их всех переловили. Бабушка никогда не видела черепах и называла их «змеиные головы». Она никак не могла привыкнуть к ним, и каждый раз, когда живую черепаху бросали в кипящий котел и та жалобно вытягивала из панциря свою голову на длинной шее, бабушка падала в обморок. Черепахи стали ей мерещиться везде, и когда однажды она достала образок — маленькую иконку Божией Матери,

чтобы помолиться, то, увидев, что из этого образка на нее смотрит черепаха, она наотрез отказалась есть черепах. Воды тоже не было — начался мор.

Бабушка решила бежать с младшим сыном Федором на свою «ридну Украину, свий солодкий край», ведь там осталось еще трое детей. Но в «солодком краю» ее выловили и отправили в тюрьму в город Красноярск. Оттуда ей тоже удалось бежать. Прячась, она с маленьким Федором ночами пробиралась к станции. Через полтора месяца ей чудом удалось добраться до своих в Узбекистане. Чтобы выжить, они продали с себя все, что могли. Моя 20-летняя мама обменяла на хлеб все свои красивые платья, о которых потом часто вспоминала. А еще она всегда вспоминала то обещание, которое тогда дала самой себе: «Если у меня будет кусок черного черствого хлеба, я никогда не скажу, что я голодная».

В то время в Узбекистане было много военнопленных — немцев, итальянцев, японцев, таких же оборванных и голодных, но которых еще и зверски били. Поумирало их тогда тьма-тьмушая. Когда пришли эшелоны с военнопленными, им дали есть соленую рыбу. После этого они набросились на лужи с водой. Многие с колен не встали — падали замертво. Трупы бросали в одну яму. Но когда после смерти Сталина узнали, что должна приехать комиссия из Москвы для расследования, то всю ночь устанавливали на огромном поле кресты, как будто бы каждого пленного хоронили отдельно, да еще с крестом. Мой дядя рассказывал, как он распахивал огромный холм под поле, которое потом все было усеяно, как арбузами, черепами людей. Однажды, когда военнопленных гнали конвоем на работу через поле, один пленный наклонился, чтобы сорвать под ногами маленькую помидорину, и был тут же расстрелян. Мама

всю жизнь потом вспоминала эту помидорину, из-за которой так хладнокровно был убит человек.

В маминой семье было воспитано обостренное чувство ценности человеческой жизни. Так, мой дед Степан Сидорович, отец мамы, прошедший три войны и награжденный в царское время Георгиевским крестом, радовался самому главному в своей жизни: пройдя три войны, он не убил ни одного человека. Георгиевский крест он получил за то, что первым прыгнул к австрийцам в окопы, и перепуганные австрийцы от неожиданности и без единого выстрела подняли руки вверх. За этот крест ему платили три рубля в месяц, и на них можно было купить «добру корову». Дед был физически очень крепким, его никто не мог побороть не только в родном селе, но и во всех соседних селах. Когда на передовую приехали борцы с культпрограммой и самый сильный из них предложил солдатам померяться с ним силами, не откликнулся никто, кроме моего деда, который потом вспоминал: «Я ёго так зачавив руками, шовин став жалобно пищать: „Хлопец, отпусти!“». Однажды во время партизанских вылазок дед встретился один на один с австрийским солдатом, руки у обоих инстинктивно потянулись к ружьям, а потом дед второпях выхватил из торбы (вещмешка) хлеб и протянул австрийцу, и тот в ответ из своего мешка достал кусок сала. Так они сели под деревом, поели вместе хлеба с салом, а потом дед сказал: «Ну, тепера тоби — туда, а мени — сюда». И разошлись в разные стороны. В другой раз, когда дед стоял на охране склада, к нему подполз враг и бросил в него гранату. Граната не разорвалась, и дед закричал перепуганному насмерть врагу: «Тикай, тикай, хучей тикай! (Убегай, быстро убегай!)» — и выстрелил дважды вверх. Когда был рукопашный бой и

под крики «ура» все бежали на неприятеля, дед бежал вместе со всеми, но стрелял всегда только вверх. «Як добрэ, шо я нэ убыв ни одного чоловіка. То ж — душа! Колы смэрть до тэбэ придэ, шо ты будэш робыць, як ты чужу душу загубыв?» — часто повторял наш дед.

Мы, воспитанные тогда на фильме «Чапаев», в котором герой гражданской войны Василий Иванович рубил шашкой всем подряд головы, стеснялись, что дед никого не убил на войне, считали его трусливым, всегда смеялись и подтрунивали над ним. Даже учили его: «Дедушка, это такой позор, а ты этим хвалишься. Ты хоть не рассказывай никому, а то и над нами будут смеяться в школе». Сегодня я поклонилась бы в ноги моему мужественному деду, который рисковал своей жизнью, щадя чужую.

Мой дед был солдатом, призванным на войну убивать людей, но, видимо, заповеди Христа были глубоко поняты им. Если бы все люди воевали так, то не было бы войн. Я думаю, что именно поэтому Бог сохранил моему деду жизнь и благословил его семью: жена и пятеро детей, высланные вместе с ним в голодную степь на явную смерть, остались живы. В то время там не осталось ни одной семьи, где не умирали бы дети, в некоторых семьях умирало по три-четыре ребенка — один за другим. Дедушка не особенно говорил о своей вере, любил уединение, но мы часто видели, как он по слогам читал большую затрепанную Библию. Нелегкая судьба выпала моему деду: где он только не бывал! Даже в ссылке в Сибири, куда сослали его «проклятые Советы» за то, что он был старостой в селе. Когда отец хвалил Сталина, дед, не скрывая, плевался и говорил, что «портрету Сталина нет места даже в уборной». Дед мой прожил 84 года, перед смертью приподнялся с

постели и сказал: «Вот в дверях цари стоят, за мной пришли». И умер.

Я выросла в селе, в котором жили переселенцы: украинцы, немцы, русские, финны, корейцы, азербайджанцы, болгары, крымские татары, эстонцы, чеченцы, греки, карачаевцы, евреи. Даже китаец был, которому местные жители дали русское имя Володя. В Китае он был капитаном корабля, а у нас он еле выжил, часто просил у трактористов керосин, пил его и при этом говорил: «Вы ничего не понимаете, керосин — от всех болезней». А еще я вспоминаю карачаевца — дедушку Абдуллу, которого очень любили дети, бегая к нему смотреть на удивительно красивых голубей с мохнатыми лапками. Жил он в пятиметровой комнатке с земляным полом, в которой вся обстановка состояла из железной койки, стола и большого деревянного сундука, в котором он заквашивал для себя молоко. Вокруг нас были большие поселения таджиков. Наверное, благодаря общению с людьми разных народностей я совершенно не переношу национализма в любой его форме.

Надо сказать, что у нас жили не просто переселенцы, а лучшие люди страны. Были они очень совестливыми и работающими. Среди них было немало известных людей, но тогда никому до этого не было дела. И многие из них остались безымянными. Так, в соседнем селе работал Керер Рудольф Адольфович, прекрасный пианист, доцент Московской консерватории. Он играл в фильме «Аппассионата». Там есть такой эпизод: в квартиру Горького пришел Ленин и, слушая «Аппассионату» в исполнении Керера, хвалил ее. А у нас бедный Керер месил глину и делал кирпичи. Старожилы вспоминают, как эти странные переселенцы собирались после тяжелой работы вокруг старого приемника и слушали

такую же странную «тянучую» музыку – классику или оперу. Работа была на износ: не простое это дело собирать хлопок в тридцати-сорокаградусную жару, когда приходилось через все поле идти к одной-единственной ржавой бочке, чтобы напиться горячей от солнца воды. В нашей маленькой сельской восьмилетней школе преподавала замечательная учительница Елизавета Рудольфовна из аристократической семьи, блестяще владевшая тремя языками. В Москве она работала в Институте иностранных языков, преподавала немецкий и французский, но тоже чем-то не угодила и была сослана к нам. Где все эти люди сегодня? «Иных уж нет, а те – далече...» После перестройки они стали тысячами уезжать в Германию, Россию – кто куда. Именно переселенцы «распахали землю» своими молитвами и подготовили ее для проповеди Евангелия. Я свидетель тому, как сегодня многие коренные жители – таджики, узбеки, казахи, каракалпаки и киргизы – обращаются к вере Христовой и принимают Иисуса Христа как своего личного Спасителя.

В нашем селе осталось всего несколько семей переселенцев, но совершенно беспомощных и брошенных всеми на произвол судьбы. Одинокая семидесятипятилетняя бабушка Мария ухаживает за своей столетней парализованной матерью и все время плачет одровах: где их взять, чтобы согреться, а главное, чтобы просушить пеленки из-под матери. Такого же возраста баба Лена живет и мается с сорокалетней сумасшедшей дочерью Надей, которая большей частью сидит на земле, что-то бормочет, смеется и сыплет песок себе на голову. А наша соседка – финка Эди, заведующая детским садом, после перестройки осталась без работы, без пенсии, одно спасение, чтобы выжить, – это ее корова. Но корова за-

болела и сдохла. Большого горя я не видела — казалось, что это умерло ее единственное дитя.

Дома уехавших переселенцев заняли казахи — беженцы из Таджикистана. И совсем изменилась картина села, ведь быт казахов — это юрта в степи и табун коней. К тому же, по экономическим причинам, в селе отключили свет и газ, люди стали вырубать деревья на дрова. И село, которое когда-то было все в зелени и цветах, сегодня такое мрачное — без деревьев, без дорог, в рытвинах и в грязи. Но самое страшное: разрушены все общественные здания — ясли, контора, детский сад, большой двухэтажный клуб с библиотекой. Их стали разворовывать, растаскивая по домам кирпичи, рамы, шифер с крыш. И среди всей этой разрухи стоит целехонька одна только общественная баня, построенная в 1937 году высланными из Карелии финнами. Говорят, что не дается она — кирпич стоит намертво, с места не сдвинешь, хоть взрывавай, — не то что поздние постройки. А я думаю, что разворовать ее не могут по другой причине: баня эта как памятник — она своим молчаливым присутствием говорит о той страшной трагедии, свидетелем которой были ее стены. Раз в неделю к бане подвозили мыться военнопленных, из которых только часть выходила на своих ногах. Остальных выносили и складывали в кучу на бричке. Пленные были очень ослаблены: они не переносили горячей бани и умирали в ней. А потом эта бричка шла на окраину села, где трупы сбрасывали в большую яму.

Старики об этом не вспоминают, думая, что молодых сегодня не интересует ничего, кроме денег. Когда я писала эту книгу, размышляя над тем, что происходило на моей родине, то почувствовала внутреннюю потребность помолиться на том месте с односельчанами

и попросить у Бога прощения, может быть, после этого начнет меняться наша жизнь и наше село. Пошла к брату, нарвала большой букет нарциссов и обратилась к играющим детям на улице: «Кто хочет принять участие в возложении венков, пошли за мной к бане!» Дети стали спрашивать: «А кому у бани цветы возлагать, там же мусорка?» «Пойдемте — говорю, — там все узнаете». Пошла за мной ватага, человек сорок—пятьдесят ребят разного возраста, а потом и взрослые потянулись. Какие же у детей были удивленные глаза от услышанного! Несколько мальчиков сбегали домой, принесли тюльпаны и положили их к стене бани. Мы молились на том месте, а потом я раздавала конфеты, чтобы помянуть умерших. Мне показалось, что ребята за это время стали взрослее. По официальным данным, в нашем крае во время сталинских репрессий погибло два миллиона человек, а статистики о пленных вообще нет, их никто не считал.

*Рассказ о подвигах на поле грозной битвы
Восторгом пламенным мне не волнует кровь;
И к небесам я шлю горячие молитвы,
Чтоб снизошла в сердца озлобленных любовь.*

*Чтоб миновали дни тревог, ожесточенья,
Чтоб, позабыв вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Все племена слились в единую семью.*

(А. Н. Плещеев)

Мама наша была человеком большой души. И я думаю, что именно ей Бог определил быть первой миссионеркой в послевоенном Узбекистане, хотя она об этом и не догадывалась. О Христе она никогда ничего не говорила, но

два самых главных христианских праздника — Рождество и Пасху — знали, благодаря ей, все таджики, проживавшие в селе. Мама задолго готовилась к этим праздникам: белила дом, уже с начала весны начинала собирать куриные яйца для Пасхи и очень много пекла. Я помню, что за неделю до праздника она не спала почти ни одной ночи и готовила по несколько больших баков пасхальных гостинцев. После бессонной ночи утром бежала на работу в поле. Особенно тяжело было ей, когда собирали хлопок, ведь дневная норма составляла 60—80 кг, и при этом три раза в день с поля ей нужно было бегать в детские ясли, чтобы покормить грудных детей. Нас было десять, из них три двойни. Тогда был приказ: «Всем — на работу!» Не было исключения даже для матерей новорожденных: через две недели после родов мать отправляли в поле, а младенцев забирали в детские ясли.

Когда вечером мама прибежала с работы домой, то не знала, за что хвататься: скотину в сарае нужно было кормить, поить и доить, в огороде сажать и поливать, одеяла шить, детей обстирывать и кормить. Ночью она все время вязала носки и чистила хлопок для одеял. И хотя была совершенно неграмотной, она часто читала нам наизусть стихи, особенно Тараса Шевченко. Она любила этого поэта за то, что он был круглым сиротой и крепостным невольником.

Мама очень любила цветы, особенно розы и „коврик“. Этот „коврик“ цвел даже на улице рядом с нашим домом. Его мама сажала каждый год, чтобы, проходя по улице, люди радовались, глядя на цветы. Все она делала вприпрыжку, только бегом. А когда отец приходил с работы (он был бригадиром), мама бежала еще и к нему: сапоги с ног снять, подушку под бок подложить и чай принести. Он не помогал ей по хозяйству, потому что так принято

в мусульманской семье — все в доме держится на женщине, поэтому мама и готовилась к Пасхе по ночам. И когда наступал этот праздник, то все таджики в округе приходили к нам в дом, и мама, уставшая, но счастливая, раздавала всем булочки и крашеные яйца.

В этом заключалось свидетельство ее веры, и делала она это от всего сердца и по зову души, за что до сих пор все в селе вспоминают ее с глубокой благодарностью. Вначале родственники отца с топорами и вилами приходили убивать маму, потому что она была «урус», то есть русская: они не хотели, чтобы она была женой таджика. Но прошло время, и они все изменили отношение к ней. Мой дед, отец моего отца, был человеком добрым, любил бывать у нас и всегда говорил, что из всех его снох самая лучшая — «урус». Она так прониклась духом народа, среди которого жила, что внешне стала очень похожа на таджичку.

Мама прожила 64 года. Умерла она от рака. Долго мучилась, смерть ее была тяжелой, как и сама ее жизнь. Два года она кричала от болей после операции, когда ей удалили нижнюю челюсть, пол-языка, половину гортани и часть щеки. Наркотики не помогали. Ее вой был таким, что по коже бегали мурашки, и все уходило из ее комнаты. Это был вой и не человека, и не зверя, а какого-то страшно замученного существа. Брат однажды, сидя у постели матери, рыдая, говорил: «Нет Бога! Где Бог, если мать так мучается?» Она с трудом коротко ответила ему: «Никогда не говори так. Бог есть». Мама очень желала смерти и ждала ее, как праздника. Известия о чьей-либо кончине в селе она принимала с нескрываемой завистью, и на лице ее выступал молчаливый вопрос: «Почему это не я?» Тогда я поняла, что смерть может быть радостью, избавлением и даже счастьем.

Я ухаживала за мамой, брала на работе за свой счет отпуск. Лежала вместе с ней в больнице в Ташкенте, а потом в Москве в онкологическом центре, куда с большим трудом удалось устроить ее благодаря маленькой бордовой книжечке «Мать-героиня». Но за месяц до ее смерти, когда она была уже в Узбекистане, я надорвалась от хронического недосыпания и уехала в Москву. Я чувствую свою вину, хотя в уходе за ней не было недостатка: братья жили рядом, а один брат, когда заболела мама, даже из другого города всю семью перевез, чтобы ухаживать за ней. Его жена Катя, перед которой мы все с благодарностью склоняем головы, беззаветно служила нашей матери до последнего ее вздоха.

Я приехала из Москвы за пять дней до смерти мамы, когда она лежала, уже успокоенная и просветленная, с заострившимся носом и необыкновенными влюбленными глазами. Я сказала ей долгожданное — то, что она больше всего ждала на свете: «Мама, ты умираешь...» Она, улыбаясь, кивнула головой. «Знаешь ли теперь ты, мама, — спросила я, — почему ты страдала?» Она кивнула головой. (Я тогда интересовалась восточными религиями и верила в переселение душ). Я сказала ей: «Мама, мы обязательно встретимся. Но только тогда, когда ты опять придешь на землю, чтобы никогда так больше не мучиться, ладно?» Она улыбнулась и опять кивнула головой. Мы не могли понять, почему она, уже почти бездыханная, не умирает. Оказалось, что ее сестра с Украины из-за непогоды задержалась на четверо суток в дороге. Как только сестра вошла в комнату, мама протянула ей руку и через десять минут умерла. Хоронили ее по-мусульмански, и все таджики пришли оплакивать ее.

Оглядываясь сегодня назад и размышляя над жизнью и смертью моей матери, я думаю, что мама наша

была великой праведницей. Я не видела в своей жизни более кроткого, смиренного и жертвенного человека. Говорю это я не только как дочь, безусловно, любя свою мать. Эти ее качества могут подтвердить односельчане, которые, как правило, еще добавляют: «Мама ваша была очень добрая, умная женщина и немногословная».

Через трудную и скорбную жизнь освящалась ее душа. На Украине сосед мамы в отместку за то, что она отказала ему в замужестве и хотела выйти замуж за другого, написал в органы, что мамин брат Александр — бендеровец. Кажется, банальная история, когда один любит, а другой нет, но как трагично она повернулась: из-за этой клеветы пострадала вся семья. Через три месяца, когда они уже были в Узбекистане, этого соседа зарезали в собственном доме. Видимо, он еще на кого-то донес, и с ним лихо расправились. В народе в таких случаях говорят: «Бог шельму метит». А жених мамы, единственный сын у родителей, когда узнал, что мою маму высылают, решил ехать вместе с ней в ссылку, но мать его не пустила, боясь, что сын в степи погибнет. Он погиб через год на войне. Волосы на себе рвала его мать, когда узнала, что невеста сына осталась жива. В уединении мама часто напевала песню, которую пел ей жених, и по щекам ее текли слезы:

*Солнце низенько, вечер близенько,
Спешу до тебе, лечу до тебе
Мое серденько.*

...

*Ох, як я вийду, тебе не застану,
Сгорну рученьки, сгорну биленьки,
Тай не жив я стану.*

Когда мы были маленькими, а мама — молодой, она часто повторяла: «Вот только бы мне дожить, чтобы Бореньку — последнего в семье — в армию проводить, а придет уж пусть без меня». Так и получилось: Боря был в армии, когда мама умерла. Его отпустили на похороны, но он не успел, так как по мусульманскому обычаю покойников хоронят в тот же день — до захода солнца. А еще с юности я запомнила, что мама хотела быть погребенной у дороги. Когда копали для нее могилу рядом с могилами родственников в центре кладбища, там оказалось много воды, так как место было очень низкое, и пришлось похоронить ее на возвышенности, у шоссе на дороге.

Мы вспомнили об этих ее пророческих словах позже. Идешь по этой дороге к кладбищу: слева — шумный базар, где все крепко держатся за свои карманы, чтобы не обворовали, бурно торгуются, кричат и смеются, — ведь это восточный базар, жизнь здесь бьет ключом. А через дорогу, чуть впереди, — тихое кладбище, где только кусочек кривой проволоки соединяет две створки железных ворот, ограждая кладбище от баранов, чтобы они его не топтали. И стоя на этом мистическом месте, «между жизнью и смертью», я всегда думаю одно и то же: где правда жизни — слева или справа? Все те, кто тихо лежат справа, совсем еще недавно были слева — на этом шумном базаре, и им было так же много нужно, как и нам сегодня. Но вот уже ничего не нужно — только крохотный кусочек проволоки... И мне всегда кажется, что слева — просто какой-то театр и игра в жизнь, а справа — неумолимая правда. «Смотри на жизнь с мыслью о смерти, а на смерть — с мыслью о жизни», — учили старцы. Лежит мама у дороги и как будто бы говорит именно об этом.

*Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все, как вихрь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны, и бессильны.*

*О братья, где серебро и золото?
Где сонмы многие рабов?
Среди неведомых гробов
Кто есть убогий, кто богатый?*

*Все пепел, дым, и пыль, и прах,
Все призрак, тень и привиденье —
Лишь у тебя на небесах,
Господь, и пристань, и спасенье!*
(А. К. Толстой)

Отец наш в отличие от матери был человеком суровым и непреклонным. В памяти моей с самого детства запечатлелась вот такая грустная картина: маленькая мама несет из магазина домой мешок лука на голове, а крепкий и сильный отец не спеша идет за ней, скрестив руки за спиной. Удивляться нечему: именно такое разделение ролей предписывает мужу и жене мусульманская традиция. А однажды мама сильно заболела: у нее был такой радикулит, что она не могла пошевелиться и лежала на полу с горячим песком и утюгом на спине. Отец вошел в комнату, посмотрел на маму и сказал: «Лежишь, отдыхаешь...». И, недовольный, вышел. Ведь женщина в семье, согласно суннитским обычаям, должна быть постоянно занята работой.

У отца была мания работы — всех детей он „впрягал“ во что мог. Постоянно мы чистили кукурузу и хлопок, ухаживали за скотиной, пасли баранов, вечно что-то

копали и что-то таскали, — в общем, работали, как муравьи. Но с особой жалостью я вспоминаю, как мои братья-подростки должны были всю ночь косить клевер, хотя его можно было совсем недорого купить. Но так принято у местных таджиков: косить по ночам клевер. Привозили они, бедные, его на бричке в 3 — 4 утра, будили маму и нас, сестер, и мы его разгружали. Рано утром отец просыпался, начинал всех будить и кричать: «Сколько можно спать, уже обед!» В доме было холодно, особенно зимой, мы спронеья забивались по углам и зябли, ожидая, когда можно будет идти в школу.

Нас, детей, он часто ставил голыми коленями на кукурузу, наказывал и иногда даже за пустяк. Помню, как-то я разговаривала с девочками-соседками, а он подозвал меня и дал хорошую оплеуху на глазах у всех со словами: «Иди домой, работать надо!» Мне было лет десять-одиннадцать. Не знаю, почему, но я потом долго объясняла этим девочкам, хотя они меня и не спрашивали, что отец подозвал меня, погладил по щеке и сказал: «Иди, дочка, домой уроки делать».

Старшим доставалось больше, особенно братьям, их было семеро. Отец „вразумлял“ их, приказывая им самим приносить палку для битья. Перепробовали мы столько палок, что научились хорошо разбираться, какая бьет не так больно. Потом делились друг с другом секретом, как выбирать палку: она должна быть не как прутик, а то потом все тело горит, и зубами ее нужно от сучков очистить, потому что сучки до крови ранят. Однажды братья ловили рыбу в заросшем арыке. Делали они это крадучись, чтобы отец не узнал, так как он считал это занятие праздностью. Но, проезжая на ишаке, он случайно увидел их в камышах и крикнул: «Я вам сегодня дома покажу рыбу!» Можно себе представить, с каким

настроением должны были дети идти в тот день к себе домой. Сам отец играл в домино, но особую страсть питал к игре в карты. Не приходится удивляться, что позже почти все его сыновья пристрастились к этой игре. К сожалению, некоторым из нас передалась и суровость по отношению к детям. Мой племянник недавно рассказал мне, как его отец, мой старший брат, голым положил его на снег за непослушание, а в другой раз приковал его за ногу цепью в сарае. Именно этот брат сорок лет назад пережил подобное: за определенные проступки отец заставлял его раздеваться и ложиться голым на снег, а бабушка – мать отца – в наказание привязывала внука цепью за ногу к ослиному колышку. И доброе, и дурное почти в точности повторяется через поколения. Оно глубоко живет в памяти, ожидая своего часа выйти наружу.

*Тот добродетели нас может научить,
Кто учит добрыми делами...*

*...Пример над юными сердцами
Сильнее действует, чем красные слова.
(В. А. Жуковский)*

Мама не могла позволить себе спросить у отца: «Где ты был?» Такой трепет внушал он, что подобные вопросы даже просто не приходили в голову. Он изменял матери, и она из-за этого много переживала и плакала. Но для восточных мужчин измены жене являются обычным делом, этим еще и гордятся. Я однажды просила бабушку рассказать, как мама вышла замуж за отца и какая у нее была свадьба. Бабушка горько улыбнулась... и коротко ответила: «Жалийте свою мамку, вона багато настрадалась».

Однажды мама купила нам на базаре новогодние маски. Сколько было радости, мы так кричали от счастья, что забыли о том, что в соседней комнате спит отец. Ведь когда он был в доме, то стояла такая тишина, что можно было услышать, как муха пролетит. Разбуженный отец встал с кровати, разорвал все маски, а потом от него досталось и матери, и нам. Мы уже не рады были этим маскам, нам было жалко маму. Скрывая слезы, она ушла в маленькую комнатку и долго плакала. А отец сел на пороге и сам себе сказал: «Жалко, зачем я это сделал?» Сестра, слышавшая эти слова, передала их маме. Бедная наша мама на радостях двадцать раз переспросила у нее: «Скажи, скажи, как он сказал, скажи еще раз».

У нас никогда не было игрушек. Единственной игрушкой у мальчиков была «лянга» — кусок свинца на бараньей коже, которую они подбрасывали ногами. Брат елозил кирпичом по асфальту и представлял, что это танк. А я делала себе куколку из палочек и надевала на нее платье из газеты. С какой завистью я смотрела на настоящих кукол соседских девочек, но никогда не просила себе купить такую, понимая, что это невозможно. А еще я, как сейчас, помню разноцветные бантики Ларисы Пономаревой, моей одноклассницы и круглой отличницы. Они вызывали у меня такое восхищение, потому что в мои косички всегда была вплетена веревка или шпагат. Но и бантиков я не просила купить. По голове моей часто бегали вши — разве мама в состоянии была одна за всем усмотреть? Она успевала только сосчитать нас вечером перед сном по головам. Но я наловчилась сама выводить паразитов, опуская голову в ведро с керосином и заматывая ее крепко на ночь тряпкой.

Лариса умерла от рака. Лет семь я рассказывала ей о Христе: вначале она не хотела слушать и говорила, что

я сошла с ума. Но за год до смерти искренне обратилась к Богу, много читала Библию и, будучи уже очень больной, просила меня собирать вокруг нее соседей, чтобы читать Евангелие и петь псалмы. В это время у нее затихали боли. Похоронить себя она просила так, чтобы у ее гроба звучало Божие Слово. Она очень хотела, чтобы у нас в селе люди собирались вместе и прославляли Бога. Ее желание было услышано свыше: сразу после смерти Ларисы в селе образовалась община, причем так просто и неожиданно, что только диву даешься. Первые восемь человек таджиков вступили в завет с Господом через водное крещение.

Когда умерла Лариса, я была в Москве, и мой брат привез на похороны из соседнего города пастора Ивана Братана, миссионера, который вместе со своей большой семьей, с десятью детьми, переехал из Молдавии в Казахстан спасти церковь, из которой почти все 700 членов немцев уехали на свою родину — в Германию. Я недавно посетила эту церковь: на стенах висят плакаты с выдержками из Слова Божьего на немецком языке, а на лавках сидят широколицые казахи с раскосыми глазами. Может быть, для этого и уехали немцы, чтобы уступить свои места казахам?.. Не зря они там собирались и молились, в том числе и о мусульманском народе, и о своих соседях. И хотя самим им не пришлось увидеть плоды своих молитв, но я верю, что в вечности многие с ликованием встретят всех тех, за кого у них плакало сердце.

Мусульмане очень жалели, что немцы уезжают, так как у них были породистые коровы, которые давали много молока. В нашей столовой принимали излишки молока: переселенцы никогда не разводили его водой в отличие от местных жителей, у которых на ведро молока приходилось как минимум два-три литра воды.

Мусульмане до сих пор сокрушаются о всех уехавших: евреи были прекрасными врачами, русские — инженерами, корейцы выращивали очень вкусный рис, финны знали толк в строительстве и научили нас париться в бане, у греков была необычная кухня, и все учились у них засолам и маринованию; и так можно перечислять все нации — каждая из них имела что-то свое, неповторимое и прекрасное. Местные жители, таджики и узбеки, тоже интересные народы, славящиеся гостеприимством. Любого зашедшего в дом человека они вначале посадят за стол, угостят и только потом поинтересуются, зачем он пришел. Живут они размеренно и неторопливо, любят землю, ходят по ней осторожно, как будто слушают ее дыхание.

Когда пастор Иван на похоронах Ларисы сказал, что она была верующим человеком, любила Иисуса Христа и поэтому ее душа сейчас жива и с нами, то пьяный муж Ларисы стал материться и кричать: «Как жива? Она мне уже своей болезнью надоела... Опять жива? Унесите ее быстрее отсюда!» А ведь когда-то он был лучшим учеником школы, окончил военную академию, имел воинское звание, но со временем спился. Вот, казалось бы, русская семья, в которой все образованные, но сколько горя от своего мужа натерпелась эта бедная Лариса с тремя детьми. Такова жизнь без Христа: у русских часто мужчины — пьяницы, а у мусульман — нередко жестокие.

Когда я прочла страницы об отце своим братьям, они советовали мне не включать их в книгу, потому что всем нам больно за отца. Все это было в прошлом, когда мы были маленькими, позже он стал совсем другим, и, может быть, не стоит выносить сор из избы. Но ведь на самом деле речь идет не только о моем отце. Я встречала

много людей, судьбы которых схожи с моей. И не только у мусульман отцы жестокие: на днях я читала эти страницы знакомой русской женщине Наташе, она зарыдала и сказала: «Наш отец был хуже вашего, он череп моему брату разбил». Нам не нужно было бы помнить, что мы делали вчера, если бы это не было связано с сегодняшним днем.

Библия говорит: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». Но наказание наказанию рознь. Христианское наказание — это воспитание, обязательно сопряженное с любовью, отнюдь не с необходимостью покарать. Разве можно сравнить наказание, которому учит Библия, с наказанием моего отца? Вот один пример. Однажды за сквернословие (особо тяжкий проступок в глазах мусульманина) отец заставил моего брата высунуть язык и ремнем начал бить по языку. Мама, глядя на это, забежала в дом, собрала в простыню вещи, чтобы уйти, и вышла на улицу. Но куда идти с маленькими детьми? К тому же все переселенцы жили, как заключенные, и без специального разрешения, которое выдавала комендантура, нельзя было пойти даже на базар, находившийся в четырех километрах от нас.

Когда мы подросли, в семье случилась такая история. Сестра Фатыма еще ребенком была сосватана, но, когда училась в институте, вышла замуж за другого. Отец кричал: «Сожгу весь дом!» Он не мог вынести позора, связанного с нарушением данного жениху официально обещания. Я по ночам вскакивала в страхе и бежала на улицу. Отец спал в соседней комнате, и при любом шорохе мне казалось, что это он встает, чтобы зарезать всех нас большим кинжалом. Этот кинжал все время лежал у него под подушкой, так как по мусульманским

обычаем под голову кладут нож и кусочек хлеба. С того времени у меня начало покалывать сердце, и в семье у нас почти все сердечники.

Другая моя сестра, Зина, в этот тяжелый момент ублажила отца: она согласилась выйти замуж за жениха Фатымы. Это тоже в мусульманском обычае: если жениху не отдали старшую дочь, то отдают младшую. Горько плакала моя сестра, соглашаясь на этот брак, и говорила: «Я делаю это только для мамы и для сестры Ширь» (так звали меня в доме). Вся эта история разыгралась, когда я училась в восьмом классе, и отец сказал, что я больше не пойду в школу, а буду пасти баранов, чтобы не поступить так же, как старшая сестра. Но Зина спасла меня, выйдя замуж, и я перешла в девятый класс. Спасибо тебе, Зина.

Я очень хотела учиться и со слезами упросила отдать меня в школу с шести лет. Проучилась я неделю, и директор школы сказал, чтобы я пришла учиться на следующий год, так как из-за маленького роста меня не видно за партой. На следующий день рано утром я снова пришла в школу, но учительница не пустила меня в класс. Иду я из школы домой, волочу сумку по земле и реву на всю улицу, а навстречу завуч школы идет, Александр Иванович, и спрашивает меня: «Что это ты, Шира, так плачешь?» «Да вот, — говорю, — из школы меня выгнали, сказали, что я маленькая... Сами они маленькие!» Как можно было убедить меня, что я маленькая, если в пятилетнем возрасте я целый месяц лежала в больнице одна в палате и ухаживала сама за собой, потому что у мамы было много работы, а остальные все учились. Когда мама навестила меня в больнице и предложила остаться со мной ночевать, я сказала ей: «Нет, мамка, иди домой, я уже большая, тебя Боря маленький ждет». Боре было

два года. Мама заплакала и уехала. Весь медперсонал этой больницы каждый день просил меня петь одну и ту же песню:

*С далекого краю
Лелеки литили,
Тай в одного лелеченька
Крилоньки зимлили.
Высушила силу
Чужина проклята,
Визьмить мене, лелеченьки,
На свои крылята.*

Было еще несколько куплетов, но я их забыла. Только теперь я понимаю, почему меня так часто люди просили петь песню о лелеках (журавлях) и слушали ее всегда плача, ведь все они были переселенцами.

В семье нашей всегда было много работы. В четвертом классе я уже доила корову и месила тесто. А в школе мы учились всего по три-четыре месяца в году, так как всю школу «снимали» на сбор хлопка с сентября по декабрь, а в апреле—мае опять «снимали» — прореживать хлопок. Собирали мы хлопок до декабря, даже несколько раз Новый год встречали в поле. Это было издевательство: хлопка нет, собирать нечего, а мы, озябшие, бродим по мокрому полю до шести часов вечера, потому что был такой приказ: пока вся республика не сдаст план, в районах все должны быть на полях, независимо от того, есть на поле урожай или нет. Кровью давался нам этот хлопок. А потом ночью в бункере его поджигали: сожгут пять тонн, а в отчетных бумагах напишут, что пятьдесят сгорело. Так выполняли план. И такая была у нас учеба. Нетрудно себе представить, с какими знаниями я при-

ехала по приглашению Московского университета (я училась на заочных подготовительных курсах) сдавать вступительные экзамены. И хотя основной предмет — литературу — я сдала на пятерку, все равно не прошла по конкурсу, потому что он был очень высокий: восемь человек на одно место. Домой я уже не вернулась, осталась в Москве.

Я много думала о своем отце. Мы, дети, бывали даже довольны, когда он уезжал из дому, особенно, если надолго, например, на курорт. О чем мечтают дети? О полетах в космос, о необыкновенных путешествиях... А я мечтала об одном: чтобы отец почаще отдыхал на курорте. Это была моя затаенная детская мечта! Только мне все казалось, что она совершенно неосуществима. Когда умер мой отец, я была уже взрослым человеком, мне было 32 года. Как же горько я плакала на его похоронах: мне было жалко моего отца. Он прожил нелегкую жизнь. Может быть, он проявлял излишнюю суровость, но это потому, что и с ним поступали сурово, и все то, что ему самому пришлось пережить в детстве, он перенес на своих собственных детей. Хорошо, что память наша имеет свойство многое забывать. Прошло время, у нас образовались семьи, и мы во многом поняли нашего отца и полюбили его.

К сожалению, это картина не только моей семьи: во многих мусульманских семьях мужчины ведут себя гораздо более жестко и даже грозно. Я помню, как мой дядя с цепью в руках гонялся за своими детьми. И даже образование и советская система мало что изменили: молодое поколение выросло не лучше старого. Так, моя племянница лет семь назад вышла замуж за таджика-родственника, а брат мужа ударил ее, беременную на восьмом месяце, сапогом по животу так, что ребенок в утробе умер, а ее еле спасли, сделав операцию, после ко-

торой у нее никогда больше не будет детей. И племянница продолжает жить в семье мужа, готовит и обстирывает всю семью, в том числе и упомянутого родственника. А как часто несчастные женщины-мусульманки, облившись керосином, сжигают себя! Сорокалетняя женщина из соседнего аула, мать пятерых детей, решила покончить жизнь самоубийством и бросилась с башни, но осталась жива. Теперь лежит без обеих ног. Жестоки не только мужчины. Так, свекровь облила керосином и подожгла свою молодую невестку, а потом закрыла ее, обожженную, в сарае за то, что она, не спросив разрешения, дала кусок лепешки соседским детям. Через несколько дней стоны слышали соседи, но спасти ее уже не удалось, в ней уже завелись черви. А если с мусульманской девушкой случится грех прелюбодеяния, то ей нет пощады. Мужчины занимаются этим запросто, часто даже и не особенно скрывая. А ведь Коран осуждает грех прелюбодеяния с обеих сторон, и Мухаммад велел побивать таковых камнями. Но вот был случай с незамужней девушкой, которая всячески скрывала, что она беременна. Когда мать узнала об этом, то в испуге решила сама сделать операцию и прервать беременность: вспоролла дочери живот, а когда та умерла, завернула ее в одеяло и подожгла, а младенца выбросила в уборную. В этом поступке выражен весь животный страх и ужас женщины перед мужем, перед родственниками, перед соседями, перед всеми на свете. Это ужас, который заложен глубоко в сердце и который страшнее смерти.

Хочу еще немного сказать об отце: он был незаурядным и сложным человеком. Он был старейшиной в своем роду, и в дом к нам часто приходили за советами, самыми разными, а также за примирением, потому что отец умел улаживать конфликты. А еще он очень много молился.

Отец мой был правнуком муллы: мой прапрадед Тош был известным муллою. Может быть, поэтому отец особенно любил приглашать в дом муллу и каждый раз просил его, чтобы он приносил с собой священные книги. Отец внимательно слушал, когда эти книги читали ему вслух, и даже плакал. Сам он был неграмотным, но знания ценил и почти всем детям дал высшее образование. Денег на это не жалел, потому что поступить в Узбекистане в институт без денег было почти невозможно. Среди нас есть учителя, врачи, пятеро получили юридическое образование.

Помню, когда он в первый раз приехал ко мне в Москву, где я жила в коммунальной квартире, в комнате площадью в одиннадцать квадратных метров, он сразу же пригласил всех соседей в мою комнатку на плов. И когда я объяснила ему, что в Москве так не принято, он совершенно этого не понял и сказал: «Тогда я уеду». В квартире проживало шесть семей. Все пришли. Отец угощал их водкой и пловом, но сам не пил. Когда я приезжала домой, первым делом отец спрашивал: «Как твои соседи?» — и подробно интересовался каждым.

Однажды я сказала отцу, что одна бабушка в нашей квартире умирает, и я ухаживаю за ней. Сын этой бабушки, проживавший в другом районе, просил меня обменять ее комнату на мою, так как комната пропадет, а она в три раза больше моей. Я не хотела заниматься обменом, потому что знала, что исполком после ее смерти все равно предоставит эту комнату мне, поскольку у меня был самый маленький метраж в квартире. Отец сразу ничего не сказал, но когда я уезжала, пожал мне руку и сказал только одну фразу на прощание: «А комнату ты поменяй». Я сделала обмен, а после выяснилось, что в одной из комнат нашей квартиры были прописаны люди, не проживающие у нас и претендующие

на бабушкину площадь. Как мой отец за тысячу верст это видел? Потом пришла приватизация, при обмене квартиры стал учитываться метраж, и эти лишние метры мне оченьгодились.

Отец был очень гостеприимным человеком: в доме у нас всегда собирались гости, и все лучшее предназначалось для них. Однажды отец принес ведро меда, и его держали под замком. Но случайно закрыли и кота, который забрался в это ведро и страшно орал, завязнув по шею. Кота спасли, но мед уже нельзя было подавать гостям, потому что в нем было много шерсти. Из экономии с этого кота счистили мед. Радости нашей не было предела: от души мы тогда наелись этого меда. С курорта отец всегда привозил апельсины, они для нас были в диковинку, и ели мы их вместе с кожурой. Я и сейчас люблю кожуру от апельсинов: она напоминает мне мое детство. Денег отец откладывать не умел, старался всегда что-нибудь купить в дом или детям. Заботился как мог. Мы не голодали, в доме был хлеб, молоко, а на ужин почти всегда мясо. А еще отец никогда не обманывал и очень не любил хвастунов. У нас, первых в совхозе, появилась машина «Волга», ее купил отец в 1959 году. Имея машину, он считал своим долгом помочь другим: даже когда машина была переполнена, он всегда останавливался на остановке и втискивал в машину людей, чтобы довезти до центра, денег же за это никогда не брал. А когда в голодное время его родителям в обмен на мешок кукурузы семья карачаевцев из соседнего села отдала свой ковер, отец, придя с работы и узнав об этом, был сильно возмущен: схватил этот ковер и еще мешок кукурузы, погрузил все это на ишака и отвез обратно карачаевцам. Они до сих пор об этом вспоминают.

К концу жизни отец очень изменился: стал мягче, нянчил внуков (но прутик под подушкой всегда держал наготове) и даже ходил в сарай кормить коров. Он имел две семьи. На второй жене, таджичке, его женили родители, и у нас было одновременно две мамы. Мою маму он очень любил, несмотря на всю суровость по отношению к ней. Это трудно понять, но это так. Наверное, и мама его тоже любила. Он несколько раз ездил с ней навещать ее родителей в Украину, куда они уехали в семидесятых годах. Это для многих казалось необычным, так как ездить вместе с женой несвойственно мужчинам-мусульманам, тем более в то время. И после ее смерти он начал чувствовать себя ненужным. Ко второй жене отец не переселился, остался жить в нашем доме. Вторая семья находилась в километре от нас, он не часто бывал там, хотя вторая наша мама, Джангил, была женщиной очень хорошей. Это я сейчас понимаю, а тогда я очень переживала за свою мать. Она прожила после мамы два года. Когда она умерла, мы кричали: „Апа! Апа!“ (Мама! Мама!) Также и ее дети на похоронах нашей мамы кричали и плакали. У мусульман принято оплакивать покойника шумно. Моют умершего тщательно: чистят ему уши, зубы, нос. Потом заворачивают в 22-метровую белую ткань и выносят на носилках из дому. Носилки несут на бегу, и все мужчины бегут следом. Если умерший был пожилым человеком, то бросают над покойником деньги. Женщины в это время стоят дома, рыдают и смотрят вслед этой процессии. Им разрешается пойти на кладбище только на второй день.

После смерти моей мамы отец погрузнел и осунулся. Мне рассказывала соседка, как однажды она спросила отца: «Мурза, что ты такой грустный? Как ты себя чувствуешь?» Он ответил ей: «Нет моей Хоти, и чувствую я себя в доме одинокой и никому не нужной тумбочкой».

У него был сахарный диабет, но он обходился без лекарств, а к концу жизни начало болеть сердце, хотя он все время был на ногах. За неделю до смерти сестра уговаривала его поесть, так как у него пропал аппетит. Он в сердцах сказал: «Неужели вы не видите, что я умираю?» Но часто так с нами бывает: мы не придаем особого значения таким словам. В день смерти, вечером, когда приехали все его сыновья из соседних сел проведать его, он совсем недолго посидел с ними, попил чаю, но потом начал поспешно торопить их уехать домой. А сам пошел в свою комнату. Младший мой брат, который жил вместе с ним, зашел к нему. Отец сидел на постели и молился, а потом сказал, как будто бы самому себе: «Почему же он не приходит?» Брат спросил его: «А кого Вы ждете, ака?» (с отцом мы всегда разговаривали на «Вы» и называли его «ака»). Он ничего не ответил, продолжал молиться. Брат рассказывал, как почувствовал в этот момент необыкновенное присутствие в комнате чего-то таинственного, и это присутствие было таким ощутимым, что стало даже страшно. Вдруг отец перестал молиться и сказал: «Пришел», а потом запрокинул голову на подушку и умер.

Всякий человек на земле страдает, и не бывает легкой жизни. Но каждому Бог дает свою меру. Не знаю, почему, но только в сравнении с маминной жизнью жизнь отца была совсем другой, а уж о смерти и говорить не приходится. На похоронах отца было очень много людей, в селе не помнили, кого еще так хоронили. Отовсюду шли и ехали люди, чтобы проститься с ним. Надо сказать, что и он всегда считал своим святым долгом проводить человека в последний путь, и поэтому часто ездил на похороны, даже если это было очень далеко.

Оглядываясь назад и размышляя о своем прошлом и настоящем, я хочу отдать должное моему отцу и поблагодарить его за то, что он был большим учителем в моей жизни. Спасибо Вам, ака. Он заставлял нас много работать, уважать родителей и старших, воспитывал в нас самодисциплину, волю и трудолюбие. Он смог привить нам, пусть даже через страх, некоторые хорошие качества. Когда двадцать пять лет назад я приехала в Москву, мне пришлось работать по лимиту. А в столице лимитчики были людьми даже не второго, а непонятно какого сорта. С жильем тогда было не то, что сейчас: не так легко было снять угол, и работать можно было только там, куда никто по доброй воле не шел. Много пришлось пережить и даже на вокзале ночевать. Не все приезжие выдерживали такую жизнь в Москве, но мне она не казалась тяжелой, потому что отец подготовил меня к суровой жизни. Правда, мой отец переусердствовал в наказании, но, может быть, это лучше, чем если бы он не наказывал нас совсем.

Почему мой отец был очень мудрым, добрым человеком и одновременно очень суровым и жестким? Он жалел людей и многим помогал, но со своими домочадцами был чрезмерно строг. Я думаю, что он был так воспитан. Ведь создавая свои собственные семьи, мы привносим в них то, что видели и пережили в детстве, часто копируя своих родителей.

Суровость эту отец мог унаследовать от своей матери — моей бабушки. Многие нищие вспоминали ее с благодарностью, потому что она не позволяла умереть с голоду, часто отдавая последнее в доме, хотя собственные дети и внуки, а особенно невестки, жили впроголодь. Время такое было — голодное, но она умела делиться хлебом. Однако характер у нее был деспотичный, и она

всех держала в ежовых рукавицах. Я вспоминаю, как ее невестка Давлат на каждом шагу засыпала, она могла спать даже стоя. Положит одно полено в тандыр (печь для лепешек), и, пока рука тянется к другому полену, голова уже тяжело свисает вниз, потом испуганно вздрогнет, проснется, и опять то же самое. Я недавно сказала ей: «Тетя, вы запечатлелись в моей памяти вечно спящей и вздрагивающей». Она, улыбаясь, ответила: «Это благодаря твоей бабушке, которая мучила нас день и ночь работой». Я думаю, что именно от нее моему отцу передалась эта страсть всех занять работой. В свою очередь, моя бабушка Хурмат унаследовала такой характер от своей матери — моей прабабушки Гафар, о которой все отзывались как об очень строгой и властной женщине. Дядя рассказывал, что когда она крутила кому-нибудь из детей уши, то крик был слышен очень далеко. На выходные дни отец отправлял к бабушке моих старших братьев. Мальчики сильно кричали и отбивались. Они не хотели идти к бабушке, потому что за любые провинности она закрывала их в темной, сырой кладовке, похожей на подвал, и еще приговаривала: «Тут вас змеи съедят», изображая при этом пальцами два страшных змеиных зуба. Вот таким было наше детство.

Мы с братом — двойняшки, родились в большой православный праздник — день святых апостолов Петра и Павла, 12 июля. Бабушка (со стороны матери) очень просила отца назвать меня в честь праздника Павлиной, а брата — Петром. Она была православной, и я помню, как часто она с болью осуждала свою старшую сестру Анну, которая в то время жила в Украине, за то, что та «изменила своей вере и пошла в штунду», то есть стала евангельской христианкой. Попала она туда через своего мужа, который «по-черному» пил, а потом познакомился

со штундистами, перестал пить и привел к ним в общину свою жену Анну. Все дети у них уверовали, и сегодня их сын Павел – пастор церкви в Костополе в Украине. Я это все вспоминаю и думаю: откуда корни моей веры? Это и слезы бабушки о «нехристях», и молитвы ее сестры – штундистки Анны, прожившей дольше всех в бабушкином роду, – более 90 лет. Ну и, конечно, сыграли свою роль удивительная вера моего деда и необыкновенная сердечность моей матери, ее любовь к христианским праздникам.

Просьбу бабушки о наших именах отец не исполнил и назвал меня Шириной («сладкая луна»), а брата – Шакар («сахар»). Но бабушкины слезы и желания дошли до Неба. Сегодня я тружусь в церкви в Москве, а Шакар – пастор церкви в Узбекистане. И отцу я очень благодарна, что он дал мне пророчески точное имя: «луна». Ведь луна, как известно, не имеет собственного света, она отражает свет солнца. Точно так же и моя жизнь без Бога была бы темной, как темная луна.

Но случился праздник: я встретила с моей вечной весной – с Иисусом Христом. Большое и яркое Солнце наполнило мою душу, и мир засиял для меня новыми красками. Верно сказал пророк Малахия: «А для вас... взойдет Солнце правды – и исцеление в лучах Его... и вы зыграете».

Первую проповедь об Иисусе я услышала на Арбате в годы перестройки и гласности. Вот иду я по Арбату без смысла жизни и без цели (так я себя чувствовала к тридцати годам) и вижу: пожилой человек о Библии говорит. Мои ноги просто «вросли в землю», я почувствовала что-то очень родное и близкое. Но это родное где-то так долго пропадало, и вот я с ним встретила. И из иссохшей души вырвалось огромное, как небо, счастье и побежало навстречу этому родному и вечному.

Есть такая удивительная рыба — европейский речной угорь, который мечет икру только в Саргассовом море. Икринки течением уносит так далеко, что они могут попасть в другие моря, а оттуда в реки и озера. И вот однажды этот угорь, движимый инстинктом, преодолевая все препятствия, даже выпрыгивая на сушу, чтобы «идти пешком», если иначе нельзя, устремляется за тысячи верст вперед — туда, где он когда-то был икринкой, в Саргассово море. Он может плыть до восьми месяцев без пищи, и цель его одна — дом, родина. Именно такое чувство я пережила тогда на Арбате, слушая слова о Боге и о Библии.

Я пригласила на следующий день этого человека к себе домой. Звали его Виктор Павлович, ему было 60 лет, двенадцать из них он отсидел за веру в тюрьме. Пришел он утром, а ушел вечером, чтобы успеть на последний поезд метро. И за весь день мы даже не попили чаю. Так быстро пролетело время, как одно мгновение, что я забыла о еде. Тогда я впервые ощутила состояние, когда насыщается душа. В конце беседы я воскликнула: «Я верю в Иисуса Христа! Что мне теперь нужно делать?» Он ответил: «Запомни две вещи, которым учит Библия: первое — нужно вести праведный образ жизни, и второе — нужно проповедовать Евангелие».

На другой день после работы я пошла на Арбат проповедовать Евангелие. Для меня самым удивительным в «перестроечное» время было то, что можно было все слушать и все говорить, не таясь. Тысячи людей ходили тогда на Арбат только для того, чтобы посмотреть на это чудо: как возможно говорить вслух о том, о чем боялись даже думать?! В основном это были политические группки, которые бурно спорили.

И вот иду я на Арбат, а внутри меня — откровение всей Вселенной: «Христос умер за грехи наши, воскрес для нас и придет за нами во второй раз». Я не просто иду, я несу это откровение, как святыню, и думаю: «Вот они, бедные и несчастные люди, бродят по жизни, не знают истинной радости, и я сейчас скажу им о Христе, и им сразу всем будет хорошо!» И, вклинясь в такую политическую группу, я задала вопрос: «Ну о чем вы спорите? Это сущая пустота! Христос умер за грехи наши, воскрес в третий день и скоро опять придет! К чему вы ведете этот спор? Спасаться надо!» Тут все повернули головы ко мне и начали задавать вопросы. А я Библии еще не знала, да и мало что понимала в жизни, но на все вопросы у меня был один и тот же ответ: «Поверьте, что Иисус умер, воскрес и жив, и вам сразу многое в жизни откроется, а главное — вам будет хорошо! В этом вы убедитесь сами, и причем очень скоро».

Существование Бога доказать нельзя, но лично убедиться в том, что Он есть, можно. Библия говорит, что «идушие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся». Этим и уникально христианство, что оно одинаково доступно «и королю, и дочери мельника». А люди любят искать истину далеко, как в той истории с Хаджой Насреддином, когда его увидел сосед в своем доме стоящим на коленях и что-то ищущим. «Что ты потерял?» — спросил он у Хаджи. «Свой ключ», — ответил тот. Сосед стал помогать искать ключ, а потом спросил: «Где же ты обронил его?» «Дома», — спокойно сказал Хаджа, и на вопрос соседа: «А почему ты его ищешь здесь?» — ответил: «Потому что здесь светлее». В жизни во многих местах, как нам кажется, «светлее», но нет там «ключа» — Иисуса Христа.

Иду я после моей первой проповеди домой, а меня догоняет молодой человек с длинными волосами, в рваных

джинсах и говорит: «Я — неверующий, но я чувствую: в Ваших словах есть правда». Я узнала адрес протестантской церкви и повела его на Малый Вузовский, дом 3. Каково же было мое удивление, когда этот молодой семнадцатилетний юноша (Боря из Новосибирска) пошел к кафедре каяться. Я сама еще не покаялась! Стоит Боря на коленях у кафедры, а я смотрю на него с балкона и думаю: «Это мне знак, что мне делать с моей жизнью, надо «Борям» Евангелие нести». Еще вчера этот юноша мог бы сделать непоправимое. Позже я видела в Можайской детской колонии много таких, которые попали туда по глупости или по недоразумению. Просто им вовремя никто не встретился на пути, чтобы остановить и предупредить об опасности. Результат таких судеб плачевен: человек проживает первую половину жизни для того, чтобы испортить себе вторую. И как счастлив тот, кому уже в молодые годы открывается возможность жить по-другому!

*На утренней заре духовной жизни
Я возлюбил учение Христа.*

...
*Чем был бы я на старости — как знать!
Когда б в те дни Евангельского Слова
Не снизошла мне в сердце благодать!
(А. М. Жемчужников)*

Года четыре назад такой же молодой человек по имени Саша подошел ко мне после проповеди на Арбате и говорит: «Я сегодня решил покончить жизнь самоубийством. Из-за любимой девушки. Она погибла». А парню лет восемнадцать. Молодым и впечатлительным это очень даже свойственно. Долго я уговаривала его не

делать этого: «Ты, Саша, ведь еще очень молод, у тебя все еще впереди. Все устроится, все будет хорошо. Да и Бог не велит». Но трудно разубедить человека, если он настроен очень серьезно. От беспомощности, наверное, в самом конце я сказала ему: «Знаешь, я очень хочу за тебя помолиться, можно? А потом иди и делай что хочешь». Он согласился. Я помолилась и, прощаясь, думала: «Господи, что будет с ним?!»

И Бог ответил мне через два года. Когда мы проповедовали на вокзале, вдруг подбегает ко мне тот самый молодой человек со словами: «Ты меня узнаешь, узнаешь? Спасибо тебе, я никогда не забуду тот вечер и ту молитву!» Какая для меня это была радость, ведь он не только остался жив, но стал верующим и посещает богослужения.

Конечно, жизнь и смерть во власти Бога, но зачем-то мы все вместе живем в этом мире, и я думаю, что все наши души и судьбы удивительно переплетены, а значит, ни один человек на свете не встречается нам случайно. С каждым человеком на земле у меня есть много общего: одиночество, тоска, жажда счастья, разочарование, бессилие перед необратимостью и временем, и, наконец, самое величественное и таинственное, что нас соединяет и делает родными, — это смерть. Нам бы от жалости обнять друг друга, а мы забываем об этом и осуждаем, завидуем, ссоримся. Как часто люди, которые могли быть хорошими друзьями, оказываются во вражде из-за какого-то пустяка, подобно Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу из повести Гоголя, когда один другого обозвал гусаком. Вспоминается строчка у Пастернака: «А на улице вьюга играет давно, и пробиться друг к другу нам не дано». «Пробиться» друг к другу нам помогает Христос.

Несколько лет назад на Арбате я встретила красивую девушку. Она каждый день стояла в толпе слушающих нашу проповедь, и я однажды спросила ее: «Вы, наверное, здесь рядом работаете, потому что я Вас очень часто вижу?» А она говорит: «Нет, я специально приезжаю на Арбат, чтобы проповедь послушать. А началось все с прогулки. Иду по Арбату и вдруг слышу: „Послушайте притчу о царе и его должниках“. Остановилась, послушала, да так вся и оцепенела, даже боюсь по сторонам на людей посмотреть: мне казалось, что все вокруг знают, что это все про меня».

Оказалось, что она восемь лет не общалась со своей родной матерью и считала ее самым большим врагом в своей жизни. Видимо, и мать была сложным человеком, если от нее ушла не только дочь, но и муж, и сын. Девушку звали Ирой, она была балериной, и она сказала мне, что ей стыдно было рассказывать кому-нибудь об этих отношениях, а на сердце была большая тяжесть — мать ведь все-таки. Но после услышанной притчи она на следующий же день поехала во Владимир и примирилась со своей матерью.

Я узнала об этом после того, как она уже совершила этот поступок. Слово Божие исцеляет душу и дает надежду на то, что наша жизнь может измениться к лучшему: стать чище, радостнее и светлее. Оно открывает двери в потерянный рай. Главную причину всех бед человека можно выразить словами маленького принца: «Люди?.. Где их искать — неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней...» Вот и носит нас то здесь, то там — где попало. Корни наши, жилище наше — это вечный дом нашего Небесного Отца, и вне этого дома нет счастья, нет покоя — одни страсти и бесконечные переживания.

В нашей церкви одна женщина рассказывала, что будучи еще неверующей, она вместе с мужем и сыном побывала в командировке в одной африканской стране. «На душе было, — говорит она, — так плохо: кругом ложь, на работе все друг на друга доносят. Дома тоже проблемы: муж пьет, ребенок неуправляемый. Что делать, к кому идти с этим? Зашла в магазин и купила картину с изображением Христа. Иду по дороге, а в голове мысль: „Надо же, в сумке Бога несу!“ Пришла домой, поставила картину у стены и решила: „Вот сейчас я Ему все расскажу о своей невыносимой жизни и какие кругом плохие люди“. Но вдруг у меня полились слезы ручьем, и мне не хотелось о других говорить, я увидела себя — какая я плохая. Я даже испугалась этого состояния, вышла на улицу, долго гуляла и думала: что это было? Вернулась я домой с покоем и миром в душе».

Весь мир вокруг нас находится в состоянии войны, потому что все ищут виноватых в своих бедах. Как кто-то метко заметил: «Око за око — и скоро весь мир ослепнет». Воюют нации и народы, отдельные семьи, воюют мать с дочерью, и все члены семьи — в состоянии войны между собой. И вся эта бесконечная война, приобретающая всеобщий характер, начинается с отдельной человеческой души, которая воюет с Богом.

В каких только страшных катаклизмах истории не оказывается виновен не имеющий мира с Богом человек! Виновен по неразумию и большей частью из-за пустяшных и ничего не стоящих дел. Египетскую царицу Клеопатру (69—30 гг. до н.э.), которая была очень красива, любили сначала римский император Гай Юлий Цезарь, потом римский полководец Марк Антоний, который после объявления Римом войны Египту выступил на стороне врага из-за пламенной страсти к царице. Как

сказал Блез Паскаль: «...Нос Клеопатры... Будь он покороче — облик земли стал бы иным». Все беды на земле и войны происходят большей частью из-за мелочных и жалких людских стремлений, нацеленных на погоню за своим маленьким счастьем.

Но бессмысленно искать счастья на земле, где все эфемерно и зыбко, как у Фауста: «Искал я клада, не жалея рук, а вырыл кучу мусора простого». И только в Боге успокоится душа наша — в Боге и в Его Слове.

Удивительно, как Слово Божие действует на всех уровнях жизни на человека. Оно касается не только души и сердца, но и тела. Прибегает однажды женщина, когда мы проповедовали на Арбате, и в восторге говорит: «Вот я вчера вечером тут проповедь слушала, а наутро ноги исцелились. Точно знаю: это от вас». И приходится долго убеждать, что мы не занимаемся исцелением, но Бог может все, и Его Слово способно и исцелять, и даже воскрешать из мертвых. Один мужчина признался, как он, слушая, подумал: «Вот, если все, что они говорят, — правда, то пусть перестанет болеть голова». После проповеди забыл про свою головную боль и ушел, а потом второпях вернулся и говорит: «Ой, как хорошо, что я вас застал, я боялся, что, если я не расскажу об этом, голова опять заболит». В каждом человеке интуитивно присутствует страх Божий, пусть даже искаженный суеверием.

В одном из университетов Узбекистана у меня была возможность поделиться евангельской вестью со студентами. После лекции все желающие брали «Инжил» — Евангелие на узбекском языке. На следующий день рано утром приходит ко мне молодой узбек и просит Евангелие. Я спрашиваю, почему он вчера не взял, а он говорит: «Со мной вчера чудо случилось. Во время лекции вначале я пришел в ярость: как можно

сравнивать Коран, святую книгу мусульман, с Библией, да еще утверждать, что весь Коран основан на Библии, ведь Библия — это чужая нам русская книга, а христианство — чуждая религия! Но когда я хотел встать и остановить Вас, я не мог сдвинуться с места, хотел открыть рот — не смог разжать челюсти, а потом меня всего стало долго трясти мелкой дрожью. Но когда я пришел домой, то впервые заснул за последние восемь лет. Точно знаю, что это связано с тем, о чем Вы говорили вчера, и что это книга не простая. Дайте мне ее, пожалуйста».

Вдвенадцать лет этот молодой человек из-за какого-то сильного потрясения перестал спать. В течение восьми лет куда его только ни водили и ни возили: к врачам, психиатрам, экстрасенсам, колдунам — ничего не помогало. Но вот встреча со Словом... И, как всегда, вначале бунт и внутренний протест... «Трудно тебе идти против рожна», — услышал апостол Павел, когда противился Евангелию. Так не смог противиться Евангелию спустя две тысячи лет и этот молодой студент-узбек.

Говорить о Библии в этом университете было Божьей милостью и Его знаком. Моя двоюродная сестра работала там и пригласила меня рассказать молодежи о смысле жизни. Я ее предупредила, что если я расскажу о Христе, то ее могут уволить с работы. Я тогда очень удивилась ее ответу: «Я уже два года верующая, и я еще ничего не сделала для Христа. Необходимо рассказать этой молодежи о настоящей любви и о цели жизни. Ведь кругом наркомания, пьянство, воровство — кто им поможет? Евангелие призывает любить все нации и народы, уважать старших и начальствующих — что же тут плохого?» Но после оказалось, что я, к сожалению, была тогда права, и мою сестру, проработавшую двадцать лет

в университете, имевшую немало наград и грамот и занимавшую высокую должность, действительно выгнали с работы — и именно по этой причине.

Так вот, когда я беседовала со студентами, у меня в одной руке был Коран, а в другой — Библия. Проповедуя мусульманам Евангелие, я никогда не начинаю разговор с противопоставления или с преимущества Библии перед Кораном. «Прежде чем начинать спорить, нужно договориться о вещах бесспорных» (Честертон). Есть бесспорные истины, объединяющие эти две книги: пророки, некоторые законы, праздники и, главное, — единобожие. В Коране есть даже прямое указание и призыв читать Библию, например: «...Вы ни на чем не держитесь, пока не установите прямо Торы и Евангелия...» (Сура, 5:68). Или: «И отправили Мы по следам их Ису (Иисуса), сына Марйам (Марии), с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором — руководство и свет...» (Сура, 5:46).

А первая сура в Коране, «Открывающая книгу», очень похожа на первый псалом в Библии, повествующий о двух путях: пути праведника, который «будет, как дерево, посаженное при потоках вод», и пути нечестивого, который будет, «как прах, возметаемый ветром». Как же выбрать правильный путь? Мы читаем в Коране (Сура, 3:55,56): «О Иса! Я упокою тебя и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали, до дня воскресения... Тех же, которые не веровали, Я накажу сильным наказанием в ближайшей жизни и в последней, и нет им помощников!» Здесь прямо сказано о смерти и воскресении Иисуса Христа («упокою и вознесу»), а также о втором Его пришествии («день воскресения»), когда воскреснут все мертвые и будут судимы по тому,

как они относились к Иисусу Христу. И непринявшие Иисуса Христа будут «сильно наказаны» и в этой земной жизни, и в «последней», т. е. в вечности.

Однажды после такой лекции в большой аудитории один из слушателей громко спросил меня: «Скажите, вы христианка или мусульманка?» Я сразу поняла, что это вопрос провокационный, так как лекция уже закончилась, все были доброжелательно настроены и готовы получить Евангелие. Тогда я спрашиваю этого молодого человека: «Скажите, а как переводится слово „мусульманин“?» Молчание — никто не знает. „Мусульманин“ означает: „боящийся Бога, покорный Богу“, то есть смиренный перед Богом и перед людьми человек. А это есть самое главное пожелание Библии для человека: иметь Божий страх — благоговейный трепет перед Творцом и послушание Богу, ибо „начало мудрости — страх Господен“, — говорит мудрый Сулейман (Соломон). Я очень хочу принадлежать к таким людям, смиренным и покорным, и я верю, что в моем сердце живет Иса (Иисус). Это ответ на Ваш вопрос, — сказала я, — а теперь разрешите у Вас спросить: какие мы мусульмане, если мы живем так, как будто Бога нет, хотя бьем себя в грудь, что мы „истинноверные“? Истинным „мусульманином“ был Иса, потому что Он „был послушен Богу до смерти, и смерти крестной“, Он жизнь Свою отдал за нас, грешных и недостойных людей, и тому, кто последует за Ним, Иса даст свободу от греха и „вечную жизнь“». Помню, тогда почти все в аудитории взяли Евангелие, и сегодня некоторые из тех слушателей следуют за Иисусом и служат Ему.

Когда я уезжала в Москву, то попросила своего брата-двойняшку, чтобы он помогал этим студентам расти духовно. Но мой брат сам только что уверовал, жил в другом

городе и очень боялся браться за такое ответственное служение. Все же я уговорила его, пообещав, что очень скоро приеду. Однако «скоро» не получилось, и когда я приехала месяцев через девять, то очень обрадовалась, что ищущих Бога людей стало значительно больше, и они продолжают встречаться с моим братом. И рассказал мне мой брат, что Бог ему в это время во всем очень помогал. А однажды с ним произошло такое событие. «Еду я, — говорит он, — в машине на служение, это в ста километрах от моего дома, и думаю: „Какое я имею право учить этих людей, если сам еще во многом сомневаюсь и у самого так много мучительных вопросов?“ Вдруг смотрю: рядом со мной сидит мужчина. Я не испугался и даже не удивился, а стал задавать ему свои вопросы. Он подробно мне на них отвечал. И только тогда, когда я подъехал к дому и заглушил мотор, то увидел, что рядом со мной никого нет. Я не мог понять, как же смог проехать сто километров, потому что ни одного светофора, ни одного поворота дороги я не помнил. Но после этого случая моя душа успокоилась, и я стал более уверенно служить Господу».

Так постепенно в Узбекистане начала образовываться община. Как радостно всегда за ищущих Бога людей! Они так любят Слово Божие! Одна молодая узбечка, студентка Диля, за три месяца прочла полностью Библию на русском языке и дважды Евангелие на узбекском. Причем ей не разрешали держать в доме эти книги, и она их все время прятала, читая только тайком, по ночам. Когда ее брат пришел на богослужение, чтобы силой увести ее, то услышал в дверях гимн, который коснулся его сердца. Он стал приходить к нам, как он позже вспоминал, только чтобы послушать эту песню:

«Вдвери закрытые поздней порой кто-то стучит, кто-то стучит... Это Спаситель у двери стоит... сердце открой, Он недуг исцелит. Снова Христос стучит».

Этот гимн побудил его сердце к покаянию, и теперь он вместе с сестрой служит Господу. Каждый раз, когда они возвращались с собрания домой, мать встречала их у ворот с лопатой в руках. Потом она выгоняла их из дому. Наконец приставила к своему горлу нож и сказала: «Выбирайте – или я, или ваш Христос!» Сын ответил ей: «Мама, мы тебя очень любим, но ты лучше приставь нож к моему горлу и скажи: „Или ты, или Христос, и я отвечу тебе со всей определенностью – Христос“». Нож выпал из ее рук, и она в бессилии, опустившись на корточки, зарыдала. Потом несколько недель не разговаривала с детьми.

А другая мать вначале не разрешала двум своим дочерям читать Библию и посещать богослужения, но не исповедимы пути Господни. Решила она тайно прочесть Инжил (Евангелие на узбекском языке), а после того, как прочитала, так же тайно вылила ковш воды себе на голову со словами: «Верую в Тебя, Иса Массих (Иисус Христос), Сын Божий, и крещу себя во имя Твое!» Но были и такие случаи, когда родители били своих детей об стенку головой за то, что они стали последователями Христа. Многие сердца ожесточаются против Слова Божьего и, как сказал Иисус Христос, «не знают, что делают». Мой зять в гневе однажды сказал моей сестре, когда увидел на столе Библию: «Я сожгу эту книгу, если еще раз увижу, что ты ее читаешь!» На это моя сестра спокойно ответила ему: «Сожги книгу и меня можешь сжечь, но из моего сердца ты не сможешь это выжечь никогда». Зять был настолько поражен ее ответом и каким-то ее особым душевным состоянием, что в полном недоумении и растерянности вышел из комнаты,

хлопнув дверью. Мне рассказывала студентка-казашка, что вначале ее не пускали на богослужения родители, но потом ее страдающая сильными головными болями мать стала замечать, что как только она прикасается к христианским книгам, боль проходит. Тогда мать стала просить дочь посещать богослужения и приносить в дом духовную литературу. Многие люди связаны нечистой силой и только по этой причине ненавидят Слово Божие, избивают или выгоняют своих родных из дому, если узнают, что те интересуются Библией. А искренние души приходят к нам и благодарят: «Спасибо вам, как хорошо, что вы есть. Вот как сын к вам пришел, так перестал воровать, перестал колоться, уже не матерится...»

А как чудесно принимают Евангелие дети! У меня много племянников в возрасте от пяти до шестнадцати лет. Днем они пасут коров. Когда я приезжаю, то вечерами мы проводим библейские часы. Сидят они вокруг меня, чумазые, уставшие, ноги в цыпках и в пыли, но слушают внимательно. Однажды я говорю им: «Евангелие живое, оно каждый день совершает в нас перемены. Заметили ли вы какие-нибудь изменения в своей жизни за эту неделю?» «Заметили, — закричали они радостно, — когда у нас вечером урок, то в тот день коровы легче домой идут с пастбища!» Как-то дети пришли грустные: их лошадка заболела. «Давайте помолимся за нее», — предложила я им. «Что ты, что ты, — испуганно замахал руками брат, — разве можно из-за лошади Бога беспокоить? Да и к тому же она все равно до утра сдохнет». Мы помолились с детьми, и наутро лошадка побежала. Другой мой брат сильно наказывал детей. Гнался он однажды за племянником, догнал его, взял за шиворот и уже поднял ремень над головой, а тот, запыхавшись, говорит ему: «Дядя, ради Христа, не бей меня!» У брата

от удивления выпал ремень из рук, он повернулся и пошел домой. А соседский мальчик-иранец признался мне: «У нас в школе одна учительница есть, я на ее уроки не ходил, потому что она молодая, нестрогая, и все этим пользуются и обманывают ее. А теперь я хожу, ведь Бог все видит. Мне ее жалко».

Мой брат преподавал один год историю в школе в перестроечное время, когда не было программы по истории, так как вся история наша оказалась ложной, а новую еще не написали. Как вести урок, если нет никаких учебников? Брат решил заполнить этот пробел библейскими историями. Дети его очень полюбили. Если раньше они входили в класс только через окно и гул стоял на всю школу, то теперь был порядок. И когда директор школы, получив приказ от начальства, попросила брата уволиться из-за библейских уроков и он вынужден был уйти из школы, то дети неделю не ходили в школу, требуя у директора вернуть их учителя истории.

К нему домой приходила детвора из соседних домов смотреть фильм «Иисус». И среди них был мальчик — немец, которого мама не пускала на детские служения. Он всегда приходил тайком. Но вот прошло семь лет, эта семья уехала в Германию. И когда мама приехала в гости в Ташкент, то у всех спрашивала о моем брате, куда он делся, так как она очень хотела поблагодарить его за своего сына. Когда она увидела, чем занимается наша молодежь в Германии, — те же наркотики и алкоголь, — то страшно испугалась за будущее сына. Но сын, имея уже добрые навыки, сразу пошел в церковь, а за ним вслед побежала и мама, потому что спастись от этого злого мира больше негде. И всех своих бывших соседей она просила передать «этому таджику» большое спасибо за то, что он спас ее сына.

Брат мой решил переехать с семьей жить в город, в котором начала образовываться община из студентов. И в первые же дни соседи украли у них семнадцать кур с петухом. Когда жена брата попросила соседа отдать ей кур, сосед наотрез отказался это сделать. Через два часа поднялся сильный ураган, и у соседа снесло стену от дома. Дом стоял странный: из трех стен, а внутри все на виду. Сосед сел у дома, схватившись за голову, а его жена побежала в сарай и лихорадочно стала бросать украденных кур за забор к брату и приговаривать: «Возьмите, возьмите своих кур, всех возвращаем, только одну сегодня съели».

Через некоторое время органы власти стали препятствовать собраниям верующих, а для этого всегда нужен компромат со стороны соседей. От страха перед милицией подпишешь, что потребуют. Ну и сосед подписал уже заранее подготовленное милицией заявление, что якобы в доме брата собираются какие-то странные люди и непонятно что делают, мешая всем в округе. Семье брата нелегко тогда пришлось с этими разбирательствами и угрозами. Но через некоторое время сосед этот подрался со своей женой, да так, что она попала в больницу. Теперь на него милиция пришла собирать заявления, чтобы посадить в тюрьму, но в основном для того, чтобы взять с него хорошую взятку. За показаниями обратились к брату, чтобы он написал, что видел и слышал, как сосед избивал жену. Но брат ничего не стал писать. Жена соседа вернулась из больницы к мужу. А потом сосед пришел к брату и сказал: «Прости меня. Может быть, ты и не знаешь, что я на тебя заявление подписал, хотя ты невиновен. А я ведь виновен, и мне тюрьма грозила, но ты не воспользовался этим, чтобы отомстить мне. Спасибо

тебе». Взял он Евангелие на узбекском языке, а потом жена его пришла и попросила несколько Евангелий для своих родственников в ауле.

Аоднажды к моему брату пришла старушка и говорит: «Я слышала, что тут верующие живут, помогите мне, я уже и у батюшки, и у муллы была — ничего не помогает». Бабушка с дедом переехали по обмену в другую квартиру, а в ней жить совершенно невозможно: по дому ни с того, ни с сего начинают летать предметы. Дедушка стал на ночь голову табуреткой закрывать, так как эти предметы еще и норовят ударить по голове. Брата в тот момент не было дома, а его жена говорит бабушке: «Я Вам дам Евангелие, Вы его читайте, а как начнет все летать, читайте молитву „Отче наш“ и усердно молитесь». Бабушка взяла Евангелие, заложила закладку на той странице, где эта молитва, еще и ногтем подчеркнула ее и пошла домой.

Через месяц приходит бабушка с трехлитровой банкой сметаны и с радостью говорит: «Доченька, я тебе подарок принесла. Помогло твое средство! Вначале, когда начало летать, стала я читать молитву, а „оно“ еще больше стало беситься, дед на меня кричит из-под стола: „Бабка, кончай читать, хуже стало!“ А я вдруг чувствую, что загорелось мое сердце от этой молитвы, да так, что вся душа ушла в нее. Через какое-то время „оно“ начало стихать, и интересно, что, если раньше, когда затихало, все вещи в доме лежали в беспорядке, а тут — все на своих местах. На другой день, когда опять началось, схватила я Евангелие — да на колени и читаю. Сразу прекратилось и больше не приходит».

Не раз я была свидетелем тому, как люди, связанные нечистой силой, освобождались от нее, обратившись ко Христу за помощью. Вспоминаю девочку 10 лет, азер-

байджанку, жившую в казахском селе. Мне сказали, что к ней отовсюду едут, так как она обладает даром пророчества и исцеления. А все началось с того, что ей явился кто-то ночью в скафандре, дал маленький камушек и сказал, что наутро она будет писать по-арабски и исцелять людей. Так оно и случилось. Не зная, как выглядят арабские буквы, она писала целые послания на арабском языке. Родители отнесли их в мечеть, и мулла подтвердил, что все написанное говорит о Боге.

Когда я пришла к ней, она с порога напомнила мне некоторые факты из моего прошлого. Я остановила ее и сказала, что я не для этого пришла и мне ничего не нужно ни из прошлого, ни из будущего, я только хочу посмотреть, как она пишет по-арабски. А она мне отвечает: «Я не умею писать, но попробую». Потом посмотрела в правый верхний угол комнаты, и рука с ручкой быстро побежала по листу бумаги справа налево. «А теперь, — говорю, — прочитай». Она мне: «Я не умею читать, но попробую». Опять взглянула в верхний угол комнаты и начала читать с чисто арабским произношением. Девочка — как тростиночка: худая, с огромными встревоженными глазами. И еще я заметила, что она боится оставаться одна, даже днем. А все люди в округе и издалека идут и едут исцеляться, да и ее мама говорит, что это от Бога.

Но когда мы остались с ней вдвоем, я ей прямо сказала: «Не от Бога это, деточка». А она мне спокойно отвечает: «Я знаю, что не от Бога, а от шайтана, но я очень боюсь шайтана, потому что он сказал, что убьет меня, если я не буду этим заниматься». Я рассказала ей про Христа, что Иисус сильнее шайтана, что шайтан (дьявол) Иисуса очень боится и что Иисус через молитву может войти в ее сердце и выгнать оттуда дьявола. Она слушала спокойно, со всем соглашаясь. Но во время

молитвы покаяния, когда она повторяла за мной слова «войди в мое сердце, Иисус», она схватилась за сердце и стала кричать: «В сердце горит, в сердце все горит!» Я сказала ей: «Христос посетил тебя и вошел в твоё сердце». После молитвы она успокоилась, и все лицо ее преобразилось и сияло от радости.

Девочка восемь месяцев не ходила в школу из-за этого страха, а тут сразу пошла учиться. И директриса школы мне позже рассказывала, как девочка прибежала в школу и кинулась ей навстречу со словами: «Теперь в моем сердце Иисус живет!» И когда я детям во дворе раздавала леденцы, девочка отнесла свою конфетку домой. Ее раскололи на мелкие кусочки и дали каждому попробовать, потому что узнали, что эта конфетка от меня, а значит, конфетка эта не простая, а «святая» и может исцелять. Больше всех была рада мама, ведь ее дочь выздоровела и пошла в школу.

Как сильно связаны народы Средней Азии с нечистой силой! На каждой улице живет по колдуну, а то и по два. Существует практика передачи этой «силы», как правило, родственникам. Часто это происходит в трудные моменты жизни человека: что-то неладное в семье или со здоровьем. Поэтому предлагают принять эту «силу», и якобы тогда в семье все наладится, и здоровье поправится. Понятно, почему в большинстве своем практикующие колдуны – это женщины: ведь им хочется любой ценой спасти семью и детей. Но потом вырваться из этого дьявольского круга бывает очень трудно, и мне кажется, что без Божией помощи это вообще невозможно. О Христе они слушают спокойно, но через какое-то время начинают так страшно зевать, что даже жутко становится. А во время молитвы отречения от темных сил я наблюдаю такую картину: пена идет из

рта, глаза закатываются, скулы сводит, и имя «Иисус» не могут повторить — мычат что-то невнятное. Но после молитвы, когда совершится победа над дьяволом, их лица становятся просветленными и счастливыми.

Часто эта «сила» передается из поколения в поколение. Мой дедушка со стороны второй нашей мамы жил в горах и держал змей, с которыми разговаривал. Он обладал чудодейственной силой, и до сих пор те, кто помнит его или узнает о нем от стариков, совершают паломничество на его могилу.

Первые дети от второй нашей мамы умирали один за другим, и тогда дедушка сказал своей дочери: «Когда родится следующий ребенок, я передам ему „силу“, и он будет жить». Так родилась моя старшая сводная сестра, человек добрый и хороший. Действительно, она обладает магическими способностями: например, лечит людей черной или белой курицей — в зависимости от того, с какой болезнью пришел человек, или что-то узнает через удары в бубен. Грудному ребенку, который кричит непрерывно, может сделать бритвой надрезы на теле, и ребенок успокаивается. Когда я уговаривала ее отказаться от всего этого, потому что это недоброе, она молча согласилась, но сказала, что так сразу не может решиться и что даст ответ через сорок дней. Но через сорок дней она сказала мне: «Не могу, вот тебе нож, хоть режь меня, не могу отказаться и не могу тебе все сказать». Все сорок дней она ходила в страшных фурункулах. Дьявол, враг человека, крепко держит души людей. Необходима усиленная молитва о них.

Когда я в очередной раз была в Ташкенте, меня привезли к девушке восемнадцати лет, которая только что окончила школу. Мама плачет: с дочерью что-то случилось, она стала грубой и требует, чтобы зареза-

ли барана и совершили над ней обряд посвящения в колдуны. По дому у них летает рука, которую никто, кроме этой девушки, не видит, и бьет ее, приказывая поспешить с этим обрядом. Трудно было выяснить, что послужило этому причиной, но я расспросила о ее школьных подругах и узнала, что многие из них уже занимаются колдовством. Однажды дочь пошла в школу мыть полы вместо мамы, которая работала там уборщицей, но тряпка со шваброй «набросилась» на нее и «избила» так, что она едва осталась живой. Разговаривать с девушкой было трудно, она сразу же закрывалась. Вообще такие люди не любят говорить о том, что с ними происходит, как будто им кто-то приказывает молчать. У них свой мир, которому они сами не рады, но и выбраться им оттуда невероятно трудно. Однако помолиться она согласилась. И когда мы с ней помолились, я увидела, как выражение ее лица стало мягче и щеки порозовели.

Сегодня не только на Востоке, но и на Западе всю процветают оккультизм и шаманизм. Здесь в Москве, в церкви, я вижу, как одни и те же люди постоянно засыпают во время богослужения, но не просто засыпают, как это бывает от усталости или от скучной проповеди, а именно входят в сомнамбулическое состояние. Все они либо не порывают с закоренелым грехом, либо имели оккультное прошлое.

Однажды на Арбате после проповеди произошел интересный случай. Лето. Вечер. Человек десять собрались вокруг меня, задают вопросы. Обращается ко мне с вопросом мило улыбающаяся красивая девушка лет двадцати с ярко-красными губами. Но вот я стала отвечать, и вдруг у нее меняются глаза, «убегают» зрачки, и два белых страшных круга смотрят на меня, а вместо улыб-

ки — оскал зубов. Звериное лицо! Когда я это увидела, то потеряла всякую память: я забыла, кто я, как меня зовут и зачем эти люди собрались вокруг. Вдруг кто-то внутри меня произнес имя «Христос» несколько раз. И память вернулась. Наверное, это длилось недолго, все стояли на месте и, по-видимому, ничего не заметили. А девушка опять задает вопрос. Я стою к ней спиной, отвечаю, не поворачиваясь, и чувствую, как она злорадствует, так как знает, что я только что пережила. Мне на память приходят слова из Библии: «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире». И я сразу ощутила такой прилив сил, что совершенно без страха поворачиваюсь к ней и смотрю ей прямо в лицо. Разыгрывается та же картина со зрачками и оскалом зубов, но я продолжаю говорить. Девушка пытается снова подействовать на меня, но не получается; она нервничает, у нее дергаются скулы.

А дальше произошло то, чего я не могу объяснить до сих пор. Для всех звучали мои слова о Боге, о Библии, и в то же самое время у меня с ней шел совсем другой разговор на уровне мысли. Четко слышала я слова, которые она говорила мне, не открывая рта: «Я сильнее. Видишь, как ты испугалась, потому что мой хозяин сильнее, пошли к нам, идем со мной!» А я ей также мысленно отвечала и знала, что она слышит так, как будто считывает ответ с листа: «Нет, Иисус сильнее, не боюсь тебя и хозяина твоего не боюсь, убегай, погибнешь! Иисус сильнее!»

Она продолжает звать, угрожать, а я ей: «Иисус сильнее». И так длилось какое-то время. Вдруг у нее появились три гвоздики в руках (может быть, они раньше были, но я их не заметила), она мне их дарит, целует и говорит: «Я должна вас сегодня проводить». Дальше скажу кратко: Бог не допустил этого. Но ужасные бе-

лые зрачки видела не только я в тот вечер. Помню, как один мужчина сказал ей тогда: «Девушка, какие у вас страшные глаза!»

Вот так дьявол пытался напугать меня в самом начале моего служения на Арбате. Но какова сила Божиих слов! Воистину с Богом «не убоишься ужасов в ночи... и не приключится тебе зло».

*Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог.
(Вл. Соловьев)*

Оглядываясь на прожитые годы, я определенно могу сказать, что самые счастливые минуты в жизни я переживала во время проповеди Евангелия. Даже если на проповедь идешь порой совсем без сил, возвращаешься домой всегда окрыленной и счастливой, и столько прибавляется энергии, что, кажется, горы сдвинешь. Вот как писал о великой душевной потребности свидетельствовать о Христе православный митрополит Антоний Сурожский: «Еще с очень ранних лет, как только я 14-летним мальчиком прочел Евангелие, я почувствовал, что никакой иной задачи не может быть в жизни, кроме как поделиться с другими той преображающей жизнь радостью, которая открылась мне в познании Бога и Христа. И тогда, еще подростком, вовремя и не вовремя, на школьной скамье, в метро, в детских лагерях я стал говорить о Христе, каким Он мне открылся: как жизнь, как радость, как смысл, как нечто настолько новое, что оно обновляло все... Не делиться этим чудом было бы преступлением перед Богом, это чудо свершившим, и перед людьми, которые по всей земле сейчас жаждут живого слова о Боге, о человеке, о жизни...»

Во время проповеди я видела молодых мужчин, особенно в начале перестройки, которые скрывали слезы. Чувствовалось, что в их сердце что-то происходит. Жажущие и ищущие души всегда есть рядом, о них Христос сказал: «Овцы Мои слушаются голоса Моего». Помню, как во время дождя подошла семья с ребенком. Они долго слушали, потом жена с ребенком пошли греться в магазин. Несколько раз мать посылала ребенка за отцом, наконец пришла сама за ним и стала кричать: «Пошли домой, ребенок замерз, ты не один сюда пришел!» А он стоит, как вкопанный, как будто и не слышит, и лицо такое серьезное и сосредоточенное. Так она и ушла одна, а он, не промолвив ни слова, стоял до конца. Услышанное так коснулось его сердца, что он забыл про все на свете: и про жену, и про ребенка. Сергей Иванович, так звали его, потом покаялся и принял крещение.

В замечательной повести А. И. Солженицына о жизни в ГУЛаге «Один день Ивана Денисовича» чудесно описан Алешка-баптист, так просто объясняющий Шухову, что надо просить у Бога: «Перелез Алешка с Евангелием своим к Шухову поближе, к лицу самому: „Из всего земного и брэнного молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»“ „Пайку, значит?“ – спросил Шухов. А Алешка свое, глазами уговаривает больше, чем словами, и еще рукой за руку тереблет, поглаживает: „Иван Денисович! Молиться не о том надо, чтоб посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды. Что высоко у людей, то мерзость пред Богом! Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накопью злую снимал...“».

Когда снимается эта злая накопью, то поселяется в душе вера и мир. Тогда хочется делиться с другими

этим бесценным сокровищем. И поэтому совершенно непонятно, почему некоторые верующие ведут себя во время проповеди, мягко выражаясь, очень странно. Они задают много отвлекающих вопросов, вместо того чтобы молиться. По вопросам я научилась различать, кто есть кто. Например: «Скажите, что написано во второй главе Деяний апостолов?» «А-а, — говорю, — пятидесятники, здравствуйте, подождите, родные, пусть люди про Христа послушают, потом поговорим о духовных дарах». Или: «Акакая четвертая заповедь?» — «Адвентисты, дорогие, никто у вас не отнимает субботу, она и есть четвертая заповедь, но мы сейчас про Христа говорим». Или вечный вопрос свидетелей Иеговы: «Как имя Бога?»

Однажды подошел ко мне молодой человек в черной рясе, похоже, дьякон православной церкви, и торжественно заявил: «А вот женщина, — написано в Библии, — да молчит!» Тогда я спрашиваю: «А кто же первым рассказал о воскресении Господа Иисуса Христа?» Молчание. «Первой, — говорю, — благовестницей была женщина, Мария Магдалина, и именно ей Христос к самим апостолам поручил понести весть о Своем воскресении! И православный тропарь воспеваает: «О Пасха! Избавление от скорби: ибо из гроба дньсь яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни, глаголя: „проповедите апостолам“. Христос, возрадовав Своим воскресением женщин, послал их проповедовать апостолам». А во-вторых, батюшка (я хотела к нему уважительно обратиться, хотя он и не был батюшкой, но все-таки в рясе), вот люди собрались, да и я послушаю вас с удовольствием. Вставайте на мое место и расскажите нам про Христа». Тут же его как ветром унесло.

Но многие верующие искренне радуются, молятся и всячески поддерживают нас во время проповеди. И таких, конечно, больше, чем тех, кто отвлекает от главного. Дьяволу очень хочется, чтобы мы говорили с неверующими о чем угодно, но не о Христе. Как в той басне, когда Лиса угощала Журавля жидкой кашей, размазанной по плоскому камню, которую он никак узким клювом ухватить не мог. А Журавль в отместку за это предложил ей угощение в кувшине с длинным и узким горлышком, из которого Лиса не могла есть. Точно так же, когда мы вместо простой и радостной вести о Христе начинаем обсуждать сложные богословские вопросы, которые неверующим чаще всего совсем непонятны, теряется всякая радость.

*Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!*
(А. К. Толстой)

Однажды к нам в узбекскую группу по изучению Библии пришел мулла и говорит: «Я хочу понять, что за сила в вашей вере, если эти образованные люди готовы отказаться от религии своих предков?» На что молодые ребята ответили: «А мы ни от чего не отказывались, но через Библию мы еще больше стали понимать религию своих предков». Сверхъестественное рождение Иисуса Христа подтверждает Коран в суре «Марьям», в которой ангел сообщает Марии: «Я только посланник Господа твоего, чтобы даровать тебе мальчика чистого». Она сказала: «Как может быть у меня мальчик? Меня не касался человек, и не была я распутницей». Он сказал:

«Так сказал твой Господь: „Это для Меня – легко. И сделаем Мы его знамением для людей и Нашим милосердием“» (Сура, 19:19–21). То есть рождение Иисуса Христа – это знамение всему человечеству, так как Он был рожден без отца. А слова «Нашим милосердием» в Коране означают, что через Христа Бог являет всем людям милость и прощение грехов.

Этот мулла, сын муфтия Узбекистана, оказался очень образованным человеком: учился в лучших медресе Востока. Было видно, что он человек верующий: так по-детски восхищался тем, как Бог устроил мир. «Посмотрите, – говорил он нам, – как у Бога все интересно! Есть, казалось бы, нелогичные, по человеческим представлениям, вещи, но как они восхищают! Например, горы, холмы. Ведь никаких правильных форм, а душу радуют. А у человека все построено так, кажется, логично – эти панельные и бетонные «коробки», дома наши, они такие все правильные и одинаковые, но почему-то хочется убежать из этого логичного – на природу. Потому что у Бога необъяснимая, но истинная и ни с чем не сравнимая красота».

Через какое-то время этот мулла опять начал задавать вопросы об Иисусе Христе: «Объясните моей мусульманской душе, как Бог мог распять однородного Своего Сына? Я читал Библию и готов согласиться со всем, что там написано, готов принять Иисуса самым высшим из всех людей, когда-либо живших на земле, и большим из всех пророков, но как принять то, что Он Бог? Как понять то, что Бог висит на кресте, а презренные люди плюют Ему в лицо, Ему – Богу?!»

А я говорю ему: «Так Вы же сами только что восхищались тем, какой нелогичный наш Бог и какая именно в этом величественная красота и тайна! Вы сами себе

ответили на Ваш вопрос, и в этом смысле я согласна с Вами, что только сумасшедшие могут поверить в то, что Всемогущий Бог отдал на мучительную казнь Своего возлюбленного Сына». Однако есть мудрость, которую невозможно объяснить словами. Как говорит гётевский Фауст: «Увы, чего не мог постигнуть ты душой, не объяснить тебе винтом и рычагами». Есть иное, духовное, знание, которое дается Духом Святым. «Каждый, кто ищет встречи с Вечным, находит Бога во внутреннем единении со Христом» (А. Мень).

Обратиться ко Христу очень просто, потому что Он всегда рядом с нами и ждет нас, но одновременно очень непросто, потому что наш гордый ум не хочет принять этой простоты. Кто-то хорошо заметил, что самое великое и трудное из всех дел – вера. Иисус, распятый на кресте, для одних – безумие и «юрродство», а для других – «сила Божия».

Стою я на площади трех вокзалов с красивой Библией в руках. Людей вокруг много, хотя моросит дождь. Подбегает лохматый молодой человек, ударяет меня по руке, и Библия падает в лужу. Толпа только вскрикнула: «Ах!», а молодой человек убежал. Взяла я Библию, вытерла о плащ и опять подняла над головой. Вдруг подходит другой, тоже лохматый. Я прижала крепко Библию к груди, а он говорит: «Я поцеловать ее хочу». Протянула ему Библию, и он встал в эту лужу на колени, перекрестился и приложился к ней губами и лбом.

Вот так в нашей жизни все рядом: и великое, и низкое. И в одном маленьком сердце это соседствует бок о бок. Как сказал поэт Надсон: «В горах мое сердце, а сам я внизу». Удивительно, что одна и та же Книга вызывает ненависть у одних и любовь у других. От одной и той

же живительной влаги усиливаются целебные свойства лечебных растений и отравляющие — ядовитых. Одно и то же облако для евреев было светом, а для египтян — мраком; одно и то же море для одних было спасением, а для других — гибелью. Так будет всегда в этом мире по отношению к Библии и Иисусу Христу.

Однажды еду в метро поздно вечером, в вагоне всего четыре человека: я на одном конце сидения, какой-то пьяный мужчина на другом, а напротив еще один пьяный спит на плече женщины, и глаза у нее такие грустные! Так мне стало жалко ее! Достала я брошюру из сумки и молча протянула ей. Она также молча взяла. Но странно, что пьяный на плече сразу проснулся и спрашивает у нее: «Что это?» Она отвечает ему: «Кажется, про Бога». Он вырвал брошюру из ее рук, разорвал и бросил мне под ноги. Интересно, как это он сразу определил, от кого эта брошюра, если он спал? Известно, как: сатана нашептал ему, он и разбудил его. В это время пьяный, который сидел с моей стороны, спрашивает у меня: «Зачем он порвал этот листок, про что там?» Я, поднимая обрывки с пола, говорю: «Про Бога». Эх, как вскочил этот пьяница и на того пьяницу с кулаками: «Ах, ты, подлец, это же про Бога, как ты посмел? Гадина, Бога рвешь и на пол швыряешь?!» К счастью, все кончилось благополучно. Но долго я потом думала об этом происшествии, как о знаке, через который мне Бог многое показал... Пьяная драка, а в центре — брошюра — весть о Христе. И в этой драке так отчетливо виден весь наш мир, живущий словно в пьяном угаре. И два разбойника слева и справа от Христа — это тоже образ мира: один — за Христа, другой — против. «Вот лежит Сей на падение и на восстание... и в предмет пререканий». «Сообразно с сердцем людей, одних милосердие Божие приводит к

покаянию, других вооружает против Него, укрепляет во зле» (Бл. Августин).

Вот еще похожий случай. Едем на крещение в Подмосковье всей общиной. В электричке проповедуем. Женщина дарит большой букет цветов, видимо, с дачи везет, благодарит, плачет. А через некоторое время подходит мужчина и плюет мне в лицо. Стою я с Библией в руках, с цветами и с оплеванным лицом, а церковь моя на меня смотрит. Вот такие мгновения и есть счастливые минуты жизни, хотя понимаешь это позже.

Побежала за ним тогда Галя Савич и говорит: «Мужчина, Вы нас проклинаете, а мы Вас благословляем». И опять кричит ему вдогонку: «Запомните это: мы Вас благословляем!» Я представляю, как «горящие уголья» жгли его голову, ведь в такой момент можно услышать вслед многие проклятья, а не слова благословений. Дай Бог, чтобы эти слова пришли ему однажды на память, потому что, живя в такой ненависти к Богу, люди приносят много зла другим и в первую очередь себе. Как пчела, которая причиняет боль своим жалом, но гораздо больший вред причиняет самой себе — она погибает. «Тебя никто не теряет, кроме тех, кто Тебя оставляет, а когда оставил — куда пойдет и убежит? Только от Тебя милостивого — к Тебе гневному» (Бл. Августин).

Несколько лет назад моя невестка в Узбекистане организовала на рынке духовную библиотеку. Многие тогда записывались к ней в библиотеку, благодарили за книги. Однажды один узбек подошел к ней в ярости и начал кричать: «Зачем ты нам тут Христа распространяешь?» И ударил ее, да так, что выбил зуб, а книги все выбросил в арык, в воду. Но через некоторое время сам нашел ее и стал извиняться: «Вы, наверное, меня помните, я Вам зуб выбил, а когда Вы упали, я сорок

рублей из кармана у Вас украл. Потом я дяде своему, мулле, похвастался, как я ислам защищал, а он мне сказал: „Зло ты сделал, так только шайтан ислам защищает. Найди ее и верни деньги. И еще попроси у нее эти книги и почитай, тебе не помешает. Может, ума прибавится, а потом, возможно, и Аллах простит“». Невестка потом со мной делилась: «Как же я радовалась, беседуя с этим узбеком. Если бы все люди так шли ко Христу, то и остальных зубов не жалко».

Во время уличной проповеди всякое бывало: и озлобление, и благодарность. Однажды, когда мы проповедовали в метро на станции «Библиотека имени Ленина», под мозаикой «вечно живого Владимира Ильича», нам бросили под ноги большой свадебный букет. Видимо, человеку никаких денег не было жалко на цветы, когда он увидел своими глазами это чудо: тот, кто разрушал храмы и уничтожал верующих, теперь в полном бессилии «смотрит» со своей мозаики и «слушает» неумирающее Слово Господа нашего Иисуса Христа!

Страшно и трагично было время, когда уродовали безбожием наши ищущие души. Еще в XVII веке английский философ Фрэнсис Бэкон писал: «Атеизм — это тонкий лед, по которому один человек пройдет, а целый народ ухнет в бездну». Человеку свойственно искать непреходящий смысл своей жизни — такой смысл, который не уничтожался бы смертью. Каждый человек задает себе жгучий вопрос, как тот юноша, размышляющий у берега моря в известном стихотворении Гейне:

*Что тайна от века?
И в чем существо человека?
Откуда приходит? Куда он идет?
И кто там вверху над звездами живет?*

Бог является конечной целью и смыслом всех человеческих мечтаний и поисков. Разговаривая на эту тему со многими очень разными людьми, я обратила внимание на то, что почти все отвечают одно и то же: «Без веры жить невозможно, нужно во что-то верить». Человек – существо религиозное по своей природе, и его нельзя лишить веры, но бывает ложная вера. В Римской империи, например, император носил божественный титул и перед его изображением кадили ладан, как перед изображением Божиим. Христиане умирали тогда за то, что отказывались от этого каждения. А совсем недавно у нас была своя ложная вера: была у нас и своя «святая троица» – Маркс, Энгельс, Ленин, и свой рай, которого мы ожидали, – светлое будущее коммунизма, и свое спасение от всех бед – научно-технический прогресс. И в песнях наших мы пели, что верим только в самих себя, в свои собственные человеческие силы, как в известном гимне: «Никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». И «добились»: наступил тоталитарный режим.

Я хорошо помню, как в советское время нас травили Владимиром Ильичом. Один год я работала в школе в группе продленного дня с отстающими детьми. Повела их в библиотеку. «Вот, – говорю, – ребята, это библиотека, тут есть полочки, а на полочках книги стоят, и одну из них мы сейчас читаем. Называется она «Майская песенка», а написал ее Владимир Маяковский». Как минимум десять раз я повторила им название книжки и имя автора, потом спрашиваю: «Дети, как называется эта книжка?» Молчание. Я говорю: «Майская...». Они продолжают: «Пе-е-есенка». Тогда спрашиваю: «А кто автор?» Молчание. «Влад-и-и-мир...» – подсказываю, а они как закричат все хором: «Ильич!!!» Вот что такое

был Ильич в нашей жизни — бедные дети готовы были любого Владимира с визгом принять за Ильича.

Много раз мы ходили проповедовать к Мавзолею Ленина и обращались к людям с такими словами: «Здесь лежит тот, о котором мы пели, начиная с детского сада: „Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить“. Семьдесят лет мы смотрели на мертвого, как на живого. Все оказалось обманом и большим грехом перед Богом. Теперь нужно посмотреть на истинно Живого, могила Которого пуста. Он воскрес, и потому только Он всегда жил, жив и будет жить вечно, потому что Он Христос — Сын Божий! Или другая, всем нам хорошо известная песня: „Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, Ленин в тебе и во мне“. Тоже обман, омрачивший всю нашу жизнь. Только Христос всегда живой, и Он всегда с тобой, и Он может жить в тебе и во мне. „Пребудьте во Мне, и Я в вас“, — сказал Христос».

Мы обращали внимание людей на множество евангельских символов, запечатленных в самом сердце Москвы. Ведь Красная площадь первоначально была задумана, как «модель» крестного пути Иисуса Христа на Голгофу. Чтобы не совершать паломничества в далекую Святую землю — Палестину, на Руси решили воссоздать Голгофу в центре Москвы. Все названия здесь носят евангельский характер: на месте нынешних ворот рядом с Историческим музеем стояли Воскресенские ворота и церковь Воскресения, напоминающие о воскресении Христа, а главная башня Кремля с курантами даже в советское время называлась Спасской. Но то, что это слово имеет прямое отношение к слову «Спаситель», от нас тщательно скрывали. Еще в XX веке куранты на Спасской башне исполняли неофициальный гимн Российской империи «Коль славен наш Господь в Сионе».

Этот гимн композитора Д. С. Бортнянского на слова поэта М. М. Хераскова знают и поют во всем мире.

А название Лобного места на Красной площади произошло от слова «лоб», то есть «череп», — так переводится слово «Голгофа». Экскурсоводы показывали туристам это место как место казни стрельцов. Но за всю историю на Лобном месте была одна-единственная казнь. Там никогда не казнили, а только оглашали царские указы и распоряжения. Это место напоминало о Голгофе, где принял мученическую смерть наш Царь и Страдалец, „Муж скорбей“. И не случайно Лобное место находится вне Кремля, за Кремлевской стеной, как и Христос пострадал «вне врат» Иерусалима.

Один раз в год, в Вербное воскресенье, от Воскресенских ворот к Лобному месту царь вел под уздцы коня, на котором сидел патриарх, символизирующий Иисуса Христа, и все люди вокруг устилали дорогу ветвями вербы. В свое время народ хорошо понимал, что все это значило.

Рядом с Лобным местом стоит удивительно красивый храм. Этот храм был построен в XVI веке в честь покорения Казанского ханства и назван Покровским собором. Но народ дал этому храму имя Василия Блаженного, в память о юродивом, который не боялся говорить правду даже самому царю. Это отражает глубокую истину, что в мире главными являются не цари, не те, кто завоевывает и покоряет народы, а те, кто им говорит правду. Как сказано в Евангелии: Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». Покорявший многие народы Наполеон, в конце концов потерял всю свою власть и славу. Сосланный на остров Святой Елены, где у него было время подумать о своей жизни и своих победах, он обратился ко Христу. Его покорил этот бед-

ный плотник из Назарета, который без оружия и власти завоевал больше людей, чем он со всей своей силой и могуществом.

Историк Филипп Шафф писал: «Иисус Христос без денег и оружия завоевал больше людей, чем Александр Македонский, Цезарь, Наполеон и другие. Не имея образования и не зная наук, Он пролил больше света на дела человеческие и Божьи, чем все философы и ученые, вместе взятые. Не учась ораторскому искусству, Он говорил о жизни так, как никто до Него не говорил, и ни один оратор, ни один поэт не имел такого успеха, как Он. Не написав ни одной строки, Он привел в движение больше карандашей и дал больше тем для проповедей, молитв, дискуссий, произведений искусств, научных трудов и хвалебных песнопений, чем вся когорта великих людей с древних времен и до наших дней. Рожденный в яслях и распятый, как преступник, Он теперь вершит судьбами цивилизованного мира и управляет духовной жизнью людей, составляющих одну треть земного шара».

Завершая разговор о Красной площади, нужно сказать, что первоначально она была задумана как площадь священного мира: здесь и Голгофа, и свобода, и вечная жизнь, и любовь — все так наглядно. Но почему это все было растоптано и забыто? Потому что «Русь была крещена, но не просвещена». И получилось, что «быстро запрягли, но медленно ехали». Вот почему, имея рядом символические прообразы Иерусалима, у многих в сердцах была ненависть и к Ветхому Завету, и к Святой земле, и к евреям. Например, некоторые говорят, что Христос никакого отношения к Израилю не имел! Другие утверждают, что не надо читать Библию, потому что евреи ее написали.

Один верующий брат рассказывал, как в поезде он дал почитать Евангелие попутчику, а тот листал-листал книгу, а потом и говорит: «А почему всем нациям есть послания: римлянам, ефесянам, колоссянам и даже евреям, а русским ничего нет? Не буду читать!» А ведь все новозаветные послания — это послания не к нациям, а к жителям городов и провинций. Даже Послание к евреям — это послание не к еврейской нации, а к тем евреям, которые уверовали во Христа.

Однажды я увидела, как к толпе слушающих проповедь на Арбате подошел художник Илья Глазунов, на выставки которого всегда стоят большие очереди у Манежа. У него есть знаменитая картина, где показана вся история России с ее гениями, царями, вождями, а в центре картины над всеми ними возвышается крест с Иисусом Христом. Глазунов дослушал проповедь до конца, а потом предложил нам сказать то же самое в Академии художеств, но при этом добавил: «Только, чтобы все было православное». Спустя год я опять встретилась с ним на Арбате, и он стал ругать Библейское общество: «Это жидомасонское общество, все беды у нас от них». Видимо, верно замечание о нашей интеллигенции, что утром она верит в Ницше, в обед — в Маркса, а вечером — во Христа.

Д. Пауэлл в своей книге «Почему я боюсь любить?» описывает историю жизни Майкла Гольда — американского мальчика еврейского происхождения: «Его окружила группа мальчишек постарше, которые спросили его: „Эй, пацан, а ты не жид?.. А, так ты жид! Вы, жида, распяли Христа. Сейчас ты на христианской территории, а мы все — христиане! Мы научим тебя знать свое место!“ И они избили Майкла — разбили ему в кровь лицо, изорвали одежду и приказали бежать домой,

крича вслед: „Мы – христиане! А вы распяли Христа! Сиди где тебе положено! Мы – христиане, а вы распяли Христа!“ Когда Майкл вернулся домой, перепуганная мать, плача, спросила его: „Майкл, что случилось?“ Он... прильнув к материнскому уху и с трудом шевеля своими запекшимися губами, спросил: „Мама, а кто такой Христос?“» В старости Майкл Гольд питался в католическом доме милосердия, руководимом Дороти Дей. Она однажды сказала о нем: «Майкл Гольд каждый день обедает за столом Христа, но он, наверное, никогда не примет Его из-за того дня, когда он впервые услышал Его имя». Прочитав эту историю, можно сказать, что дети есть дети и спрос с них не велик. Но ведь этих детей научили ненавидеть евреев взрослые и ответственные люди.

Одно время на Арбате какой-то пожилой мужчина мне житья не давал: проходил во время проповеди мимо нас и кричал: «Не слушайте ее, она жидовка!» И так каждый день. А я все время оправдывалась: «Я не еврейка, я таджичка!» Стала я думать: «А почему я должна оправдываться?» И чем больше я видела вокруг себя ненависти к евреям, тем больше во мне рождалось желание защитить их. Наш Спаситель сказал: «Молитесь за проклиняющих вас...» И стала я молиться за этого пожилого человека, и Бог мне помог. Приехал Вернер Гитт – директор Физико-Технического института в Брауншвейге, Германия. Он написал две книги о существовании Бога, и мы их раздавали на Арбате, а когда все книги кончились, подбегает к толпе тот мужчина и у всех спрашивает, где книги взяли, а меня не видит. Тогда я выпросила у Вернера две последние резервные книги, побежала к этому мужчине и протянула ему. Он смотрел на книги с сияющим лицом, но когда поднял

глаза и увидел, кто принес ему эти книги, лицо его вытянулось, он схватил их и пулей умчался. Больше он меня на Арбате не беспокоил и, кто знает, может быть, благодаря этому случаю пришел к Богу.

*О близость мелодий!
Различья развеи:
К единой свободе —
Давид и Орфей!*

*Единство воспело,
И нет уже двух —
Влекущее тело,
Провидящий дух!*

*Два слившихся диска
Побед и обид —
О тайна единства:
Орфей и Давид!*

*И сумрак, редая,
Пропустит рассвет,
Где нет иудея
И эллина нет!..
(Д. В. Щедровицкий)*

Господь учит нас возвещать Евангелие всегда: «Настой вовремя и не вовремя». Английский писатель Дж. Р. Киплинг вспоминал, как во время кругосветного плавания на борт судна прибыл генерал Вильям Бутс — основатель Армии Спасения. Его сопровождала толпа бивших в бубны и барабаны членов этой организации. Их поведение возмутило привередливую душу

Киплинга, и он сказал об этом генералу. «Молодой человек, — ответил Бутс, — если бы я смог завоевать хотя бы еще одну душу для Христа, стоя на голове и бия в бубен ногами, то я выучился бы этому».

Даже самые незначительные напоминания о Боге могут изменить со временем совершенно равнодушных к вере людей. Мой сосед по прежней квартире был человеком скрытным и необщительным. Когда я сказала ему несколько слов о Христе, он свысока и пренебрежительно отозвался о Боге. Но, встречаясь с ним на лестничной площадке, я каждый раз желала ему Божиих благословений. Он был военным, работал в конструкторском бюро по разработке военных самолетов. Еще в советское время объездил весь мир, много раз бывал в Америке, понятно, что хорошо зарабатывал и пользовался многими привилегиями, которые нам и не снились в ту пору. Конечно, такие люди привыкли надеяться только на человеческую силу и власть (а на себя особенно), и слова Евангелия: «Сила Моя совершается в немощи» — для них совершенно непонятны и чужды.

Тогда как на самом деле сила Духа Святого в верующем подобна тайфуну «Торнадо», сила которого такова, что хрупкая ветка может пробить стальной лист. Когда известный американский проповедник Билли Грэм, страдающий болезнью Паркинсона, проповедовал в Москве, свидетельствовала о своей вере прикованная двадцать пять лет к инвалидной коляске Джони Эрексон. Ее переводчиком был почти слепой Олег Шевкун. Вот эта тройка инвалидов собрала 70 тысяч здоровых людей на стадионе «Олимпийский». В зале не было мест, на улице были поставлены экраны, и тысячи людей стояли под холодным октябрьским дождем и слушали

проповедь о Христе. Вот как сила Божия «совершается в немощи»!

Продолжу о моем соседе. Когда рухнула советская власть, для многих кончилась и «лафа». Остался мой сосед без работы, обозленный на всех, в том числе и на Бога. В канун Нового года я подарила ему Библию. Подумала, что в Новый год принято дарить подарки, и он не откажется. Сделала закладку в Книге притчей Соломоновых, сказала, что эти притчи помогают во взаимоотношениях с людьми и открывают нам мир людей, их тайные мысли, желания, действия и многое другое.

Людам неверующим нравится Книга притчей, она их удивляет, потому что в ней просто, точно и очень глубоко передаются все наши житейские истины. Помню, как лет десять назад у нас в одну ночь (а надо сказать, что все важнейшие события в нашей стране происходили только по ночам, когда измученный народ спал) все сотенные купюры отняли. Мы утром проснулись, а у нас, оказывается, денежная реформа прошла и народ просто ограбили. А чуть позже вообще все деньги на сберегательных книжках обесценились. И читала я в это время своим родственникам из Книги притчей Соломоновых 23-ю главу: «Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои. Устремись глаза твои на него, и — его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и, как орел, улетит к небу». Брат мой долго смеялся, убедившись в правдивости этих слов. Его денежки тоже «сделали себе крылья» и, как орел, улетели. Кто-то смеялся, потому что ничего не оставалось делать, а кто-то в это время и с ума сошел. Такие случаи тоже были. Мне рассказывали, как один дедушка бегал до вечера по базару и лихорадочно предлагал людям обме-

нять каждую сотенную хотя бы на один рубль. Но еще вчера такие дорогие красненькие сотенные купюры, за каждую из которых нужно было целый месяц работать, сегодня уже никому не нужны. Бросил бабушка деньги в мусор, пошел домой и повесился.

Так вот, подарила я Библию соседу, а через год я обменяла квартиру и уехала в другой район. А еще через полгода этот сосед звонит мне, хотя я не оставила ему номер телефона и даже не попрощалась с ним, потому что его не было дома. Он узнал мой телефон и позвонил только для того, чтобы поблагодарить за Библию. Он действительно начал читать ее с Книги притчей, читал очень медленно, а потом так увлекся, что продолжил дальше. И теперь прилепился к ней всем сердцем. Но самое главное то, что он обнаружил благотворное влияние этой книги на свою жизнь. Вот теперь по телефону мы разбираем с ним Слово Божие, и я вижу в нем такие перемены, что самой не верится.

В новой квартире я живу три года, свидетельствовать случается даже в лифте, когда спрашиваем друг у друга: «Вам какой этаж?» Вся жизнь человека и все события можно увязать с проповедью, и цифры в том числе. Обычно до третьего этажа люди ходят пешком, а к цифре «три» у нашего народа особая любовь: «Бог любит троицу». «Четыре» — это четыре конца света, четыре стихии мира, а главное, четыре евангелиста, передавшие нам добрую весть о Христе. Цифра «пять» — это Пятикнижие Моисея, в котором Десять заповедей — два раза тоже по пять, и первые пять заповедей учат нас правильным отношениям с Богом, а другие пять говорят о должном отношении к человеку, и никто не исполнил в совершенстве эти заповеди, кроме Иисуса Христа. Про «шесть» особен-

но хорошо получается: Бог шесть дней творил мир. А про «семь» — тем более: к седьмому дню Бог завершил все дела Свои, и нам повелел жить так, чтобы святить Его, тогда и в душе будет гармония и порядок. После цифры «семь», которая завершает счет дней недели, идет «восемь» — новая неделя — образ новой жизни. После завершения земной жизни для каждого человека начинается иная жизнь — вечная. А конец этого мира завершится пришествием Иисуса Христа, и наступит Царствие Божие, и там все будет совсем иначе, чем здесь, — ни болезней, ни смерти, ни плача.

Между прочим, я заметила, что наши люди любят мистику, их интригует все необычное, особенно относящееся к ним лично. Вот почему про свой этаж они слушают с интересом, а я рада, что могу засвидетельствовать «в тему».

Вот на днях пришел сосед с нижнего этажа, бывший сотрудник КГБ, а теперь работник ФСБ. Мне везет на «военных» соседей, но почему-то он первый из всех откликнулся на свидетельство о Христе и пришел за Евангелием. Посидели мы часа два, чаю попили. Я ему гимны о Христе спела, ему они очень понравились, попросил переписать их: чувствую, что-то затронуло его сердце. Но своего соседа по площадке, священника, он, не скрывая, ругал. И даже не смог объяснить, за что. «Просто, — говорит, — как я с ним встречусь, так весь день потом не строится — обязательно что-то случится. Так что я теперь, прежде чем выйти из дому, в глазок двери смотрю, чтобы попа не было, и в лифт с ним ни за что не войду. Вот и получается, что живу рядом с попом и мучаюсь». Я сказала ему: «Дело совсем не в священнике, а дело в Вас и в Ваших отношениях с Богом. Сердце каждой проблемы — это проблема в сердце».

Сосед мой прислушался, обещал, что будет стараться думать о священнике хорошо, но главное — обещал читать Евангелие. Радостно, что и вахтер в нашем подъезде оказался ищущим человеком, и теперь, когда я прохожу, он сам ищет повода, чтобы поговорить о вере. И еще радуюсь за женщину-маляра, которая красила наш подъезд. Я ей только вчера подарила Евангелие от Иоанна, а она уже сегодня мне сказала, что всю ночь не спала, пока не прочла его. Теперь я молюсь о соседях-алкоголиках, поселившихся в нашем подъезде. Вот кому на Руси жить хорошо! День и ночь они буянят: матерщина, крик и драки. И между прочим, это дети чуть ли не „кремлевских“ родителей. От алкоголиков некуда скрыться: почти в каждом доме есть эта беда, и вся страна наша безудержно заливает себя водкой.

Рассказала мне недавно актриса Лена Денисова о своем соседе-алкоголике, который замучил ее протечками, так как пьяным он забывал выключать кран в ванной и постоянно заливал ее квартиру. Вначале она ругалась с ним, но когда уверовала, пошла к нему просить прощения, подружилась с его женой и пригласила их в церковь. Сосед этот имел два высших образования, но из-за водки деградировал так, что весь лексикон его состоял только из трех слов: «Все, все, все». На любые вопросы и замечания он реагировал одной этой фразой: «Все, все, все». В церкви, во время призыва к покаянию, вышел этот сосед каяться, полились слезы ручьем, и вернулась к нему нормальная речь. Позже он вспоминал: «Как же мне после молитвы этой было хорошо! Так тепло и радостно, как в детстве».

У нас в церкви тоже были такие. Сергей, сам себя называвший «алкоголиком всесоюзного значения»,

допивался до того, что в белой горячке к нему трактора и бульдозеры «въезжали» в квартиру и «гоняли» его по всем углам. Покаялся Сережа и привел к нам в церковь своего дружка Мишу, с которым они напивались до такого состояния, что по целой неделе не вылезали из-под стола: «черти не пускали». Ребята эти приехали в Москву на заработки (один из них с высшим образованием), устроились на стройку, жили в общежитии и все пропивали, потому что там все пьют. Я была в этом общежитии. Страшная картина: начиная с вахтера, пьяные все. Вошла в комнату: стоят три кровати, над двух из них лежат мужики лет по 35 – 40 с остекленевшими глазами. Миша в коридоре стал кричать: «Грешники, идите каяться!» Из комнат поползли люди на четвереньках в Мишину комнату. Говорить с ними серьезно о Боге было бесполезно, и я предложила им помолиться. Смешались они в куче на полу, кто на корточках, кто лежа, плачут и неистово вопят: «Господи, помилуй!» Жуткая и незабываемая картина. Многих не стало уже через три месяца: учитель Володя пьяным упал с крутой лестницы и разбился насмерть, Валю зарезали... Люди там мрут каждый день. «Скорая помощь» на вызовы отвечает: «Мы к алкоголикам не выезжаем». И это «логово» – долина смерти – почти в центре Москвы, на Электrozаводской. Одного удалось спасти через верующую сестру Козлову Лену – заведующую аптекой. Она подключила знакомых врачей, те поставили в медицинской карте ложный диагноз: воспаление легких, и две недели откачивали его. Сережа с Мишей стали верующими людьми и бросили пьянство, Миша служит сейчас в церкви в городе Пензе.

Слово Божие действует в человеке и изменяет его. Именно поэтому оно необходимо людям. Христос от-

ветил фарисеям, требовавшим, чтобы Его ученики замолкли: «Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют». Мне довелось видеть, как «возопил» бомж на вокзале. Подошел он ко мне решительно во время проповеди и, перебивая, спросил: «А какой самый большой грех?» Я говорю: «Наверное, гордость». Он поднял указательный палец вверх и громко произнес: «Правильно, гордость – самый тяжкий грех!» – и тут же плюхнулся на скамейку, развалившись во весь рост. Зал рассмеялся. Через какое-то время встает и опять направляется ко мне. Все замерли в ожидании. Чтобы разрядить обстановку, я спрашиваю его: «Как Вас зовут?» А он повернулся к залу и из самых глубин души как завопит: «Меня зовут негодяй!!! Я недостойн носить человеческое имя! Послушайте, люди, как все это правильно, что вы сейчас слышите, про Бога, про Библию – все правда!» Потом посмотрел на них несколько секунд, помолчал, повернулся ко мне и говорит: «Зря Вы для них так стараетесь, они все слепые и глухие». И снова свалился на скамейку.

У каждого человека в жизни можно учиться. Но что мне может дать бомж, чему я у него могу научиться? Во-первых, и это самое главное, я могу от него получить великий урок Божией милости, ведь я не лучше бомжа, и только по Божией милости я не на его месте. А во-вторых, он так смело говорил о Боге, что этому хочется только подражать. Не будем стесняться Христа. Апостол Павел сказал: «Мы безумны Христа ради». И если мы, верующие, будем молчать о Спасителе, то эти несчастные люди – бомжи и пьяницы – в укор нам «возопиют» о Боге, как могут.

Так у меня было с одной молодой девушкой. Пьяная, она в ярости стала кричать на нас: «Вы сектанты, вы

не православные!» Я спросила у нее: «Что у тебя случилось?» Она упала мне на грудь и начала рыдать. Все окружающие смотрели на нас с удивлением, думая, наверное, что тут не обошлось без магических чар, потому что метаморфоза произошла в считанные секунды на глазах у всех. Потом мы с ней разговорились. Хорошая девушка, красивая, приехала к своему парню, искала его долго, а он себе уже другую нашел. Вот она и сорвалась: напилась. А что на вокзале с такими делают, понятно.

Воры и проститутки вначале на проповедь реагировали отрицательно, всячески мешали. Но потом мы с ними познакомились, они нас зауважали и, когда мы входили в зал, громко нас приветствовали, как будто мы с ними давние друзья. Проповедь слушать не могли, выходили из зала, но уже и не мешали. Слово Божие жжет сердце, зовет сделать выбор наподобие блудного сына из притчи Иисуса. Я верю, что однажды это Слово, которое они слышали, выходя из зала, придет им на память, даже если это будет уже на смертном одре, когда вся жизнь в мельчайших подробностях проходит перед глазами, и вдруг окажется, что эти минуты как раз и были самыми важными в жизни.

*О, больно, больно мне!!! Скорбит душа моя,
Казнит меня палач неумолимый — совесть;
И в книге прошлого с стыдом читаю я
Погибшей без следа, бесплодной жизни повесть.
(А. Н. Плещеев)*

Почему эти люди докатились до такой жизни? Может быть, потому что они не нашли любви в тех, кто их окружал, в том числе и нашей? И Господь обращается к нам с вопросом, который он некогда задал Каину: «Где

брат твой?» Потому что мы все ответственны друг за друга. Меня трогают слова Нимеллера: «Когда немцы пришли за коммунистами, я молчал, так как не был коммунистом. Когда пришли за евреями, я молчал, так как не был евреем. Когда немцы пришли за католиками, я молчал, так как не был католиком. Потом пришли за мной». Нет «ближних» и «дальних», но каждый человек, встречающийся нам на путях нашей жизни, становится нашим ближним.

Какие только истории не услышишь на вокзале от людей! Один молодой человек признался, что он сексуальный извращенец и что здесь, на вокзале, прямо на наших глазах, увозят мальчиков, почти детей, и развращают их. Долго мы с ним беседовали. Такие люди больны до одержимости, но надеюсь, что в тот день он ничего дурного не сделал. Как много дурных влияний и соблазнов окружает наших детей! «Душа ребенка — богатая и плодородная земля; в ней все, что ни посеешь, растет быстро и пускает корни глубоко. Важный вопрос: что сеем мы? Чему детей учим? Какие примеры они берут с нас? Жалко бывает видеть в саду молодое деревце, сломанное ветром, смотреть на цветы, грубо раздавленные ногою. Берегитесь же бросить тень на чистую детскую душу, осквернить хотя бы каплею грязи невинность ребенка. В плодовом саду мы оберегаем каждое деревце от хищных птиц, укрываем побеги соломой от морозов. Неужели же душа ребенка стоит меньше, чем яблоня или вишня?» (Феофан Затворник).

А другой молодой человек после проповеди сдал билет в кассу. Он сидел 11 лет в тюрьме, будучи невиновным: такое в наших судах неудивительно. Но он знал виновника и все 11 лет жил одной мечтой — отомстить. И вот он вышел на свободу и едет на это «мокрое» дело.

А ему в ожидании поезда — в аккурат проповедь о Божией любви, о Божием прощении: «Итак, оденьтесь... в милосердие... долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы».

И после проповеди он мне говорит: «Я впервые слышу слова о прощении. Я всегда думал, что отомстить за несправедливость — это самое нормальное и правильное дело». «Да, — говорю, — но если по справедливости, то нам нельзя жить ни одной секунды в мире, потому что мы все грешные, только один больше, а другой меньше». Мы поговорили, потом помолились, он сдал свой билет и счастливый поехал домой. Как будто бы только ради этого он и находился на вокзале. У А. К. Толстого есть юмористическое стихотворение «Великодушные смягчают сердца»:

*Вонзил кинжал убийца нечестивый
в грудь Деларю.
Тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво:
«Благодарю».
Тут в левый бок ему кинжал ужасный
злодей вогнал,
А Деларю сказал: «Какой прекрасный
у вас кинжал!»
Тогда злодей, к нему зашедши справа,
его пронзил,
А Деларю с улыбкою лукавой
лишь погрозил.
Истыкал тут злодей ему, пронзая,
все телеса,
А Деларю: «Прошу на чашку чая
к нам в три часа».*

Злодей пал ниц и, слез проливши много,
дрожал как лист,
А Деларю: «Ах, встаньте ради Бога!
Здесь пол нечист».
Но все у ног его в сердечной муке
злодей рыдал,
А Деларю сказал, расставя руки:
«Не ожидал!»

*...Высокий дух посредственность тревожит,
Тьме страшен свет...*

(А. К. Толстой)

Есть души, настолько близкие к покаянию, что нужно совсем немного – и ангелы будут радоваться на небесах. С другой стороны, как важно, чтобы запутавшихся и отчаявшихся людей вовремя остановить. «Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог». Большинство ломают себе жизнь по простой причине – не научены, не наставлены Божиим Словом. «Наставь юношу при начале пути его – он не уклонится от него, когда и состарится».

Как прекрасно описал Экзюпери людей на планете в книге «Маленький принц»! «Никогда не забуду мой первый ночной полет над Аргентиной. Ночь настала темная, лишь мерцали, точно звезды, рассеянные по равнине, редкие огоньки. В этом море тьмы каждый огонек возвещал о чуде человеческого духа. При свете вон той лампы кто-то читает, или погружен в раздумье, или поверяет другу самое сокровенное. А здесь, быть может, кто-то пытается охватить просторы Вселенной или бьется над вычислениями, измеряя туманность Андромеды. А там любят. Разбросаны в полях одинокие

огоньки, и каждому нужна пища». «Пища», которая нужна всем, — это Христос, это Божье Слово. Велика сила Божьего Слова!

Христос везде: в шуме волнения...
...В тоске неясного томления.
И в светлый миг, и в миг затмения
Он знает, что сказать душе.
Христом живем, Христос нас носит.

Сколько раз я убеждалась, что даже наши человеческие слова имеют огромную силу. Недавно я посетила в больнице мою племянницу. В коридоре со мной поздоровался мужчина. Выяснилось, что мы вместе с ним работали в Институте философии на Волхонке много лет назад. Только он был начальником отдела, книжки и словари писал, а я там по совместительству вечерами уборщицей работала. Я у него удивленно так спрашиваю: «Как же Вы меня запомнили и узнали, простую уборщицу?» А он мне говорит: «Вы однажды сказали такую фразу, которую я пронес через 15 лет жизни. А сейчас лежу здесь на больничной койке, полжелудка выбросили, и думаю, как же была права та уборщица — жизни радоваться надо!»

А ведь я тогда еще неверующая была и сказала ему что-то вроде: «Вот солнце светит, руки-ноги есть — радоваться надо». Боже мой, какие простые слова, чем могли они затронуть? Часто столько наговоришь и не помнишь, кому что, а оказывается — где-то человек лежит на больничной койке и думает, и вспоминает эти слова спустя 15 лет. Словом можно успокоить и порадовать человеческую душу, но можно обидеть и смертельно ранить. Если человеческое слово имеет такую силу, то какова же сила Божьих слов!

Не случайно наш коммунистический режим так боялся Божьего Слова! Странно даже, ведь оно учит послушанию властям, честности в работе, сохраняет прочность семейных уз. Какое правительство этого не желает? Казалось бы, каждому дому они должны были предложить эту Книгу, и даже бесплатно, чтоб самим спокойно спать! Но Библию нельзя было достать днем с огнем. Самое главное, чего боялись в этой Книге, — это той свободы, которую дает Христос верующим: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Христианство начиналось с события, казавшегося великим поражением, — с Голгофы, где был распят Человек, Который нес людям только любовь и добро. А потом небольшая горсточка «безумцев» стала провозглашать, что Он жив. Кто мог подумать, что так рождается мировая религия?! В сравнении с «прочной» человеческой логикой вера во Христа выглядит ничтожно. Она может быть «с горчичное зерно», но без нее на земле все непрочно.

*Не было гвоздя —
подкова пропала.
Не было подковы —
лошадь захромала.
Лошадь захромала —
командир убит.
Конница разбита,
армия бежит.
Враг вступает в город,
пленных не щадя, —
оттого, что в кузнице
не было гвоздя!*

(С. Я. Маршак)

Именно поэтому рассыпалось «наше светлое коммунистическое будущее» — гвоздя не было! Не было веры в Бога, оттого все это величие и могущество, устрашающее весь мир, рухнуло в одночасье, без единого выстрела.

Однажды на вечере, посвященном новому изданию Евангелия, которое вышло миллионным тиражом, я подошла к известному актеру Юрию Соломину, который в то время был министром культуры, и сказала, что очень хотела бы подарить ему Библию. Он записал меня на прием. Я взяла с собой на встречу верующую сестру. Вместо положенных 10 минут мы пробыли у него в кабинете около полутора часов. Он отключил все телефоны и внимательно слушал наш рассказ о Христе. А потом сказал: «Как жаль, что это сокровище прошло мимо нас. Вот я министр культуры, но стыдно мне признаться, что вся моя духовность на уровне только детской Библии, а настоящую я не понимаю. Вот что с нами сделали!» Он очень благодарил за беседу, и когда мы вышли из кабинета, то многочисленные иностранные делегации, ожидавшие приема у министра, удивленно смотрели на нас, как бы спрашивая: «Чем же вы могли его так заинтересовать?» Всякая душа на земле чувствует настоящее и вечное и тянется к нему. Кто не хочет быть счастливым? Но счастье всегда кроется не вовне, а внутри нас. Мы же старались найти его в том, что нас окружает, и не очень в этом преуспели. Из наших бедных голов всячески старались выбить все живое и вечное. Остроумно подметил это Салтыков-Щедрин в рассказе «Вяленая вобла». «Воблу поймали, вычистили внутренности и вывесили на веревочке на солнце: пускай проявится. Повисела вобла денек-другой, а на третий у ней и кожа на брюхе сморщилась, и голова подсохла, и мозг, какой в голове был, выветрился, дряблый сделался. И стала

вобла жить да поживать. „Как это хорошо, – говорила вяленая вобла, – что со мной эту процедуру проделали! Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести – ничего такого не будет! Все у меня лишнее выветрило, вычистили и вывялили, и буду я свою линию полегоньку да потихоньку вести!.. Главное, – твердила она, – чтоб никто ничего не знал, никто ничего не подозревал, никто ничего не понимал, чтоб все ходили, как пьяные!“»

Тоталитарному режиму всегда были нужны рабы, которые живут в вечном страхе и только «от стойла до пойла». Самая главная забота нашей страны была всех нас чем-нибудь занять, чтобы жили мы, как пьяные, и ни о чем высоком не думали. Ничего нового в этом нет, история повторяется. Вспомним фараона, который не желал отпускать рабов-евреев пойти помолиться их Богу. Фараон решил, что это от безделья, и сказал: «Они праздны, потому и кричат: „Пойдем, принесем жертву Богу нашему“. Дать им больше работы, чтобы они работали и не занимались пустыми речами». Если нет Бога, то нет ни бессмертия, ни смысла жизни. Тогда прав В. Розанов: «Родила червяшка червяшку. Червяшка поползла. Потом умерла. Вот наша жизнь!» Одиноким человек, брошенный безжалостной рукой слепой судьбы в ледяную пустоту космической бездны, без всякой цели всю свою жизнь страдает и мучается, а потом уходит в никуда. Но мы в глубине души чувствуем, что это не может быть так. «Мы чувствуем и знаем, что мы бессмертны» (Спиноза). Мы осознаем, что у нашей жизни должна быть какая-то цель, что мы живем для чего-то, а значит, есть Кто-то, Кто сотворил нас.

Мысли о вечном приходят к нам уже с самого раннего детства. Я была очень маленькой, когда впервые

увидела смерть. Я спрашивала у взрослых: «А почему этот дяденька, как каменный, лежит и не шевелится? Что с ним теперь будет?» Мне отвечали, что его положат в землю. Я опять спрашивала: «А когда он вернется?» И тут услышала ответ, который оглушил меня на месте: «Никогда». Я сразу перенесла это на себя: когда я умру, то больше никогда не вернусь. И я начала в пятилетнем возрасте жадно изучать цифры, вначале до десяти, а потом только крупные: сто, тысяча... и даже слово «секстиллион» выучила, мне все хотелось узнать, какая же цифра соответствует слову «никогда». Но после секстиллиона, сказали мне, ничего больше нет.

В семье думали, что я, наверное, буду большим математиком, но только моя маленькая душа знала, зачем ей нужны были эти цифры. Я забиралась в уединенное место и, заламывая пальчики, считала, сколько меня не будет, когда я умру. И как сейчас помню, что, когда я произносила этот самый «секстиллион», я видела вечность. Она голубого цвета, и в ней удивительная жизнь, но меня там нет, потому что меня так научили, и я начинала горько плакать, считая это высшей несправедливостью на свете. Много раз я так загибала пальчики, и вечность меня не обманывала. Она всегда являлась — такая голубая, величественная, тихая и очень красивая. Я ни с кем никогда не делилась этой тайной, она для меня была такой важной, что мне казалось, взрослые с их «никогда» не поймут мою голубую вечность и могут обидеть ее. Я глубоко убеждена, что если бы мы могли вспомнить все наши детские переживания, то увидели бы много удивительного: «Лишь жить в себе самом умей — есть целый мир в душе твоей таинственно волшебных дум...» (Ф. И. Тютчев)

Каждая человеческая душа интуитивно стремится вернуться к той непостижимо таинственной силе, от которой она произошла. «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!». Эта вечная потребность человеческой души в приобщении к Высшему может утоляться молитвой и чтением Священного Писания. В них душа ощущает Божье присутствие, наполняясь благоговейным трепетом, изумлением и восторгом. «Господи! Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила, данные в ней человеку! И сколько тайн разрешенных и откровенных...» – восклицает Ф. М. Достоевский. Видя, что моя душа металась и искала, не зная чего, один человек, который интересовался всеми религиями без разбора, особенно восточными, посоветовал мне читать Библию. Сам он ее никогда не читал и потому сказал это как бы между прочим. Но это запало мне в душу, и я стала искать Библию. Это было года за два до перестройки. Но нигде нельзя было купить Библию, даже на «черном» рынке. И я хорошо помню, с каким трудом купила эту книгу пятнадцать лет назад в церкви во 2-м Обыденском переулке у женщины, которая продавала за прилавком свечи. Позже я узнала, что она была профессором, известным в мире ученым, оставила науку и пошла в храм. Дала она мне Библию тайком, чтобы никто не видел, и я отдала тогда за нее полторы моих месячных зарплаты. А потом еще одну хотела купить, для брата, но нигде нельзя было достать. И она посоветовала мне обратиться в Издательство Московской Патриархии.

Поехала я туда, смотрю, турникет на проходной, и милиционеру всех пропуск проверяет. Я, конечно, сразу поняла, что здесь делать нечего, меня тут никто не ждет. Но вдруг милиционер отвлекся, и я не помню, как оказа-

лась внутри. Как будто меня кто-то провел. Спрашиваю в коридоре у мужчины в штатском, как Библию можно купить, а он мне говорит: «Да что Вы, я здесь столько лет работаю и то не имею! А вообще-то, гражданочка, как Вы сюда попали?» Я с перепугу что-то невнятное ответила ему и метнулась на второй этаж. Решила я кого-нибудь в рясе найти, так как к гражданским подходить было уже опасно. Но там совсем не было людей, а только очень много витрин с золочеными одеждами священников и церковной утварью. Вдруг вижу в одной из приоткрытых дверей человека в черной рясе. Я стремительно открыла дверь, ухватила за рясу и говорю: «Мне Библия нужна!» Подлетела секретарша и стала меня отрывать от него, а я держусь крепко. Тогда этот человек с длинной белой бородой приветливо сказал мне: «Не волнуйтесь, приобретете Вы Библию». Я спрашиваю его: «Когда?» — а он нараспев отвечает мне: «Сейча-а-с», и выписал мне бумажку, по которой я купила там Библию за тридцать рублей, что в семь раз дешевле моей первой Библии.

Позже я узнала, что это был владыка Питирим, директор Издательства Патриархии. На меня он смотрел удивленно и все расспрашивал, кто я и откуда, а в конце благословил. Уходила я оттуда, путая следы. Так меня там напугали, что потом все время казалось, что за мной следят. Но какое же это было тогда счастье: достать Библию и подарить родному брату! Он до сих пор ее читает.

Я верю, что Библия, как терновый куст в истории с Моисеем, горит и не сгорает: и в прямом, и в переносном смысле. Не так давно я рассказывала о Христе одному казаку в моем родном селе. Хотела подарить ему Евангелие, а он говорит: «У меня уже есть. Иду я мимо дома твоего двоюродного брата, а на улице горит огромная куча мусора. Вижу чудо: куча-то горит, а книга в ней не

горит. Дождался конца, взял я эту книгу, а на ней написано «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа». Хотя я мусульманин, но верю, что книга, которая не горит в огне, — святая. Вот теперь дыни охраняю на бахче и читаю, она у меня все время под подушкой».

Пошла я тогда к своему двоюродному брату. «Ну, — думаю, — голубчик, раз мои книги у тебя не горят, я тебе еще одну такую дам». А он был сильным противником Христа, потому и бросил Евангелие в огонь. Их восемь братьев, родители умерли, и большинство сыновей еще не женаты. Жениться в тех краях непростое дело — нужен калым. А без калыма невесту никто не отдаст. И вот Бог опять послал меня к нему с Евангелием. И говорит он мне: «Что ты мне все Христос да Христос? А вот невесту мне твой Христос может дать?» «Может, — говорю. — Давай помолимся». Мы помолились. «Ладно, — сказал он мне на прощание, — если даст, то поверю я в твоего Христа». «Ну смотри, — говорю я, — ты обещал, не забудь».

Приезжаю я через несколько месяцев, а он бежит мне навстречу счастливый и кричит: «Знаешь, есть, есть на свете Христос, точно есть! Он мне помог, послал мне жену! Не зря ты молилась!» Учитывая все обстоятельства, я скажу, что это действительно было чудо. И лучше всего об этом знал он сам, потому остался верен своему обещанию, и теперь, когда я приезжаю, всегда говорит мне, что читает Библию. Вот так бывает с поджигателями Божьего Слова: они к нему со злобой — Писание в огонь швыряют, а Бог к ним с любовью да с милостью, еще и заветные желания исполняет!

Женщина-иранка в моем родном селе с горечью рассказывала мне, что два года назад от нее ушел муж, а в семье двое маленьких сыновей, жить тяжело. «Если я возьму эту книгу, муж вернется?» — спросила она.

Видимо, она ни о чем больше и думать не могла. Что ей сказать? «Вернется, — говорю, — бери». Не прошло и двух недель, она находит меня, хватая за руку, заводит домой, где сидит муж рядом с сыновьями, а потом таинственно показывает на Евангелие под подушкой и говорит: «И вправду помогло». Я ей говорю: «Знаешь, это ведь не талисман, это живое Слово Божье, Его читать нужно». Так часто к одним Бог приходит через крушение надежд, а к другим — через радость. Он всегда рядом с нами: «Бог готов ежечасно, но мы не готовы; Бог к нам близок, но мы далеки; Бог внутри, но мы снаружи; Бог в нас дома, но мы чужие» (М. Экхарт). Такие чудеса, как в приведенных мною случаях, встречаются в жизни каждого из нас, только жаль, что бежим, спешим и так много суетимся, что некогда и поблагодарить Творца по-настоящему! Как в той евангельской истории, когда Христос исцелил десять прокаженных и только один вернулся поблагодарить Его.

Мне рассказывал один таджик по имени Ульмас, из Ферганы, что он служил в Афганистане. Когда они возвращались с войны, русский солдат подарил ему маленькое Евангелие от Иоанна. Дома Ульмас прочитал книгу, и прочитанное очень тронуло его сердце, особенно откровение о том, что Христос — Сын Божий. В исламе ведь Христос почитается только как великий пророк.

Вот что Ульмас мне поведал: «Однажды ночью, лежа в кровати, я услышал голос: „Ульмас, вставай, покайся!“ Я не спал и решил, что это мои друзья под окном меня разыгрывают. Вышел на улицу, но никого нет. Опять лег, и опять тот же голос: „Ульмас, вставай, покайся!“ И так три раза. Я понял, что это не ребята, а что-то другое. От страха накрылся одеялом с головой и так до утра продрожал».

Отец Ульмаса был муллой, он научил детей молиться и исполнять обряды ислама. Есть определенные дни, когда мусульмане молятся на кладбище до захода солнца, вспоминая всех пророков. «Стою я на коленях на кладбище, – продолжает свой рассказ Ульмас, – и молюсь всем пророкам. Когда дошла очередь до Исо-пайхамбара (Иисуса-пророка), на память мне пришла эта маленькая книжечка – Евангелие. Я сказал: „Я верю, Иисус, что Ты – Сын Божий“. Вдруг вижу: от ворот кладбища ко мне идет Иисус, весь в белом, и два ангела сопровождают Его и восклицают на узбекском языке: „Слава Иисусу, слава Иисусу!“ Когда Он приблизился ко мне, я сказал Ему: „Прости меня, Иисус!“ Он ответил: „Прощаю тебя, Ульмас“. И так три раза. (Столько раз я у Него просил прощения, сколько раз слышал голос тогда ночью). А потом появилась лестница на небо, и Он стал подниматься по ней, и два ангела опять запели: „Слава Иисусу!“ Я крикнул Ему вслед: „Возьми меня с Собой, Иисус!“ Он повернулся ко мне, улыбнулся и сказал: „Я за тобой еще приду“. Когда я встал с колен, у меня было такое чувство легкости, как будто я вышел из бани, где сбросил с себя тонну грязи.

Счастливый, выбежал я с кладбища на улицу, а навстречу друг-татарин идет, с которым я поссорился два года назад и до сих пор не разговаривал. Бросился я к нему на шею, обнял его и говорю: „Слава Иисусу!“ Пришел домой и те же слова стал говорить дома. Я ничего не мог произнести, кроме слов, которые пели ангелы. Дома решили, что со мной что-то случилось или что я принял наркотик. Отец сказал: „Ты сейчас ложись в постель, а утром все расскажешь“. Но утро я начал со слов: „Слава Иисусу!“ И родители поняли, что со мной произошло действительно что-то необыкновенное».

Впоследствии вся семья Ульмаса обратилась ко Христу, и отец тоже.

А вот другой парнишка восемнадцати лет — узбек Ильяс. С ним я познакомилась, когда он только что уверовал и учился на библейском двухнедельном семинаре в Ташкенте. С девяти утра до пяти часов вечера были занятия, к шести часам он бежал на работу в ларек и работал до двенадцати ночи, а потом до трех-четырёх ночи делал домашние задания по семинару, а утром опять спешил на учебу. Как я радовалась, видя такую ревность к Слову Божьему у моего народа! Я спросила его, как отнеслись родственники к его вере и не были ли они против. «Да что Вы?! — ответил он мне. — Мы такое чудо в семье пережили, что мне не пришлось долго убеждать их, что Иисус — Бог. Прихожу я однажды домой, а моя сестренка грудного возраста поперхнулась во время кормления и умерла. Лежит она синяя, родственники вокруг собрались, я подбежал к ней и громко произнес: „Иисус Христос — Сын Божий, возьми у нас во дворе какое-нибудь животное, а мою сестренку воскреси, Ты все можешь, Ты — Бог!“ Вдруг заскулила моя любимая овчарка во дворе и замертво растянулась у порога, а девочка ожила. Вот теперь вся семья Иисусу молится».

У Бога есть особенный подход к каждой душе: в жизни одного человека Он совершает одно, в жизни другого — другое, и у каждого — своя судьба. Но беда наша в том, что мы часто не замечаем Божиих дел. Вспоминаю, как в начале перестройки один мужчина спрашивал у меня на Арбате во время проповеди: «А что бы Вы сказали про Бога той женщине, у которой сын не вернулся из Афганистана? Вот мой сын тоже был в Афганистане и возвратился живым. Но интересно, как быть той, у которой

сын не пришел домой?» Что ответить на это? Но надо же такому случиться, что в небольшой кучке слушающих стоит маленькая женщина и тихо говорит: «У меня сын не вернулся из Афганистана, именно поэтому я и стала верующей». Мужчина открыл рот от изумления, глаза выпучил, а потом стал нести какую-то чепуху, вроде той поговорки, что «в огороде – бузина, а в Киеве – дядька».

Я смотрела на них и думала: «Господи, что это? Один здоров, сыт, сын остался жив, а он кулаком небу грозит, неблагодарный и страшный в гневе. А другая, кажется, должна быть разбита и сломлена горем, а вся светится, глаза глубокие и добрые». Как в той известной притче о бедной бабушке, которой молодой человек говорит: «Что мне, бабка, твой Бог? Что Он тебе дал? У тебя же только два зуба осталось во рту?» А она ему в ответ: «Ах, милоч, если бы ты знал, как я благодарна Богу, что эти два зуба один напротив другого, я ведь еще могу от яблочка откусить и вкус его почувствовать». У этого молодого и здорового тридцать два зуба во рту, и свет ему, бедному, не мил, а у старой больной бабушки только два осталось, а она радуется и принимает все, как великую Божию милость! Но у молодого-то все впереди, и он еще будет на месте этой бабушки, и вспомнит ее не раз.

У меня есть одна знакомая, ей 84 года. Она была репрессирована в 1937 году и отсидела шестнадцать лет в сталинских лагерях. Всю молодость отдала тюрьме, не зная, за что сидит, как и многие миллионы осужденных в то время. Зовут ее Гюли Федоровна. Я познакомилась с ней в больнице, когда навещала одну сестру из нашей церкви. Мы подружились, и теперь я уже в течение нескольких лет часто бываю у нее. Ее мужу девяносто семь лет, целый век почти, но у него совершенно ясный

ум и хорошая память. Гюли Федоровна рассказала мне несколько историй, которыми я хочу поделиться.

У Гюли Федоровны в лагере была подруга, у которой дома остался восьмилетний сын Витя. После ареста матери его забрали в интернат, где он получал «специальное» воспитание. Каждое утро мальчика ставили на стул в центре комнаты, и он должен был перед всеми произносить как клятву следующую фразу: «Моя мать — враг народа, а потому она — и мой враг».

Мать отсидела 20 лет, и все это время смыслом ее жизни было одно: выжить и найти сына. Когда она вышла на свободу, они вместе с Гюли Федоровной долго искали его. С большим трудом удалось найти его: фамилии тогда детям меняли. И вот радостное событие: нашли точный адрес, звонят в дверь, вышел мужчина лет двадцати восьми и спрашивает: «Вам кого?» Мать стоит бледная, с дрожащими губами, и смотрит на сына. «Виктор, — говорит Гюли Федоровна ему, — это твоя мама». «А-а, — пренебрежительно ответил он, — ну пусть она войдет, а Вы подождите в прихожей».

Через несколько минут из комнаты донесся душераздирающий крик. «Я влетаю в комнату, — говорит Гюли Федоровна, — и вижу мою подругу на полу, трясущуюся, в конвульсиях, с пеной на губах. «Что ты ей сказал?» — спрашиваю у него, а он говорит: «Я сказал ей правду: какая ты мне мать? Ты — враг народа, значит, и мой враг!» Через три дня она умерла в больнице, повторяя в бреду одно и то же: «Витенька, я нашла тебя, Витенька». Человек выдержал 20 лет лагерей: голод, холод, вши, побои и издевательства. По пояс в ледяной воде строила плотину, все выдержала, потому что знала: есть где-то сын, кровинушка ее родная. А сын убил ее одной-единственной фразой.

А другой молодой человек, Олег, тоже сын репрессированной матери, семилетним мальчиком был отправлен к своему дяде в Курск. Чудом, с большими усилиями старшая сестра спасла мальчика от детдома, отправив его к дяде и сообщив, что мама сидит в тюрьме в Караганде. В то время началась война. Сестра пошла на фронт, а дядя от страха за свою жизнь из-за репрессированной родственницы увез мальчика в лес и бросил его там одного. Сестре мальчика дядя написал на фронт, что братик погиб, та сообщила матери в тюрьму, и мать оплакала сына.

Но мальчик остался жив: брел, брел по лесу и вышел на дорогу. Как раз ехала машина с эвакуированными детьми и подобрала его. Учился он в интернате лучше всех, и по окончании школы директор предложил ему выбрать подарок. И этот мальчик, ставший к тому времени юношей, сказал: «Дайте мне вместо подарка денег на поезд до Караганды». Директор завел его в кабинет и тихо спросил: «Почему ты хочешь ехать в Караганду?» Юноша ответил: «Потому что я хочу найти свою мать, она там в тюрьме». И директор дал ему денег. Юноша пошел в магазин и купил хлеба на всю карточку (хлеб тогда выдавали по карточкам). Женщина в очереди заинтересовалась, зачем ему так много хлеба, и оказалось, что она сидела в одной тюрьме с его матерью, даже вместе на нарах лежали. А в Караганде тогда были сотни тюрем, молодой человек не знал точного адреса, и без этой женщины он вряд ли нашел бы свою мать. Но велик промысел Божий, и юноша с точным адресом и хлебом за пазухой поехал в Караганду.

И вот сообщают матери, что на проходной ее спрашивает парень лет двадцати. Она, ничего не подозревая, выходит и видит незнакомого юношу с опущенными

глазами. Когда она подошла к нему, он вынул кусок хлеба из-за пазухи, протянул ей на ладони и поднял глаза. На нее смотрели глаза ее мужа. Узнав сына, мать вскрикнула и упала без сознания.

Это совершенно другая история и с другим концом — радостным и светлым. Разные люди и разная молодежь. Но как же живет теперь тот молодой человек, убивший свою мать, когда открылась вся правда о том времени и о нашем ложном патриотизме?! Жалко его, он оказался страшной жертвой. Без Божией помощи и великого Христова прощения после такого можно спиться, повеситься или даже сойти с ума.

Человек — существо очень странное: может погибнуть от одного слова, но способно переносить и невероятные трудности. Гюли Федоровна вспоминала, что в лагере были разные люди и очень талантливые тоже. Например, молодой паренек из поволжских немцев, музыкант, которому отбили в лагере кисти рук, играл изуродованными костяшками пальцев на гитаре так, что ничего подобного в жизни она никогда не слышала. Причем перед игрой он держал над огнем свои костяшки, разогревая их, чтобы они чуть-чуть стали мягче.

А вот другая судьба. Профессор Киевского университета Есфирь Соломоновна на нарах читала шепотом по ночам наизусть всего Диккенса. «Ая, — говорит Гюли Федоровна, — в то время по большому благу за лишнюю порцию непроваренного овса носила из уборной тяжелые ведра. Есфирь Соломоновна тогда была из новеньких и однажды сказала мне: „Гюли Федоровна, Вы же художник, что Вы делаете, как Вам не стыдно это делать за миску овса?“ „Скоро узнаете“, — ответила я ей. Прошло немного времени, и стала меня просить Есфирь Соломоновна, не поговорю ли я, чтобы ее тоже

устроили на это место. Я поговорила, и ее взяли, а вечером после работы я говорю ей: „Как Вам не стыдно, Есфирь Соломоновна, из уборной ведра носить, Вы же Диккенса всего наизусть знаете?“ „Кушать хочется“, — услышала я в ответ».

Сама Гюли Федоровна обратилась к Богу тоже в тюрьме, когда умирала от болезни. Нужно было идти на работу, строить плотину по пояс в холодной воде. Подруги буквально тащили ее на себе на работу, так как в бараке таких расстреливали, боясь симуляций, чтобы избежать побегов. «А я, — говорит, — смотрю на эту плотину и думаю: вот и пришел мой последний день. Как только войду я в эту ледяную воду, так мне сразу и придет конец. Бросила я прощальный взгляд на небо, и вдруг из самой глубины сердца как закричит моя душа: „Господи, если Ты есть, сделай, чтоб провало эту плотину!“ И тут хлынула на глазах у всех вода! Плотину смело в считанные секунды, и всех вернули в барак. Благодаря этому осталась я жива, и с тех пор твердо знаю, что Бог есть».

Какая таинственная сила побуждает человека жить в мире, переполненном злом и страданиями? «Мир, как он есть, он весь тюрьма, весь больница и даже дом душевнобольных, весь кладбище гниющего человечества, где бессмертна лишь смерть» (В. Ф. Марцинковский). Эта великая и непостижимая человеческая жажда жизни, несомненно, является даром Божиим. И часто жизнь наша проходит через тернии и испытания. Человек бывает даже на краю гибели и чудом остается жив. Каждый из нас хотя бы однажды это переживал. Но, к сожалению, человек имеет короткую память на добро. Еще вначале он рассказывает всем, что это только Бог ему помог, бежит в церковь, ставит свечи, а потом

вспоминает об этом, как о счастливой случайности. Как говорят в народе: «Как тревога — так и до Бога, а прошла тревога — не нужно и Бога».

Я встречала таких людей, которые и тонули, и взрывались, и что они только ни пережили — диву даешься, как можно остаться живым! Действительно, только благодаря чуду Божьему. Яркий пример тому — мой племянник Саид, десятилетний сын моего брата-двойняшки, пастора в Узбекистане. Его ударило током напряжением в десять тысяч вольт в электрической будке на территории школы. Мальчишки играли, будка была открыта, Саид в нее залез, а дети его закрыли. От страха он схватился за провода. Произошел мощный взрыв. Мальчика, всего черного, увезли в реанимацию. Впоследствии дежурный врач вспоминал, что тогда он хотел только одного: чтобы этот ребенок не умер до утра, чтобы «сдать дежурство без смерти». Но этот мальчик, благодаря Господу, жив до сих пор, хотя и пережил несколько реанимаций и операций. Это было ярким свидетельством силы Божией для многих людей, особенно в больнице. Вначале ему хотели отнять руку, потом решили отнять только кисть, потом палец, но в итоге вся рука с пальцами на месте, хотя кисть немного искривлена. Но он все ею делает и даже на турнике занимается. Благодаря этому случаю многие тогда в больнице услышали о Господе, получили Слово Божие, и я верю, что для некоторых из них началась новая жизнь.

Я не знаю, что было бы, если бы туда попал другой ребенок, остался бы он жив или нет. Ведь будка была открыта, и чей-то ребенок рано или поздно там оказался бы. Не случайно жребий этот выпал сыну верующих родителей, и он выжил, потому что церковь молилась о нем, не вставая с колен день и ночь. Выжил он и во

свидетельство силы Божией, которая являет себя верующим, когда они в молитвах обращаются к Богу.

*Мой Бог — Бог страждущих,
Бог, обогранный кровью,
Бог — Человек и брат с небесною душой, —
И пред страданием и чистою любовью
Склоняюсь я с моей горячею мольбой!..
(С. Я. Надсон, „Богу-Человеку“)*

Подобный случай произошел с сыном другого пастора — из Краснодара, Семена Бородина, отца семерых детей. Его семилетнего мальчика переехал автобус, заполненный людьми. И, слава Богу, ребенок тоже остался жив. Когда ходит, то немного переваливается с боку на бок, как уточка, но бегают и плавают — молитвы совершают чудо! Служители Божии — это особый народ, и переживания у них особые. В Библии есть утешение для всех верующих: «Любящим Бога все содействует ко благу». Страдание имеет смысл, если ты сам становишься другим.

Один из моих братьев только через страдания познал Христа, а вначале был самым большим моим противником и даже жаловался на меня отцу, что я позорю весь наш род, проповедуя Христа. Отец, задумавшись, после длинной паузы, сказал: «У нас один Бог». Моему отцу, глубоко верующему мусульманину, это зачтется, потому что Христос сказал: «Кто не против вас, тот за вас».

Но после того, как этот мой брат заболел диабетом в тяжелой форме и перенес операцию, он многое передумал и отдал свое сердце Иисусу. Почти умирал, а теперь ходит. Болезнь может быть благом, если ей не сопротивляться, не роптать, но смиренно принять ее,

обращаясь к Богу. «О! Как нужны нам недуги! Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске... и что не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, я буду осужден, как последний из преступников... Слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь» (Н. В. Гоголь).

Неслучайно говорят, что сплошные солнечные дни создают пустыню. Скорби, болезни — это особое посещение нас Господом. Через них Бог хочет сделать нас лучше, чем мы есть, но особенно Он хочет научить нас сочувствию и состраданию. Ведь тот, кто сам прошел через темные полосы жизни, лучше понимает переживания других.

Во время проповеди на Арбате подошел ко мне человек и рассказал поучительную историю из собственной жизни. Был он директором школы в сибирском селе. Сельские бабы носили воду из далекого колодца, который к тому же еще находился под горкой. Особенно тяжело было зимой, когда они с коромыслами часто падали на ледяной горке и катились вниз, разбиваясь иногда до крови. Потому воду экономили, и самым большим наказанием для жены было, когда пьяный муж просто выливал воду на улицу. Но поскольку русского мужика трудно представить себе трезвым, то жизнь этих баб была настоящей каторгой. В соседнем районе в это время бурили нефтяную скважину, и сделал этот директор «липовые» бумаги, якобы он сотрудник райисполкома и что есть указание «свыше» пробурить колодец в этом злополучном селе. Рабочие поверили и пробурили. Радости женщин не было конца! Они очень благодарили своего директора и полюбили его.

Прошло время, он вышел на пенсию и уехал с женой в город. Жена к тому времени выучилась на экстрасенса и стала активно людей «лечить», а на вырученные деньги дом строить. Стал муж ей говорить: «Если ты утверждаешь, что этот дар от Бога, то зачем же ты за него деньги берешь? Это грех». Хотя он никогда не читал Библию, но внутренне чувствовал, что если даром получил, то даром должен и отдавать. Надоел он ей этими разговорами, она его и выгнала. Пошел жить к брату-алкоголику, а тот через месяц сказал, что он у него что-то украл, и тоже выгнал. «Стою я, — говорит он, — на улице и думаю: куда же теперь идти? Больше родных нет. Знаете ли вы, что это такое, когда человеку идти некуда?! И вдруг меня осенило, что идти нужно только туда, где ты делал добро: там тебя помнят и ждут. А где причинил зло и навредил, там тебя ждут так же, как собака — палку».

И поехал он к этим бабам. А они его не забыли, обрадовались, дали уголок. Так и живет у них.

*Для всех на планете
живущих существ
Я верю в закон сохранения
веществ:
Ничто не проходит бесследно...
И, значит, добро —
это то вещество —
Уж если ты ближнему
отдал его —
К тебе возвратится
ответно.*

(Н. К. Доризо)

В добре — великая сила. Мне рассказывала Гюли Федоровна, что, когда ее забирали в тюрьму, она успела взять из дому только кусочек душистого мыла, в память о матери, но не пользовалась им, берегла. И лишь иногда, тайком, когда никто ее не видел, доставала, чтобы понюхать и вспомнить о доме.

Была у них в тюрьме грозная Машка, из «блатных», не раз уже сидевшая за убийство. И кричит эта Машка: «Бабы, у кого мыло есть? Дайте — девку грязную, всю в болячках, привезли, помыть надо!» Кто же в таких звериных условиях выживания даст свой драгоценный кусочек мыла? Тишина — все молчат. Достала Гюли бесценное мамино мыло и отдала. А Машка и говорит ей: «Ладно, девка, я тебе это не забуду». Прошло время, и сильно заболела Гюли Федоровна. Лекарств нет никаких вообще, решили натереть ее спиртом, но и спирта нет. И когда Машка узнала, что заболела та самая, которая дала мыло, перевернула всю тюрьму вверх дном и даже послала в соседнюю мужскую зону за спиртом. Спирт достали, Гюли натерли, и она поднялась.

Вот так возвращается добро. И зло, между прочим, тоже «имеет ноги». Там, в тюрьме, у них была очень жестокая надзирательница: недодавала хлеб заключенным, а пожаловаться на нее все боялись. Но Гюли сказала начальнику, что хлеб воруют и заключенные голодают. Однажды, когда они месили в яме жидкую глину, надзирательница в отместку подстроила так, чтобы Гюли осталась в яме одна, и в этой яме она стала топить Гюли. Случайно кто-то увидел это, и Гюли чудом была спасена. А через два дня у этой надзирательницы тяжело заболел ребенок и уже умирал. Срочно нужна была кровь, причем редкой группы, такой, как у Гюли. Надзирательница бегала в исступлении, умоляя всех

сдать кровь. Но заключенные злорадствовали, видя в ее беде Божие возмездие, и, конечно же, кровь никто не давал. А к Гюли после того случая она и подойти не решалась. Но Гюли пошла сама и сдала для ребенка кровь, и, когда вышла из медицинского кабинета, надзирательница рухнула ей в ноги и стала целовать их. Заключенные потом укоряли Гюли: «Зачем ты ей это сделала? Ну и пусть бы сдох ее ребенок, она ведь тебя убить хотела». «А при чем тут ребенок? — отвечала Гюли. — Ребенок ведь не виноват, что у него такая мать».

Жизнь все ставит на свои места. Живет теперь Гюли и радуется, что спасла ребенка. «Что самое лучшее в прошедшем и давно прошедшем? Свой хороший или мало-мальски порядочный поступок.... Вот это в старости ложится светлой-светлой полосой, и с таким утешением смотрят на эти полосы, увы, немногие... Только в старости узнаешь, что „надо было хорошо жить“. В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный „светлый гость“ в „комнату“ (в душу)» (В. В. Розанов).

...Однажды на вокзале были ребята из Чечни, их отпустили на полтора месяца домой. Какие у них тяжелые лица! Уставшие, неразговорчивые, но Евангелие брали все. Только один отказался и на мой удивленный вопрос сказал: «Мое Евангелие — автомат, он меня и защитит». Эти слова меня ужаснули, и я просила его: «Сыночек, не говори так, не говори „гоп“, пока не перепрыгнешь. Тебе служить еще год, и скоро ты опять поедешь в Чечню. Может, мы никогда больше не увидимся, но вспомни в трудную минуту слова, которые ты слышал здесь, и зови Бога на помощь». Я верю, что молитва любого человека,

пусть даже сомневающегося и колеблющегося, вырывающаяся из глубин его души, будет услышана.

С такими ребятами надо ласково, они озлоблены из-за этой войны. Конечно, они задаются вопросом: «А за что, собственно говоря, я должен умирать? Вот если бы ради чего-то настоящего и высшего, а если это только чьи-то „делишки“, то почему я должен отдавать единственную жизнь?» Но любая война — это всегда чьи-то „делишки“, и ей не будет оправдания никогда. Всю суть войны можно передать в коротком диалоге двух солдат: «Друг, за что ты меня убиваешь?» — «Как за что? Да ведь ты живешь на том берегу реки! Живи ты на этом берегу, я и впрямь совершил бы злодейство, если бы тебя убил. Но ты живешь по ту сторону, значит, ты враг, и я совершил подвиг!» Так без всякой причины люди становятся врагами. Но не убивать друг друга мы пришли в этот мир, а созерцать Бога, любить его и любить человека, созданного по образу и подобию Божию. «У быка есть рога, у зайца — скорость, у серны — легкий скок и зоркий глаз, у другого какого-нибудь животного — огромный рост и хобот, у птиц — крылья, у пчелы — жало. Каждому природа дала что-нибудь для спасения... Один лишь человек является на свет голым, беззащитным, безоружным и бедным...» — размышляет Григорий Нисский в трактате под названием «Почему человек лишен оружия и покровов?» Мы сотворены так, потому что человек — самое удивительное и самое загадочное существо на земле. Он вмещает в себя все мироздание. Тело его имеет такое же строение, как у животных, и состоит из тех же частиц, что и вся природа. Но душа его больше, чем целый мир: она произошла от Бога, а потому разумна и бессмертна. Душа человека по своей природе устремлена в вечность, она не может удовлетвориться тем, чем довольствуется

тело, но стремится к большему. Это стремление к истине, красоте, добру. Стремление удалять границы и «из обоих делать одно».

На моей родине теперь полно границ, одна из них недалеко от нашего села – граница с Казахстаном. Да и наше село за мою бытность несколько раз отдавали то Узбекистану, то Казахстану. Границу закрывают в восемь вечера. Едет однажды мой брат-пастор с женой из Казахстана в Узбекистан на богослужение. Подъехали они к границе к половине восьмого, а она уже закрыта, впереди пять машин выстроились, никого не пропускают. Пошла жена брата разузнать обстановку у постовых на границе. А они ей бесцеремонно заявили: «Нам так нравится, вот и закрыли! И вообще, кто ты такая, чтобы мы перед тобой отчитывались?» «Эх, если бы вы знали, Кто мой Отец, вы бы так со мной не разговаривали», – грустно ответила она им, уходя. «Как твоя фамилия?» – поинтересовался постовой. Вначале она даже растерялась от неожиданного вопроса, но, спохватившись, назвала свою девичью фамилию: Руденко. Тогда один пограничник взволнованно говорит другому: «Да это же бывший прокурор области, быстрее открывайте границу!» Самое интересное, что она совершенно не знала этого, и совпадение фамилий может показаться со стороны смешной и чистой случайностью. Но у верующих нет случайностей. Ехали они в машине, благодарили Бога, что успели на служение, и молились за пограничников, получивших Евангелие. Ни одно обстоятельство в жизни не бывает случайным: Бог посылает нам Свои знаки и учит вдумчивому общению с людьми. Кто знает, какой отклик находят наши слова в сердцах тех, с кем мы общаемся? Как сказал один поэт: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Однажды я летела в Ташкент, и в аэропорту, в зоне паспортного контроля, пока паспортистка проверяла мой паспорт, я сказала ей несколько слов о Христе. Она подняла на меня удивленные, полные слез глаза и стала задавать вопросы о Боге. Выстроилась большая очередь, и я уже хочу сама закончить беседу, так как неудобно перед людьми, но она не отпускает. Прибежала дежурная, но, послушав, о чем мы говорим, ничего не сказала и ушла. Господи, какие есть на свете жаждущие души, и часто они рядом, и надо им совсем немного — несколько слов о любви Христовой! Это не просто слова — в них жизнь.

Я часто видела на вокзале, как во время проповеди менялась обстановка в зале: в такие минуты буквально физически чувствуешь перемены в духовной атмосфере. Я совершенно уверена, что это происходит от живого Божьего Слова, которое касается людских сердец, отрывая их от мыслей уныния, суеты и ненависти. И новые мысли, уже освещенные Божиим светом, создают эту удивительную духовную атмосферу. Это чувствуем не только я и те, кто рядом со мной, но и люди в зале, которые часто благодарят и просят: «Расскажите нам еще что-нибудь». Но очень важно самому проповеднику находиться в состоянии любви и тишины. Это удивительно сильно передается людям. Часто от радости и в знак благодарности люди орешки несут или конфеты и даже последние копеечки предлагают. Подошел ко мне недавно один бомж, отсидел он десять лет в тюрьме, и его так тронула проповедь, что он не знал, как выразить свои чувства, и говорит мне: «А можно, я Вас поцелую?» «Можно», — говорю, — и он чмокнул меня в щеку.

В другой раз подошел к нам мужчина и говорит: «Я узнаю Вас, в прошлом году Вы проповедовали здесь и

подарили мне Евангелие. Если бы Вы только знали, что это для нас значило! Ведь тогда у нас убили сына, зарыли в казахских песках. И сидели мы на этом вокзале, одинокие и потерянные, и только выла душа от тоски, так не хотелось жить. Но кому есть до этого дело? И вдруг слышим, что нет смерти, смерть побеждена Христом, Который совершил эту победу на Голгофе. Наш Спаситель сказал: „Всякий, верующий в Меня, имеет жизнь вечную, всякий, верующий в Меня, если и умрет, то оживет“. Эти слова так успокоили нас, мы буквально воскресли душой, и теперь мы всегда читаем Евангелие. Оно — единственно верное наше утешение».

*Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.*

*Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.
(Ф. И. Тютчев)*

Бывало так, что незнакомый человек останавливал меня на улице или в метро и говорил: «Я в прошлый раз был в Москве и специально ходил на Арбат, и долго Вас там искал, хотел проповедь послушать». Люди не забывают истинное, они ищут Слово. Однажды нас искал молодой человек. Оказалось, что он несколько месяцев назад, будучи сатанистом, вместе с группой сатанистов приходил на Арбат, где они в ярости и лихорадке мешали проповедовать: разбивали бутылки с

шампанским, выкрикивали что-то про Ницше, и один из них, с редкими, гнилыми зубами, прошептал мне в ухо: «Мы тебя убьем». Но мы продолжали говорить, хотя это было невероятно трудно.

И вот спустя полгода бывший сатанист Алеша нашел нас и говорит: «Я тогда поразился, почему Вы нас не испугались, ведь нас было много, и мы Вам угрожали? Я стоял тогда и думал: „Что это за вера у них, если они нас не боятся?“ Потом взял у Вас адрес церкви, который вы всем предлагали, пошел туда и покаялся в моих грехах. Вот теперь в церковь хожу, а Вас искал, чтобы поблагодарить». Такие свидетельства, конечно, очень ободряют и придают силы.

Эти сатанисты ко мне даже гонца присылали — «посла» своего, который долго и убедительно уговаривал меня перейти к ним и возглавить их организацию! И все предлагал мне славу: «У нас мощная структура, Вы будете в таком авторитете, что одно Ваше слово будет стоять все». На примере этого случая я хочу предостеречь других и показать, как завлекают души людей в недобрые организации. Я не знаю, удалось ли мне тогда переубедить этого молодого человека, чтобы он скорее оттуда убежал. Но подбирать «послов» они умеют: это был красивый молодой человек, очень хорошо одетый, с приятной мягкой речью и доброжелательным лицом. Мне даже не верилось, что он сатанист. Так попадает туда наша молодежь. Их лукаво заманивают вот через такие речи.

Надо сказать, что проповеди Евангелия всячески мешают темные силы. Однажды во время проповеди подошли двое мужчин. И один из них, метра два ростом, в черной рубашке, демонстративно вышел вперед толпы, вытянул руку и громко, чтобы все слышали,

объявил своему другу, показывая на часы: «Включаю секундомер, ровно через две минуты она замолчит!» Вся толпа переключилась на его часы, и никто уже меня не слушает, а все ждут, что будет, ведь он так твердо и уверенно провозгласил. Те две минуты мне показались вечностью. Я стала наизусть цитировать Священное Писание, стих за стихом, и это меня спасло. Но вот прошли и две минуты, и пять, и больше. Какой же он уходил из толпы маленький и опозоренный! Точно как в басне Крылова: „Наделала синица славы, а море не зажгла“.

Конечно, во всех этих случаях Бог помогал. Бесстрашие – это от Него, но, кроме того, Бог действует и через людей. Большую поддержку мне тогда оказала семнадцатилетняя девушка Лена Преображенская, которая стояла в сторонке и молилась. Я познакомилась с ней на Арбате во время проповеди. Тихая, необщительная, но очень верная в служении благовестия. Впоследствии она тоже проповедовала на улице, да так, что ее отец, профессор, не мог в это поверить, зная особую замкнутость своей дочери. Он тайно приходил на Арбат, прятался в толпе, и, как он потом признался, раскрыв рот, слушал свою дочь. Удивительные способности дает Бог человеку – совершать то, что ему было раньше несвойственно. Так, в нашей церкви самая активная сестра – Марина. Она вела молитвенное служение и постоянно работала с людьми (сейчас она вышла замуж за проповедника из другой церкви и трудится вместе с ним). Марина была образованным человеком, училась в юридическом институте. До своего обращения к Богу она так боялась людей, что даже не решалась позвонить в библиотеку, чтобы узнать часы работы. Вместо этого она ехала два часа в один конец, чтобы

посмотреть расписание работы на дверях библиотеки. Бог совершенно изменил ее!

Одному проповедовать тяжело и немножко страшно-вато, помощник в этот момент — такое богатство и такая радость! А главное — это сильная молитвенная поддержка. Не случайно Христос посылал на проповедь по двое. Так мы долго ходили вдвоем с Леной, а потом к нам примкнула еще одна молодая девушка — Оля Соболева. Так сложилась у нас маленькая группа благовестников. Удивительно, что это были совсем не церковные люди, они просто горели желанием возвещать о Христе.

А в другие церкви я тоже ходила и приглашала людей на Арбат благовествовать. Пошла к адвентистам: смотрю, они Библию очень любят, все время с ручками, тетрадами, все записывают. Мне это очень понравилось. Я решила, что они точно пойдут проповедовать, потому что грамотные и все знают, а на Арбате как раз такие нужны: там ведь народ образованный, Москва все-таки. Послала записочку на кафедру: «Почему мы только друг другу про Христа рассказываем? Мы ведь уже верующие! Пойдемте на Арбат, там кришнаиты Кришну славят с бубнами, песнями и нарядами, а Иисус Христос наш — такой одинокий, Его на Арбате никто не славят, и никто о Нем не говорит». Страшный комментарий я услышала с кафедры на свою записку: «Мы ходим проповедовать в институты, а что касается Арбата, то Христос сказал: „Не мечите бисер перед свиньями“».

Тогда я пошла к пятидесятникам, а там мне пророк пророчество над головой произносит: «Молодицу пошлю и старицу пошлю, а тебя не посылал». Потом этот пророк, Вася из Саранска, спрашивает меня: «А тебя Господь посылал на Арбат?» «Посылал, — говорю, — ведь Христос

сказал: „Вот Я посылаю вас... идите и проповедуйте Евангелие...“». Вася говорит: «Одна не ходи на Арбат, опасно». А я отвечаю: «Так никто не идет». И он мне предложил: «Вот я буду раз в месяц приезжать, вместе и пойдем». Так ни разу и не сходили.

Пришла к баптистам. У них разбор Евангелия Иван Семенович Гнида вел, и я спрашиваю: «Что вы все разбираете? Ведь Пасха на дворе, народ на Арбате гуляет, пойдемте, споем им „Христос воскрес!“ и расскажем о Нем». Молодежь поднялась, благословил нас Иван Семенович, правда, несколько раз предупредил: «Только недолго, и будьте очень осторожны». Я тогда так этим страхам удивлялась и думала: «Интересно, бывают ли эти люди вообще на улице? Как будто они живут на другой планете!» Потом я узнала о причине их страха и о том, как много пережили верующие в нашей стране. Страх этот проник очень глубоко, и с этим нельзя не считаться.

Сходили мы тогда вместе с ними раз или два на Арбат, а потом они мне сказали: «Не обижайся, сестра, это твое служение, ты и ходи». Я не обиделась, тем более, что именно среди баптистов мне потом многие оказывали моральную поддержку, что для меня было очень важно. С благодарностью вспоминаю председателя Союза евангельских христиан-баптистов Василия Логвиненко, его заместителя Александра Фирисюка. Но особую благодарность хочу выразить Алексею Бычкову и Виталию Куликову, которые своим добрым ко мне отношением укрепляли и поддерживали меня, может быть, даже и не зная об этом. Ну и, конечно, моя искренняя благодарность миссии «Свет на Востоке», с которой я сотрудничаю уже около десяти лет.

Я уверена, что христиане всех конфессий проповедуют Христа, так как Церковь Божия растет по всему миру, хотя мы и бываем между собой непримиримыми, что мешает благовестию. Может быть, уместно будет вспомнить анекдот о том, как верующий попал на необитаемый остров. Построил дом, насадил огород, построил одну церковь, а потом другую – такую же. Через двадцать лет к острову причалил корабль. Капитан осмотрел хозяйство верующего «Робинзона» и спросил: «А зачем тебе две церкви?» «В эту церковь я хожу, а вон в ту не хожу», – ответил «Робинзон». К сожалению, так бывает и в нашей христианской жизни.

Слушала я однажды в православном храме проповедь священника Георгия Чистякова о Рождестве Христовом. Прочитав вторую главу из Евангелия от Луки, он сказал: «В этом небольшом отрывке пять раз упоминается выражение: „Младенец на руках Марии“». Как жаль наших братьев-протестантов, что у них Младенец остался без Марии. Но нас с вами, православных, мне еще больше жаль, потому что у нас Мария осталась без Младенца». А на вопрос прихожанки: «Почему у протестантов нет литургии?» – он ответил: «Потому что у протестантов вся жизнь – литургия!» Это смело для православного священника, но именно так нас учит относиться друг к другу Христос: «Почитайте один другого высшим себя». Многим людям было бы гораздо проще обратиться ко Христу, если бы между нами, христианами, не было раздоров и распрей. От этих разногласий нам поможет избавиться проповедь о Христе, которая одна для всех конфессий: Христос умер за грехи наши, погребен был и воскрес в третий день. Назначение церквей – донести эту весть во все уголки земли.

К сожалению, надо заметить, что проблема благовестия в церквях существует. И странную тенденцию я замечаю у верующих: чем больше наш опыт как верующих, тем глубже мы погружаемся в себя, но почему-то дальше отстоим от благовестия. Когда мы обращаемся к Богу, мы так горим и так любим Христа, что хочется всему миру рассказать о Нем. И кажется, что никогда не пройдет это радостное, захватывающее дух желание возвещать о Том, Кто «прекраснее сынов человеческих». И мы вместе с царем Давидом восклицаем: «Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле».

Но проходит время, и незаметно ослабевает эта первая любовь. Я замечаю по собственной жизни, что проповедую меньше, чем в первые дни после обращения к Богу. Мы часто ссылаемся на загруженность жизни, а апостол Павел говорит: «Горе мне, если не благовествую!» Время очень коротко, меняется мир, меняются люди, меняется восприимчивость к Евангелию. Если раньше было достаточно только поднять Библию — и люди сразу останавливались и окружали тебя, засыпая вопросами, то теперь это отчасти возможно только на вокзале, где много приезжих из российской глубинки, в которых есть еще эта духовная жажда.

Однажды мне говорят после проповеди на вокзале: «Там Вас мужчина просит подойти». Подошла, а он достал из портфеля мундир полковника, потом пистолет. «Ну, — думаю, — наверное, пристрелит он меня сейчас, люди-то нынче разные, кто знает, что у него в голове». А он мне говорит: «Я жить не хочу» — и разрыдался громко. Сидела я рядом с ним и думала: «Вот сильный мужчина, имеющий власть и оружие, и что перед ним я, слабая и маленькая женщина? А он плачет, не стесняясь окружающих». И я знаю, почему он плачет: его

сердце устало жить без любви и правды, задыхаясь, как в замураванной комнате, и слова о любви и прощении для него, как глоток свежего воздуха.

А как-то подошел к нам крепкий здоровяк лет пятидесяти — моряк из Мурманска, и говорит: «Я только что услышал от Вас, что Христос может дать покой. Вот попробуйте успокойте меня! Ну, успокойте меня! Никто не успокоит, и Христос Ваш не успокоит!» Глаза у него беспокойно бегали, руки тряслись, я подумала, что он пьяный, но от него не пахло спиртным, и на ногах он стоял твердо. Он настоятельно попросил меня сесть рядом с ним и поговорить. Оказалось, что он только что простился со своим родным братом, да так, что, по его словам, они больше никогда не увидятся, т. е. поссорились и расстались врагами. «Никто не сможет успокоить меня!» — твердил он возбужденно одно и то же. Я не стала его переубеждать, а предложила помолиться и повторить за мной слова о покаянии, прощении и милости Божией. Он повторил эти слова, как мне показалось по его голосу, машинально, но когда я после молитвы открыла глаза, то не узнала его: передо мной сидел совсем другой человек. А ведь прошло всего две минуты! Забыл он о своей обиде и перешел на библейские вопросы. Особенно интересовал его первородный грех. Грех, думал он, состоит в том, что люди рожают друг друга, так как слово «первородный» означает «впервые родился на свет». Но когда узнал, что грех — это непослушание воле Божией, а слово «первородный» означает, что первый грех, который родился на свет, — это неповиновение Богу, то он, как ребенок, пришел в восторг. Прощаясь, моряк радостно тряс мою руку: «Я думал, что я сегодня инфаркт получу, а ведь и правда, успокоился, все прошло, смотрите, и руки не трясутся». Когда мы уходили с вокзала домой, к нам

подошли два верующих американца, поблагодарили за служение и сказали: «Нам стыдно теперь жить. Ведь можно возвещать о Христе. Можно. Люди готовы слушать, но мы молчим».

Надо заметить, что на вокзале люди отличаются от столичных: они гораздо сердечнее и искреннее. Верующие в провинциальных городах тоже другие. Однажды я с двумя своими братьями поехала в Самарканд, и наш отец дал наказ старшему брату Роману обязательно зайти в мечеть, потому что Самарканд особенно славится мечетями. Роман очень радовался, собираясь в мечеть, но радость его была недолгой — его туда не пустили. В мечети ему перво-наперво задали вопрос: «Помылся ли ты?» Он ответил: «Нет, я с дороги, впервые здесь и никого не знаю». Но ему все равно не разрешили войти.

В Самарканде у нас неожиданно кончился бензин, а достать его в то время нельзя было ни за какие деньги. У меня был адрес христианской евангельской церкви. Правда, я никого там не знала, но предложила своим братьям: «Поедем туда; если там не помогут, то больше не помогут нигде». Когда мы туда приехали, нас встретили, как гостей с Луны: сразу положили отдыхать в отдельную комнату, позвали женщину, которая нам приготовила обед, а после предложили побыть на богослужении. Это еще не все: нам залили полный бак бензина, не взяв ни копейки, а потом нас сопровождала машина, чтобы вывести из города на трассу. Роман всю дорогу молчал, он не мог понять, что это было. Ему все казалось, что нас с кем-то перепутали. А когда мы приехали домой, отец сразу же спросил: «Были ли вы в мечети?» «Были, — ответил брат, — но нас туда не пустили, потому что мы не помылись». «Правильно, — сказал отец. — В мечеть нельзя

входить, не омывшись». «Да, — сказал Роман, — но потом у нас кончился бензин, и мы поехали в христианскую церковь, и там у меня никто не спросил, помылся ли я, и мне даже не сказали, что я чужой им по вере. Нас там положили отдыхать, накормили, бензин дали и дорогу домой показали». Отец, выслушав молча, опустил голову и ничего не сказал.

На периферии люди другие, и на вокзале это заметно по их живому интересу к Библии. Ну, а столичных людей, например, на Арбате, заинтересовать Словом Божиим уже не просто. Они «все знают». Но и там встречаются души, которые как будто бы ждут тебя, готовы слушать долго и внимательно. Хотя есть и такие, которые выбрасывают наши брошюры. Но даже это Бог иногда использует во благо. Однажды к нам в церковь пришли верующие, у которых накануне, в субботу, сломалась машина. Они оказались у нас проездом, из другого города, никого не знали в Москве, и больше всего их расстраивало, что в день Господен, в воскресенье, они не смогут быть вместе с народом Божиим на богослужении. И вот идут они по Арбату, а под ногами брошюра валяется: «Я должен сказать тебе это». Радости их не было конца: на брошюре был адрес нашей церкви. Потом один из них прочитал у нас проповедь на тему: драгоценное лежит под ногами, а люди в отчаянии ищут его далеко. Как верно сказано в Библии: „Если извлечешь драгоценное из ничтожного...“ Даже в Кишиневе мне встретился молодой человек и рассказал, как в Москве у метро он подобрал такую брошюру, а потом пришел к нам в церковь. Как же он был благодарен, что мы ему тогда помогли, у него не было денег даже на трамвай. Прошло восемь лет, и мы встретились совершенно случайно уже в другом городе,

он протянул мне конвертик с деньгами и сказал: «Передайте вашей церкви и скажите, что я теперь верующий, посещаю церковь и вас не забыл».

Один мужчина с Арбата рассказывал в нашей церкви, как такую брошюру дал он своему знакомому, алкоголику. А тот ему через некоторое время говорит: «Ты знаешь, точно Бог есть. Я тут собрался повеситься. Надоела мне жизнь: семья развалилась, с работы выгнали, друзей нет, никому я не нужен, хватит уже мучиться. Взял с собой веревку, бутылку водки, яблоко на закуску и пошел в лес. Совершенно трезвый пошел, решил вначале дерево найти, а потом уж выпить под ним в последний раз. Два часа по лесу ходил, дерево не мог найти, на котором повеситься можно было бы. Все ветви на деревьях вверх торчат, а в сторону — ни одной. Вначале даже злился, а потом в себя пришел и страшно стало: как это возможно, что в лесу да не найти сук, чтобы повеситься? Вспомнил я про твою брошюру и понял, что это Бог закрыл мне глаза, чтоб я дерево не нашел. Разбил я злополучную бутылку и побежал домой. Вот теперь не пью».

А другой мужчина был вором, сидел на вокзале в ожидании поезда, в котором собирался ограбить человека. Их было несколько в банде. И они «пасли» человека с деньгами из другого города, «сдавая» друг другу, чтобы не вызвать у него подозрения. В вагоне поезда вор, который слушал нас на вокзале, незаметно подсыпал в напиток этому мужчине клофелин, и тот заснул. Но когда вор схватился за портфель с деньгами, то услышал ясный голос: «Не трогай, погибнешь!» Оглянулся — никого нет, опять взял портфель в руки, и опять тот же голос: «Погибнешь!» В ужасе бросил он портфель и на стоянке выпрыгнул из поезда.

Потом пришел к нам и рассказал эту историю. «Точно, — говорит, — знаю, что это потому случилось, что я Вашу проповедь тогда слушал на вокзале. Теперь от своих дружков скрываюсь, ведь они не поверят, что я тот портфель не взял себе. Но все равно воровать больше не пойду, теперь я устроился работать на стройку в Подмоскowie».

*Подъемлют спор за человека
Два духа мощные:
Один — Эдемской двери властелин
И вечный страж ее от века;
Другой во всем — величье зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.*

*Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господен ангел тих и ясен,
Его живит смиренья луч.
Но гордый демон так прекрасен
Так лучезарен и могуч!
(А. Н. Майков, «Ангел и демон»)*

Так мы проповедовали, и от этих проповедей родилась наша церковь «Благовестие». Я вначале никак не предполагала, что это будет настолько серьезно — церковь. Все началось с вопроса, который задал мне сотрудник миссии «Свет на Востоке» Владимир Цорн: «Вот ты проповедуешь, а где твои духовные дети?» Я ответила,

что посылаю их в разные церкви. Мне на Арбате верующие адреса своих церквей давали. А он говорит на это: «Знаешь, ты похожа на кукушку, которая кладет свои яйца в чужие гнезда, а ведь с людьми надо работать, им внимание необходимо». И он предложил мне две маленькие комнатки в Библейском обществе, где мы стали собираться два раза в неделю. Хорошо помню первое собрание, на которое пришли два человека. Я посадила их на диванчик и говорю: «Подождите пять минут, я сейчас приду», а сама побежала на улицу, потому что мне показалось, что два человека — это очень мало для воскресного собрания, надо еще кого-нибудь позвать. Улица Пятницкая вообще малолюдная, тем более в воскресный день. Но вот издалека появились две фигуры. Я не помню, что я им говорила, когда они приблизились, но, видимо, у меня был такой вид и столько желаний, чтобы они к нам зашли, что они никак не смогли мне отказать, хотя и ссылались на нехватку времени. Это были две молодые девушки. Позже одна из них, Кристина, стала членом церкви и привела в общину своих родителей.

И вот моя первая проповедь: «Идите и научите все народы». Посмотрела я на сидящих напротив меня четырех человек и говорю: «А вы сюда зачем пришли? Вот Иисус сказал: „Идите и научите“, а вы тут сидите и ничего не делаете, а в это время страна погибает от пьянства и наркомании!» И вот так около двух часов. До сих пор удивляюсь, что они не только не убежали с того собрания, но на следующее воскресенье двое из них привели еще по одному человеку. Так начала образовываться наша община.

Я совершенно не знала, как вести богослужение, и, если вспоминать мои первые шаги в этой области, то

это смех и слезы. Я брала детский христианский журнал «Тропинка» и по нему вместе с прихожанами иногда решала ребусы или читала детские рассказы. Знала я один-единственный гимн, который мы пели по четыре-пять раз во время служения, и никому не было скучно, все сидели с горящими глазами и пели каждый раз этот гимн так, как будто в первый раз.

Потом у меня появились помощники. Однажды в метро рядом со мной сидела женщина средних лет и читала статью под названием «Беженцы». Я спросила у нее: «А как эта статья раскрывает проблему беженцев?» Я не помню, что она мне ответила, но было ясно, что у мира нет ответов на эти вопросы, потому что мир борется только со следствиями, а причина проблемы остается незамеченной. Это как в известном анекдоте о курах, когда прибегают мужик к другу и говорит: «У меня курыдохнут, не знаешь, что делать?» «А чем ты их кормишь?» — спрашивает друг. «Просом», — отвечает мужик. «А ты его подсоли», — советует друг. Через неделю опять прибегают мужик к другу и говорит: «Все равнодохнут». «А чем ты их поишь?» — спрашивает друг. «Ну как чем? Водой», — отвечает тот. «А ты ее подсласти», — опять услышал он совет. А еще через пару дней приходит мужик к другу и грустно говорит: «Все курысдохли». «Как жаль», — ответил друг. — У меня еще так много советов осталось». «Вот этот мир с его советами, — сказала я той женщине в метро. — Проблема глубже, она в том, что люди живут без Бога. Это как цунами — огромные волны, которые заливают берега на 10 км, принося беды и разрушения. Но причина образования этих волн — в глубине океана. Там начинаются волнения и происходят страшные взрывы». Мы познакомились с этой женщиной, я пригласила ее к себе домой, и мы говорили о Боге до глубокой ночи. Она

потом рассказывала, что после этой встречи, когда она вышла на улицу, волна счастья захлестнула ее, и она поняла, что с ней произошло что-то очень значимое. Звали ее Тамара, она работала учительницей по информатике, а в нашей церкви стала трудиться в числе первых помощников. Она проводила занятия по Библии, при этом сама впервые в жизни читая ее.

Потом к нам пришли Виктор Антипов, Клава, Галя, Лия, Катя и Люся Янбулатова, муж которой, Дмитрий, стал дьяконом церкви. Когда он служил в армии, Люся с мольбою писала ему, чтобы он читал Евангелие. Евангелие он иногда небрежно листал, и понятно, что к вере его это не приближало. Когда он вернулся, Люся училась в Москве, и они вынуждены были снимать квартиру. Хозяин квартиры однажды обманул их: взял деньги вперед за месяц, а потом сказал, что он ничего с них не брал. Помню, как плакала Люся, и церковь тогда помогла им, выделив нужную сумму. И тогда Диме по-новому открылось Евангелие, он покаялся и стал служить Господу. Сейчас он – старший дьякон в церкви и миссионер, часто ездит на Север, в исправительные лагеря. Другие два дьякона тоже пришли с Арбата. 22-летний Юрий, рабочий, который пьяным стоял на Арбате и мешал нам проповедовать, пришел в церковь, по его словам, только для того, чтобы продолжить скандал. Но увидел Леночку, пианистку, влюбился в нее, а через это полюбил и Господа, и через несколько лет был рукоположен в дьяконы. Сейчас у них уже трое детей. Старший пресвитер по Московской области попросил нас отпустить Юрия в Ивантеевскую церковь. Там тридцать старушек, а служить некому. Мы благословили Юру, и сейчас он трудится там.

Третий дьякон, Евгений, инженер, пришел в церковь с Арбата, и жена его, актриса, тоже с Арбата. Встретились они в церкви и стали семьей. На их свадьбе отец Жени сказал мне: «У меня работа такая была, что я притеснял и обижал верующих, как раз таких, как вы. Кто мог подумать, что мой собственный сын окажется в их числе, и я буду вместе с ними разделять его радость!» Так Арбат для некоторых стал судьбоносным.

Потом пришли другие помощники: Игорь — еще один будущий дьякон, а также музыканты — Саша, Люба, Павел, Фаина. Появились ревностные молитвенники — Марина, Аня, Слава, Таня, Люда, Евгения, и прекрасные учителя воскресной школы — Альмира и Саша, переводчица Лена и многие-многие другие, совершенно замечательные люди. Одним словом, церковь стала умножаться и духовно расти. Пришли беженцы: Мукарам и Роза из Таджикистана; армянка Элля бежала из Азербайджана, когда там была резня из-за Нагорного Карабаха. Эти люди, имея дома, семьи, образование и хорошую работу, были вынуждены бросить все и бежать куда глаза глядят. Они потеряли все материальное, но какими деньгами можно оценить ту душевную травму, которую они пережили? Бог не оставил их: они нашли мир душе, а в церкви — свою семью. Пришли в церковь и замечательные врачи — профессора Николай Антонович и Ирина Константиновна, которые многим членам церкви оказали медицинскую помощь.

Оглядываясь я назад — и радуюсь и удивляюсь: неужели, правда, что это все устояло? С такой немощи все началось! Так неуверенно, неумело и робко, а выросло в зрелую церковь! Это никак невозможно без Божией силы и Божьего вмешательства. «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее», — так сказал Христос. И это верно на все времена.

Хотя в церковь приходят люди разные, но в ней удивительно чувствуется единство духа. «Церковь, — по словам одного проповедника, — единственное в мире сообщество, где условием членства является недостоинство и низкое положение кандидата. В церкви мы вытрезвляемся от мирского обаяния, от опьянения страстями и похотями житейскими, просветляемся, освящаемся, очищаемся душами своими, к Богу приближаемся, с Богом соединяемся». И я очень благодарна моей церкви, потому что она вскормила меня и многому научила и продолжает учить. Какие хорошие люди пришли в церковь: искренние, желающие посвятить свою жизнь Господу! Именно в церкви я поняла, что люди — это самое большое богатство в жизни. И хотя все мои родственники живут далеко, в Узбекистане, я не обделена здесь, в Москве, заботой, вниманием и любовью.

И еще, оглядываясь назад, я думаю о великом промысле Божиим. Бог предусмотрел, чтобы меня одну из большого нашего рода вырвать (другого слова не могу найти) и поселить далеко, в Москве, для одной только цели: чтобы приготовить встречу с Возлюбленным. А, между прочим, эта встреча могла состояться еще двадцать пять лет назад, но я тогда, к сожалению, не поняла этого.

Вот что тогда произошло. Первые годы жизни в Москве я очень интересовалась музеями. Всеми подряд. И искусством, которое можно было бы охарактеризовать, как «нас возвышающий обман» или строчкой из Лермонтова: «Сиял он тихо, как звезда, манил и звал он, но куда?» Искусство — это прекрасно, но надо заметить, что когда у человека нет веры в Бога, то он носится сломя голову по музеям, театрам, по историческим местам и городам, стремясь заполнить ту душевную

пустоту, которую заполнить может только Бог. Или все время что-нибудь меняет: то мебель, то платье, то жену, то страну. Кто-то точно заметил по этому поводу, что человеку хочется рай насадить окрест себя взамен потерянного.

Так вот, в газете «Труд» я прочла, что в Вильнюсе есть единственный в СССР музей медицины, в котором находится череп древнего человека со сквозной дыркой. Но дырка эта не простая, а якобы у этого человека были сильные головные боли, и мудрые дикари пробили ему раскаленным копьём голову, но в таком месте, что он с этой дыркой в голове жилеще много лет. Ну и я, конечно, помчалась в Вильнюс смотреть эту дырку. Поехала не одна, убедила еще мою подругу с работы Аллу и сестру Зину, которая тогда гостила у меня в Москве, в исключительной важности этой дырки в черепе.

И вот мы втроем по всему Вильнюсу ищем этот музей, всех расспрашиваем, но никто ничего о нем не знает. Плутали мы так, что оказались на краю города. Видим — идут три молодые девушки в платочках. Мы спросили у них, не знают ли они, где находится музей медицины. Они ответили, что идут как раз туда, и мы пошли вместе с ними. По дороге они нам ничего не говорили, но когда мы вошли в какой-то деревянный дом, то увидели людей, которые стали нас приветствовать и уступать на лавке первые места. Теперь я понимаю, что это был молитвенный дом. В тот день у них было бракосочетание, но почему-то невеста с женихом плакали, а в зале все горячо и шумно молились. Мне показалось это таким странным. Но больше всего меня напугал проповедник: он постоянно во время проповеди смотрел на меня, и искры сыпались из его глаз. Я выражаюсь про искры не фигурально, а бук-

важно. Да, именно искры летели в меня, и я все время боялась, что они меня опалят. Я никогда в своей жизни больше не видела такого, но тогда мне показалось, что меня приготовили к жертвоприношению, и я только и мечтала о том, чтобы оттуда сбежать.

Но вот закончилось богослужение. Нас стали приглашать на праздничное застолье, которое должно было состояться в тот же день в другом месте, и я подумала: «Вот как раз там все и начнется». Я сказала, что нам срочно надо быть в гостинице, и поторопилась к выходу. Тогда нам предложили назвать нашу гостиницу и сказали, что за нами пришлют машину, чтобы привезти на брачное торжество. Это меня окончательно убедило в том, что там меня съедят, а вместе со мной и мою сестру и подругу.

В ту ночь я долго не могла заснуть от страха, но когда, наконец, заснула, то проснулась от собственного крика. Мне приснился проповедник с пылающими глазами и искрами, которые он метал в меня. Вот результат влияния на меня фильма «Тучи над Борском», где извращенно представлены верующие, протестанты, будто бы приносящие взрослых и детей в жертву. А ведь тогда все могло случиться по-другому, если бы я приняла этот Божий знак и поверила тем замечательным и искренним верующим людям. И, может быть, совсем по-другому сложилась бы моя жизнь, и я не наделала бы многих роковых ошибок, которые совершила по глупости и незнанию жизни. «Но благодатию Божиею есмь то, что есмь», и я благодарна Господу за все события в моей жизни. Мне кажется, что я прожила две большие жизни, похожие на два разных полюса: на одном из них можно было смертельно замерзнуть в крошечной тьме, если бы не Христос, Который пришел, чтобы «открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу».

Были в моей жизни и события, в которых явственно проявлялась рука Божия. Так, мне посчастливилось свидетельствовать в 1992 году в огромном спорткомплексе «Олимпийский», где присутствовало пятьдесят тысяч человек, когда в Москву приезжал знаменитый проповедник Билли Грэм. А через семь лет, в 1999-м, проповедовала вместе с его дочерью во Франкфурте, где было десять тысяч человек. После служения ко мне подошли русские, живущие в Германии, мы молились вместе, и они обратились ко Христу.

Много Божиих знаков, много духовных побед, «и благодать Его во мне не была тщетна», не я трудилась, «а благодать Божия, которая со мною». Это все Его милость.

*Не заслуга земли, что пестреет цветок
И что плод созревает на ней;
Разве мог бы взойти хоть один стебелек
Без живительных солнца лучей?
(Шандор Петефи)*

Но хочу быть до конца искренней и сказать, что не только победы, но и поражения были в моей жизни, когда приходилось расставаться с людьми, которым открывала всю душу и с которыми несла одно служение. Что это: предательство или моя вина? Наверное, и то и другое. Далеко не всегда человек способен вместить в себя всю глубину евангельского учения. Даже христианам нужны на это долгие годы, может быть, целая жизнь. Человек восходит по духовной лестнице постепенно, шаг за шагом. А молодому христианину иногда бывает очень трудно отличить голос Божий от множества голосов этого мира. Не так давно я пережила глубокую душевную травму, когда узнала, что человек, который

обратился к Богу через проповедь на Арбате, погиб. Это был наркоман Валера, на память от которого мне остался самодельный нож-финка. Этот нож был его «детисцем», с которым, по его словам, он никогда не расставался. Подарил он его мне в знак своего обращения ко Христу.

Ходил он по Арбату и промышлял по карманам. В толпе людей это не так уж трудно. Но когда подошел к нам и увидел в руках у меня Библию, не стал лазить по карманам, а быстро отошел от этой толпы: место все-таки святое, а воры, как известно, народ очень суеверный. Потом начала его неотступно преследовать мысль: «О чем же там говорят?» Он вернулся, заслушался и на другой же день пошел в церковь. Я дала ему адрес церкви, которая собиралась на дому в Коньково, там он покался и принял крещение. На крещении была его мама, которая сказала, что пришла с единственной целью — посмотреть, что это за люди, которые сделали из ее сына человека. У нее два сына, один сидит за убийство, а другой — Валера — еще хуже, чем первый, нет от него никакого житья. А я сказала ей: «Что Вы, разве возможно изменить его человеческими силами за такое короткое время? Всего несколько недель, как он пришел в церковь — и исправился, а его всю жизнь не могли исправить ни школа, ни милиция, ни тюрьма, ни больница, где его в принудительном порядке лечили от наркомании, но не смогли вылечить — все равно продолжал колотиться. Конечно, это не люди ему помогли, они только встретились ему на пути, а Бог спас его». Он всю жизнь не общался со своим братом, но после обращения ко Христу поехал к брату в зону, отвез ему Библию и примирился с ним.

Я помню, как Валера вскоре после своего обращения пошел проповедовать на Арбат, поднял Библию над

головой и говорит: «Люди, я был вором и наркоманом, я ходил сюда, на Арбат, и обворовывал вас, но Христос изменил мою жизнь. И если я до тридцати лет ничего тяжелее ложки в своей руке не держал, то сейчас я пошел на тяжелую работу, грузчиком, и какое это счастье, что у меня теперь есть Христос!» А кто-то в толпе и говорит ему: «Что ты нам тут „гонишь“, что ты обворовывал всех так круто, — не верим!» «Не верите?» — переспросил Валера, потом посмотрел налево, направо, и через мгновение уже держал в руках чей-то кошелек. Потом он крикнул: «Чей кошелек?» Вдруг одна женщина в толпе как завопит: «Мой, мой, ах, батюшки, как ты его умудрился вытащить?» И сразу вся толпа прониклась к Валере глубоким уважением и слушала его с особым вниманием.

За много лет он побывал в разных церквах. Все чего-то искал, нес музыкальное служение, прекрасно играл на гитаре и пел, был человеком искренним, правда, метался и не был полностью удовлетворен духовной жизнью. В семье у него были проблемы. Однажды из-за семейной ссоры он выпил горсть таблеток. На дворе стояла стужа, а он выбежал на улицу и упал. Люди думали, что он пьяный, и, как обычно бывает в таких случаях, никто не обратил на него внимания. Когда его подобрала «скорая помощь», он еще неделю жил в реанимации, но спасти его уже не удалось. Меня пригласили провести погребальное богослужение. Никогда мне не было так больно. Почему-то я чувствовала себя виноватой в его смерти, хотя последние несколько лет мы не виделись. Так соединил Арбат меня с ним, что я чувствовала причастность к его жизни и к его смерти. На могиле его двадцатидвухлетний сын покаялся и обратился ко Христу. Утешением для меня служит лишь то, что ту неделю,

которую Валера еще жил в реанимации, он был близок к Господу, потому что Сам Господь был близок к нему.

Эта уверенность подкрепляется великой крестной жертвой, которую совершил Бог ради нас. Почему эта жертва была такой страшной? Она объясняется солидарностью Христа со всеми людьми. Великая сила и великая тайна сокрыты в кресте Христовом. Писатель А. И. Солженицын вспоминает, как однажды в тюрьме он решил покончить жизнь самоубийством, и уже все было готово, но вдруг два незнакомых заключенных нарисовали на полу крест перед его ногами. И этот крест остановил его...

Уже давно известно, что в советских лагерях и тюрьмах к верующим часто относились деспотичнее, чем к обычным заключенным, но именно верующие выживали. Потому что в мире не существует более действенной помощи для выживания даже в самых ужасных условиях, чем знание, что твоя жизнь имеет смысл. В повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» Шухов говорит Алешке-баптисту: «Вишь, Алешка... Христос тебе сидеть велел, за Христа ты сел. А я за что сел? За то, что в сорок первом к войне не приготовились, за это? А я причем?» Много трудностей переживали верующие люди, но никогда не оставлял их Господь, посылая поддержку, помощь и совершая даже чудеса. Ныне здравствующий брат Иван Федотов, который сидел восемнадцать лет за веру, рассказывал, как однажды с ним случился сердечный приступ в одиночной камере, и вдруг в маленькую щель протиснулся голубь, вспорхнул к нему на грудь, и стал лихорадочно бить крыльями, вентилируя воздух. Так голубок, чудная Божия птичка, спасла его.

В Библии написано, что «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне», мучается, сопереживая человеку, му-

чается из-за человека, хочет служить ему и даже спасает его. И не случайно так подробно изложен библейский рассказ о том, как Адам дал всем животным названия. Адам разговаривал с животными и понимал их, а сегодня люди, к сожалению, не только язык животных, но друг друга не понимают, порой проживая в одной квартире десятки лет.

Прекрасен Божий мир, и самое прекрасное и важное в нем — это любовь: любовь Бога к человеку и человека к Богу и любовь между людьми. Когда мы посещали с христианской миссией Можайскую исправительную колонию, я поинтересовалась у библиотечкаря: «Какие книги спрашивают у вас?» Она ответила: «Обычно про любовь». Люди всего мира даже праздник себе устроили — день любви, день святого Валентина. Любовь — главное свойство природы Бога. Поэтому в сердце человека живет неистребимая жажда любви.

Расскажу вам одну историю о любви. Я услышала ее от уже знакомой вам Гюли Федоровны, прошедшей сталинские лагеря. Вот ее повествование: «В лагере мы все делились рассказами о личной жизни, о профессиях, многое узнавали друг о друге. Одного не знали: за что сидим. И была среди нас Ира, молодая девушка, так ни разу и не рассказавшая нам ничего о себе. Отсидела она в тюрьме двадцать лет. Пришла хрущевская реабилитация, и совершенно случайно мы встречаемся втроем через два года: я, Ира и еще одна бывшая репрессированная, Галя. На радостях пошли в кафе, взяли бутылку вина и стали вспоминать прошлое. А потом и говорим этой Ире: „Ну, теперь ты можешь сказать нам, какое тебе предъявили обвинение?“ „Теперь могу, — отвечала она. — Закончила я институт иностранных языков, и меня распределили в английское посольство переводчицей. Однажды

приехал туда английский лорд, влюбился в меня, и мы поженились. Прожили мы три месяца, и советское посольство выслало его без всяких объяснений в двадцать четыре часа. Он успел только сказать мне: „Берегись, у вас творится какой-то кошмар, и я думаю, что как только меня здесь не будет, тебя тут же возьмут. Выучи наизусть, как «Отче наш», мой адрес в Англии и дай обязательно о себе знать“. Я тогда не хотела и не могла в это поверить, мне казалось это диким абсурдом, но это случилось, и меня взяли через три дня после его отъезда, а остальное вы знаете. Вот и вся моя история».

И тут мы в один голос с Галей как вскрикнем: «Ты его адрес помнишь?» «Ну и что, — сказала она, — что помню? Прошло двадцать два года, он ведь лорд, девочки, наверное, женился и давно забыл обо мне, мы ведь прожили вместе всего ничего: только три месяца. Пустая это затея». Но мы выпытали у нее адрес, выпили еще по стакану вина для храбрости, тут же пошли на главпочтамт и отбили ему телеграмму. Приходит ей ответная телеграмма от него: «Я всю жизнь тебя любил и искал. Жду тебя». Прилетел он за ней не сам, послал человека на своем личном самолете, чтобы ее немножко приготовили к встрече.

А она попросила нас, подруг, чтобы мы присутствовали, когда придет этот посланник. Уж очень она себя чувствовала неловко: еще недавно тюремные нары, тяжелые ведра из уборной, и вдруг — в Англию, да еще на персональном самолете. Вот сидим мы все и ждем. Входит англичанин, поздоровался с нами и спрашивает: „Кто миссис Петрова?“ Мы чуть со стульев не упали, это Ирка-то наша — миссис? Мы впервые в жизни увидели такое обращение, раньше мы о нем только слышали, и то больше из книжек. Он сказал ей: „Все документы на

вылет готовы, самолет в аэропорту ждет Вас, но, извините, не могли бы Вы показать свой гардероб?“ Ирина открыла скрипучий допотопный шифоньер, где висела одна-единственная старая красная кофта и серый шерстяной платок. Тогда он попросил, не смогла бы она поехать с ним в магазин, и добавил: „Вас дома все уже ждет, мы купим только на один раз — в дорогу“. И мы поехали в магазин «Березка» — закрытое заведение для иностранцев, где Ирку одели так, что мы не могли ее узнать. Одна только норковая шуба на ней стоила десять тысяч долларов. И вот наша Ира, как королева, поднимается по трапу собственного самолета, а мы смотрим ей вслед и думаем: „Не снится ли нам это?“

Потом она прислала нам письмо и фотографии. Описала, как он вместе со своей матерью встречал ее у трапа самолета. Она его сразу же узнала: „Такой же, только виски седые“. Его первые слова были: „Как долго я тебя искал, а ты так долго молчала! Я засыпал письмами и телеграммами советское посольство, чтобы мне ответили, где моя жена. Я знал, что ты жива. И даже когда ты была уже на свободе два года, я продолжал искать и получил ответ из посольства уже после реабилитации, что ты умерла от брюшного тифа и где-то похоронена, но я сердцем чувствовал, что ты жива. Поэтому я не женился и все эти двадцать два года каждый день ждал тебя“.

И пишет эта Ира, что живет в огромном доме, как во дворце. Но никогда не забывает каторжные нары, где спали, как вбочке селедки, задыхаясь от тесноты, когда поворачиваться на другой бок можно было только по команде. Люди радовались, если умирал сосед: хоть на одну ночь, пока не привезли новенького, можно было свободнее вздохнуть, но большей частью завидовали по-

койнику: „Хорошо ему, освободился!“ Вот какое счастье выпало нашей Ире, — закончила Гюли Федоровна эту бль. — Однако, не знаю, ценила бы она именно так все, что на нее потом неожиданно свалилось: и своего исключительного в верности мужа, и Англию, и дом, не случись с ней такая беда». Хорошо, когда встречается такая любовь и верность. Потому она и трогает нас, что это не обычное явление, особенно в наши дни. И слушая эту историю, я думала о Божией любви и верности Его обещания: «Не оставлю тебя и не покину... Се, Я с вами во все дни до скончания века».

Пока я писала эти строки, умерла Гюли Федоровна. Нелегкая ей выпала судьба. Первый муж бросил ее, а когда она вышла замуж за другого, первый в отместку посадил их обоих в тюрьму, оклеветав, будто она японская разведчица с острова Формоза. В тюрьме у нее родился ребенок, который через семь месяцев умер. Второй муж тоже умер в тюрьме. За третьего, вдовца, вышла замуж в старости. Это был друг ее юности. После реабилитации следователь, рассматривавший дело Гюли, из личного расположения к ней показал ей донос первого мужа и предложил посадить его за подлог. Но она сказала: «Не надо, у него есть семья, детей жалко. Это только увеличит зло. Христос говорит: „Прощайте друг друга“».

Трижды пыталась она покончить жизнь самоубийством, и каждый раз не получалось. Последний раз, когда она уже висела в петле, то услышала голос: «Не пытайся, не получится. У тебя еще мать жива. Я Сам за тобой приду». Ее увидели и спасли. Потом она случайно упала в глубокий колодец — ведро перетянуло, и опять осталась жива. А в лагере за мешок картошки, который украли «блатные зэки», а она их не выдала (иначе зэки зарезали бы ее), надзиратели избили ее так, что бросили,

как умершую, в сарай. Среди ночи она очнулась, стала ощупывать себя и ледяные бревна, на которых лежала. Потом догадалась, что она, голая, на куче трупов находится. Поползла к двери, выбралась из сарая. Когда охранник увидел ее, худую, с длинными волосами, то в страхе заорал: «Паук, паук ползет!» Так она опять осталась жива. А в зоне за то, что случайно сделала шаг в сторону из шеренги, получила пулю в левую грудь. На груди остался шрам, но пуля прошла мимо. Что только не перенесла: и голод, и побои, и крыс в ледяном карцере, но Бог хранил ее. Ей выпала трудная доля, не каждый способен это выдержать. Но говорят, что по верблюду и ноша его. У нее было большое, доброе сердце, и именно это помогало ей во всех ее бедах.

15 февраля, в день Симеона Богоприимца, в праздник Сретения, я была у Гюли на дне рождения. За столом родственники ее мужа предложили мне поздравить именинницу. Я сказала, что старославянское слово «сретение» переводится как «встреча». Какую встречу чувствует этот праздник? Среди наших многочисленных встреч есть самая главная — это встреча через веру уже здесь, на земле, с Господом Иисусом Христом. И эта встреча определяет все другие наши встречи и, пожалуй, самую важную из них — встречу с Богом в вечности. Я не думала тогда, что это будут мои последние слова, сказанные ей. На следующий день она умерла. Пошла на встречу. Как верно сказал Соломон: «Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения». Она желала смерти, вот теперь и отмучилась. Хорошо, если эти записанные мною истории из ее жизни останутся доброй памятью о ней. Она была многосторонне талантлива. Айседора Дункан — знаменитая американская танцовщица и жена поэта Есенина — приглашала ее девочкой танцевать в

свой театр. Дружила Гюли Федоровна со многими известными артистами, но когда вернулась из тюрьмы, все избегали ее, боясь за свою репутацию, ведь она была «врагом народа». Одна только Любовь Орлова пригласила ее и приютила. Но теперь ей хорошо, она там, где нет «ни болезней, ни плача, ни стона».

Судьба Гюли Федоровны характерна для истории России, исполненной страданий и горя. Многие, как и она, пережили репрессии, войну, тюрьмы, голод, и, конечно, в сравнении со всем этим наши теперешние беды кажутся незначительными. Вместо того чтобы искать сегодня виноватых в наших бедах: плохое правительство, злые враги с Запада, евреи, масоны, чеченцы, — подумаем о своих грехах и о грехах нашего народа. Нам нужно покаяться так, как это делали великие праведники, молившиеся от лица своего народа: «Согрешили мы с отцами нашими, совершили беззаконие, соделали неправду». Только тогда мы можем ожидать, что жизнь в нашей стране станет лучше. «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? — спрашивает апостол Павел. — Как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?..»

Сегодня мы были на вокзале. Как люди там слушали Евангелие! Последние недели я это особенно замечаю и думаю, что это напрямую связано с войной в Чечне. У меня есть свои наблюдения, когда люди лучше всего принимали Евангелие: в момент путча, после него, после кризиса 17 августа 1998 года и теперь, во время войны в Чечне. Это совсем не странно, но факт любопытный, и свидетельствует он лишь об одном: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

С благодарностью Богу я вспоминаю, как в 1991 году мы раздали четыре тысячи Евангелий солдатам у Манежа

и у Белого дома. У Манежа была зловещая и смертельная тишина. Стояли танки. Люди вокруг были, но никто ни с кем не разговаривал. Я помню, что нашла тогда какое-то возвышение, подняла Библию над головой и стала просить солдат: «Не убивайте нас, Бог этого не велит, Бог не хочет крови. Христос для того отдал жизнь за нас, чтобы мы любили друг друга. Все мы братья и сестры, и у нас один Отец, Который на небесах!»

Мне в этой жуткой тишине каждую секунду казалось, что я получу пулю в лоб. Я говорю это не для того, чтобы отметить свое геройство, которого и не было, но только для того, чтобы подтвердить, что Бог дает удивительное бесстрашие и в таких обстоятельствах. Во время путча священник, сотрудник Библейского общества, достойный и уважаемый человек, который и предложил мне эту акцию, сказал, чтобы я не говорила о Библии, а только читала указ Ельцина, в котором все путчисты объявлялись незаконными захватчиками власти. На что я ответила, что я не хочу умирать за указ Ельцина, я пришла сюда только ради Христа. И удивительное я тогда получила там откровение, что ради Христа не страшно ничего, и даже сама смерть.

А у Белого дома все было по-другому. Там были демократы, там было живо, там все общались и сплотились, как одна семья. Но как люди слушали тогда Евангелие и брали его!

Слава Богу, что в начале 90-х годов глаза многих открылись, и люди ужаснулись злодеяниям своих отцов и дедов. Но, к сожалению, человек — существо непостоянное и двойственное. Как в евангельском повествовании, когда народ кричал вначале: «Осанна!», а затем: «Распни!» Вот и получается, что мы одновременно хотим и Богу служить, и ходить под красными флагами.

*О Русь! На тебя дух мести вечной восстал
За то, что ты стоишь, немея,
У перепутного креста —
Ни зверя скипетр подъять не смея,
Ни иго легкое Христа.*

(В. Иванов)

Перед этой дилеммой, что избрать, стоит не только Россия, но каждый народ и каждый человек. «Жизнь и смерть предложил я тебе... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое».

Благодарение Богу, что за эти осень и зиму мы раздали сотни Евангелий солдатам на Ленинградском вокзале, и я верю, что это обязательно принесет добрые плоды. Однажды половина зала на вокзале была занята призывниками-дагестанцами. Пришлось на ходу перестраивать свою проповедь, и я говорила им об Аллахе, пророках, Мухаммаде и о Христе. Из Дагестана и Чечни люди озлобленные: русские разгромили их страну, а Христос в их понимании — русский, и тогда зачем Он им? «Так ныне безмолвный Кавказ негодует. Так чуждые силы его тяготят...» (А. С. Пушкин).

И говорят мне эти призывники-дагестанцы во время проповеди: «А у нас женщины платки носят». У меня висела косынка на шее, я сказала им: «Я сейчас, ребятки, надену платок на голову». Тогда подошел ко мне молодой паренек и спросил: «Можно, я завяжу его Вам по-нашему?» И завязал мне косынку по-мусульмански, закрывая лоб. Подвозгласы: «Наша! Наша!» — зал шумно заплодировал, а после проповеди многие дагестанцы взяли Евангелие, и я слышала, как один призывник говорил другому: «Нехорошо, что мы эту книгу грязными руками берем, святая ведь, надо бы руки помыть».

Из мусульман лучше всего проповедь слушают таджики, им даже не надо переводить ее на язык Корана. Неделю назад подошел ко мне после проповеди таджик по имени Шали и рассказал о джихаде — священной войне мусульман, в которой у него погибли три брата. «Я горжусь своими братьями, — сказал он, — потому что они попали на небо. Но то, чем вы здесь занимаетесь, — это лучший джихад. Ведь вы не скрываетесь, а ведете «войну» открыто. А в том джихаде тебе стреляют в спину, и ты не видишь — кто... Однажды на суде Аллах спросит: „Знаешь ли ты мою книгу Коран?“ А я, например, скажу: „Нет, у меня не было возможности: я не знал арабского языка, и у нас 70 лет был советский атеизм“. Но Аллах покажет мне фильм с моей жизнью, а потом спросит: „Как же ты не знал? На Ленинградский вокзал Я «улому» (учителя) для тебя посылал“». Мне было удивительно, что истинный мусульманин так по-евангельски рассуждал. Если бы везде велась такая священная война, по его словам, — такой «джихад», какой мы ведем на вокзале, то его братья были бы живы. Он поблагодарил за проповедь и взял Евангелие.

Наверное, три его убитых брата не давали ему покоя, и он постоянно думал о джихаде: что это такое? К сожалению, не все мусульмане знают, что истинное значение слова «джихад» означает «усердие», это битва против того, что мусульмане называют словом «дунья» (буквально «мир»). Мир, будучи творением Бога, сам по себе не зол, но отношения между людьми и дела человека на земле часто прямо противоположны воле Бога. «Дунья» манит людей, отвращая их от праведной жизни, делая их жадными, жестокими и гордыми. Джихад и является борьбой против этих пороков. Как часто люди обосновывают свою ненависть самыми

высокими, праведными и возвышенными намерениями во имя добра. Не помню, чьи это стихи, но к ним нечего добавить.

*Во имя равенства людей,
во имя призрачных идей,
во имя мира и свободы,
во имя братства и любви
куют оружие народы
и потопляют все в крови!*

А другой таджик – народный артист Советского Союза Джурабек Мурадов, когда я подарила ему на большой таджикской свадьбе в Узбекистане Библию, восторженно показал ее всем сидящим рядом с ним начальникам этого города, и сказал: «Дорогие собратья-таджики, если бы мы читали эту книгу и жили так, как здесь написано, мы никогда не воевали бы друг с другом, и на нашу землю пришел бы долгожданный мир». А на вопрос: «Но ведь эта книга говорит о христианстве?» – он ответил: «Эта книга говорит о нас с вами. Таджики – древний библейский народ, который участвовал в освобождении евреев из вавилонского плена, а персидский царь Кир, описанный библейским пророком Исаией, сделавший все для строительства Иерусалимского храма, есть наш прадед. И когда я был в Израиле с концертом, я сказал об этом в большом открытом зале: „Послушайте, евреи, ведь мы с вами братья, и вы у нас еще в долгу, так как именно мы освобождали вас две с половиной тысячи лет назад из вавилонского плена, и мы помогали вам строить храм!“ Весь зал встал и шумными аплодисментами приветствовал эти слова. А мэр вручил мне символические ключи от города». Уходил этот артист со свадьбы,

величественно прижав Библию к груди на глазах у всех своих многочисленных поклонников. Многие знали, откуда у него эта книга, и поэтому поспешили ко мне со словами: «Китоб, китоб!» («Книга, дай такую книгу!») Он сделал за один час там больше, чем я за последние многие годы. Но я думаю, что без этого долгого и кропотливого труда сеяния Божьего слова не было бы и этого случая, который я приняла как награду от Господа. Мой племянник провожал этого артиста до таджикской границы, и вернулся он такой восторженный, потому что его кумир хвалил Библию и его тетю. А ведь совсем недавно племянничек говорил мне: «Позоришь ты нас, тетя, со своим христианством и со своей Библией».

У меня много племянников, и большинство из них, слава Богу, обратилось к вере Христовой: двое окончили духовную семинарию, а четверо и двоюродные брат с сестрой учатся в библейском колледже, племянница Лейла живет со мной и преподает в духовной семинарии. Но особенно я радуюсь за старшего брата, в доме которого мои родственники и соседи, иранцы, вместе молятся и читают Библию. Еще совсем недавно этот брат говорил негодующие слова в адрес Библии и Иисуса Христа: «Кто твой Христос? Он был простым пастухом у нашего великого пророка Мухаммада!» А я ему ответила: «Правильно ты говоришь, Христос действительно был пастухом, и не только Мухаммада, но и всех нас. Царь Давид называл Его добрый Пастырь». Не отчаивайтесь, если ваши близкие не хотят слушать о Христе и гонят вас. Время — оно как добрая почва, которая вскармливает семя, чтобы однажды дать ему рост.

Наверное, только в вечности откроется во всей полноте, как удивительно действовало Божие Слово в душах людей. Два месяца назад моя невестка рассказа-

ла, как она дала детскую книжку на узбекском языке, «Притчи Иисуса», своей младшей сестре-шестикласснице, которая жила в далеком глухом ауле. Она ничего ей не рассказывала, только оставила книжку, в которой очень красочно пересказаны притчи Иисуса Христа, а на последней страничке маленькое заключение об этих притчах, что они зовут сделать выбор и встать на путь Христа. А потом учительница по литературе, ярая исламистка, задала детям задание подготовить любое литературное произведение, чтобы прочитать на внеклассном уроке. И эта девочка прочитала притчи Христа. На вопрос учительницы: «Зачем ты нам это читала?» — девочка сказала, что эти притчи зовут сделать выбор и встать на путь света и добра, на путь Иисуса Христа. Девочку выгнали из школы и восстановили потом с большим трудом, тщательно проверив, чтобы убедиться в том, что ее никто не «евангелизировал» и специально не посылал проповедовать. В этом глухом ауле не то что проповедника, ни одного христианина не было никогда. Но вот случайно попадает в руки книжка, которая совершает чудо в душе ребенка, и он этим чудом сразу же захотел поделиться с другими. Эта замечательная девочка, которую я никогда не видела, живет себе в далеком горном ауле, говорит о Спасителе и не знает, что тем самым она выполняет поручение Христа и уже пострадала за Него. Там, где мы не можем достичь людей живой проповедью, книга делает свое дело. Она, как стрела, пущенная из лука, достигает своей цели.

Я благодарю Бога за этот труд в моей семье, на моей родине, а также здесь, в Москве, на улицах и вокзалах, и за то, что моя жизнь кому-то нужна и что она сложилась именно так. Это счастье и милость Господня — трудить-

ся в Божиим винограднике. Слава Богу, что я осталась жить в Москве и не уехала в Америку, куда звали меня мои друзья. Во время перестройки была сильная волна эмиграции. Я в это время только что уверовала, и одна христианская семья – Дима с Люсей – пригласила меня к себе домой. У них было шестеро маленьких детей. Я привела с собой еще одного неверующего. В доме у них была очень бедная обстановка, помню одни железные койки, но было уютно и весело. Впоследствии я видела, как радовались в этой семье, если на столе был сахар, но в тот день, когда мы пришли, на столе стоял маленький торт. И я слышала, как за дверью мама тихо объясняла детям, что торт для гостей и что только после гостей она даст им то, что останется. Конечно, меня этот случай очень тронул, и я полюбила эту семью и дружила с ними. У них я познакомилась с еще одной верующей сестрой, Галей. Все они решили эмигрировать, а тогда это еще не составляло большого труда, особенно для верующих, которые тысячами уезжали в Америку по израильской визе.

Я попала под общее влияние и тоже подала документы на выезд. Через три месяца мне пришел вызов на постоянное место жительства в США и приглашение в американское посольство. А я тогда почти каждый день проповедовала на Арбате, и, когда получила документы на выезд, моя первая мысль об Америке была: «Что же я буду там делать, там ведь нет Арбата?» Я не знала, что такое Америка, еще никогда не была на Западе, но знала, что такого Арбата там точно нет. А ехать туда ради материального – пустое дело. Если бы не Арбат, может быть, я бы и уехала, чтобы посмотреть другой мир и другую жизнь. Но то счастье, которое я переживала на Арбате, нельзя было сравнить ни с чем, и только поэто-

му я осталась в России и даже не пошла в американское посольство.

Друзья мои из Америки мне пишут и звонят. Недавно Галя написала: «Хорошо, что ты не поехала в Америку, там, у себя, ты нужнее». Я не знаю, что было бы в Америке, но сколько я получила благословений здесь — это я знаю хорошо! Я люблю Москву, где прошли мои лучшие годы жизни. И я очень хочу верить, что в России будет большое пробуждение.

*Вся Россия лишь страданье,
Ветра стон в ветвях берез,
Но из крови и рыданья
Вырастает ожиданье
Царства Твоего, Христос!
(С. Соловьев)*

Вы спросите у меня, зачем я написала эту книгу? В ее названии мой ответ: для меня Христос — это вечная весна. Я уверовала весной. И в праздник Пасхи пошла к храму Ильи-пророка, в пятидесяти метрах от которого жила. На улице было много людей, и священник, выйдя на балкон храма, поздравлял всех пасхальным возгласом: «Христос воскрес!» И моя душа с таким ликованием отвечала: «Воистину воскрес!», что сердце от радости готово было выпрыгнуть из груди. «Душа всякого праздника — есть присутствие того, кому празднуют» (Филарет Московский). И это присутствие было таким ощутимым! Для меня тогда впервые раскрылся смысл этого пасхального поздравления: нет большего счастья на свете, чем «Христос воскрес!» Воскресивший Христа воскресит и нас, и я верю, что, когда умру, Христос не оставит меня в земле, а возьмет к себе навсегда. И я жду этой встречи.

Той же весной со мной произошло еще одно событие. Я только что обратилась к Господу, и душа моя находилась в состоянии необыкновенной радости и любви. Это было в начале мая. Однажды ночью я молилась. Меня потрясла тогда тихая глубокая ночь и таинственность жизни. Что такое жизнь?.. Слезы потекли ручьем. Мне захотелось раствориться в этой ночи и исчезнуть. Раствориться так, как сахар или соль растворяются в воде. И в этот момент из глубины своего существа моя душа закричала: «Господи, если Ты есть, я хочу видеть Тебя!» Я не знаю, почему я это произнесла. Только точно знаю, что я не просила чуда, которое доказало бы мне существование Бога. Слова эти сами вырвались из моей души. Они были обращены даже не к Богу, а как бы к этой явно дышащей ночи. Вдруг совершенно неожиданно для меня я услышала ответ: «Увидишь!» Голос был не мужской и не женский, он был из сердца, как бы знание. Я вздрогнула и сразу поняла, что это уже неизбежно: я что-то увижу. И поскольку это было связано с Богом, я подумала, что, как только это случится, я от страха сразу умру. И я мысленно попросила: «Только чтоб я не испугалась». Ничего в ту ночь так и не произошло, и я заснула.

Через несколько дней, около четырех часов пополудни, я находилась в своей комнате и подошла к окну, чтобы посмотреть на небо, не будет ли дождя. Был пасмурный день. Я очень торопилась. Я выглянула из окна и посмотрела на небо. На небе был Христос, по грудь. Удивительные большие глаза смотрели на меня. Очень четкие черты лица. Четыре локона спускались на плечи Его, по два с каждой стороны. Я смотрела на Него так, как если бы я видела Его три раза на дню. Совершенная тишина была в моем сердце, хотя я и

удивилась: «Надо же! На небе Христос?! Поразительно!!! Вот только жаль, что как-то не вовремя Он мне явился, мне ведь нужно по делам бежать». Я еще немножко на Него посмотрела и побежала, оставив Его. У Него был такой умиротворенный лик, что, казалось, Он был бы там столько, сколько бы я на Него смотрела. Но мои пустяшные дела оказались важнее. Я бросила Его на небе и сломя голову помчалась делать какую-то ерунду, даже не вспомнив о случившемся до самого вечера. А может быть, Бог намеренно все так устроил, ведь я же просила: «Только чтоб не испугаться». И вечером дома, когда я села ужинать, я услышала тот же голос в сердце: «Увидела?!» Тогда я все вспомнила: ночь и слезы, молитву и разговор. И только тогда до меня дошло, что я натворила. Как верно сказал один богослов, что если бы люди видели ангела на небе каждый день в 12 часов, то удивлялись бы недолго, а потом смотрели бы на небо только для того, чтобы сверить «по ангелу» свои часы.

Этот случай очень помогал мне на Арбате, хотя я никогда не рассказывала о нем неверующим. И даже с верующими я делилась этим только в исключительных случаях. На Арбате иногда попадались такие «мудреные» философы, которые своими рассуждениями смущали людей и мою хрупкую веру. И тогда мне вспоминался живой Христос на небе. В одно мгновение все преображалось, как будто меня подменяли: живительная сила вливалась в меня, и я начинала говорить с такой убедительностью, что все просили «мудрецов» помолчать или уйти.

Я глубоко убеждена, что верующие каждый день видят чудеса в самых обычных обстоятельствах. И самое большое чудо — это любовь, которая поселяется в нашем сердце.

Любовь, и только любовь, способна победить зло, царящее на земле. Лишь она может сделать нашу жизнь счастливой, наполнить ее смыслом. Есть такая легенда: когда апостол Иоанн был очень стар и приближался конец его земной жизни, один из его учеников обратился к нему с вопросом: «Иоанн, почему ты все время говоришь только о любви: о любви Бога к нам и нашей друг ко другу? Почему ты не расскажешь о чем-нибудь другом?» И тогда Иоанн, который от юности полюбил Христа и возлежал на Его груди, ответил: «Потому что больше ничего нет — только любовь».

Каждый человек на земле сотворен из любви для любви, потому что он — образ и подобие Божие. Каждый человек — сокровище, „бездна богатства“, и о каждом можно написать отдельную книгу. Но если бы даже это и удалось, человеческая память преходяща. «Сотвори память вечную», — поем мы у гроба. И Бог отвечает нам: «Любовью вечною Я возлюбил тебя». О Божией любви к нам мне и хотелось рассказать на страницах этой книги.

Христос — единственный смысл моей жизни. В Нем мое воскресение и вечная весна.

Бабушка
со своими детьми.
Первая слева
во втором ряду –
моя 20-летняя мама

Наша семья

Я с бабушкой Прасковьей

Моя мама Хатина Степановна

Юли Федоровна
после 16 лет сталинских лагерей

Я в гостях у художницы Гюли Федоровны и ее 97-летнего мужа

Проповедь на Арбате

Весть о Христе у Мавзолея Ленина

Раздача Евангелий

Московская церковь «Благовестие»

Собрание верующих в Узбекистане

Прославление Господа Иисуса Христа

